10.335
1958

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

59.542

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман. Окончание 3
ХУТА БЕРУЛАВА. Он разделяет с нами торжество. Стихи 26
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Могила матери. Стихи. . 28
БЕНИК СЕЙРАНЯН. Первая любовь. Рассказ . . 31
СИМОН ЧИКОВАНИ. Поездка за солью. Стихи. . 44
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. «Лесной человек». Рассказ 45
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Обломок лавы. Стихи. . . . 61
РЕВАЗ МАРГИАНИ. Всегда ты со мною. Стихи . 63
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. «Тяжелая палата». Рассказ 64
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Акакию Церетели. Стихи. . 77
АЛЕКСЕЙ ЛАСУРИА. ***. Стихи 78
ГРИГОЛ ЧИКОВАНИ. Грек. Рассказ 79
МАМИЯ ВАРШАНИДЗЕ. Песня дружбы. Стихи . 89
ХАРИТОН ВАРДОШВИЛИ. Море. Стихи . . 90
ХАДЖИ-МУРАТ ДЗУДЦАТИ. Друзья-деревья. Стихи 91

ОЧЕРКИ

МИХАИЛ ДАВИТАШВИЛИ. Чудесный напиток . 93

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ШАЛВА АБХАИДЗЕ. Оглядываясь на пройденный путь 105

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

В Брюссель, на Всемирную выставку 115

(См. на обороте)

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ «ЗАРЯ ВОСТОКА»

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Человек, рожденный для танца 119

ПО ВЫСТАВОЧНЫМ ЗАЛАМ

ИГОРЬ УРУШАДЗЕ. На выставке Гиго Габашвили и Якова Николадзе. 125
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Нико Пиросманишвили . . 127
И. ОТАРИШВИЛИ. Грузинское изобразительное искусство на декаде 130

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии 132

Коротко об авторах 134

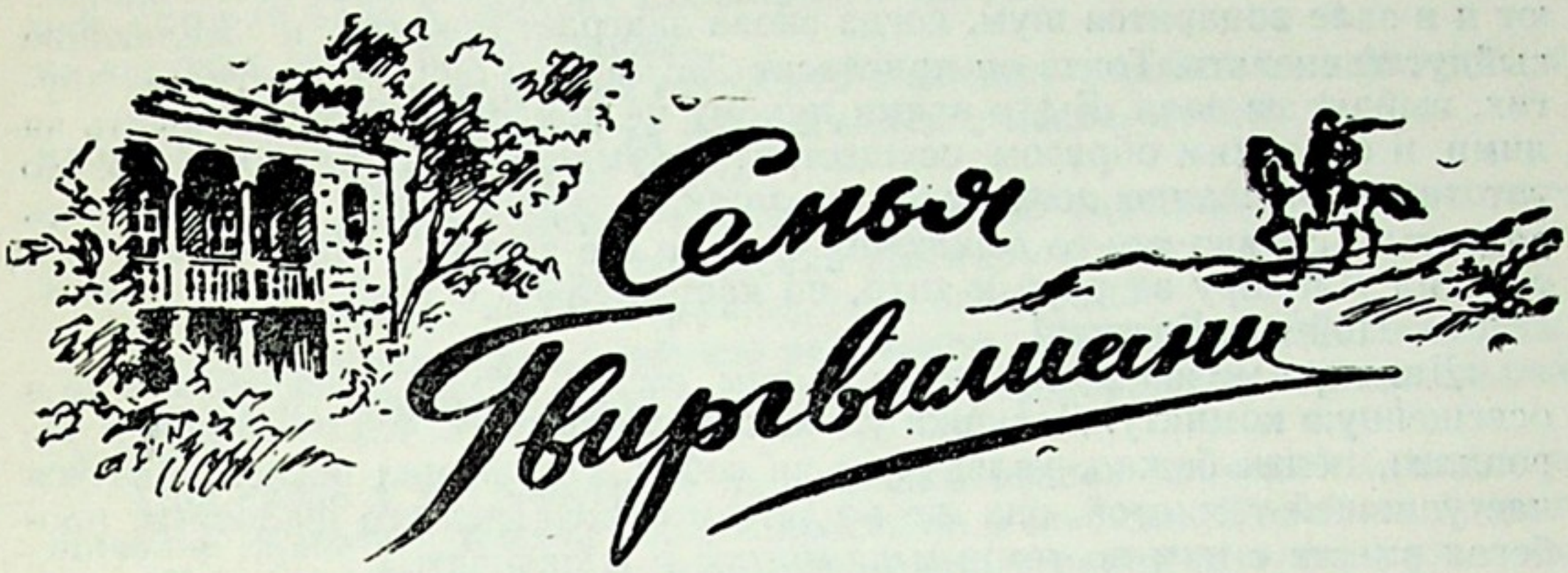
Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ю. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора), А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Шалва Дадиани


Семья Гвиргвилиани

РОМАН

(Окончание)

Перевод с грузинского **Наты Чхеидзе**

Баронессу привели в чувство. Бабо и Марина взяли ее под руки, собираясь отвезти в гостиницу.

В эту минуту к Бабо Павленишвили подошла жена маршала и отозвала ее в сторону.

— Мне думается, — сказала она,—что в похищении Дагмары замешана Атато.

— Какая Атато? — спросила Бабо.

— Та, что гадала в избушке. Мне кажется подозрительным ее поспешный уход отсюда—она даже не осталась ужинать. Между этим и похищением Дагмары есть, по-моему, какая-то связь. Надо выяснить. Я не могу оставить клуб, пока не провожу последних гостей, а уже под утро, чуть свет, нагряну к Атато. И, будьте уверены, узнаю от нее все, что произошло. Мужчины, видимо, в этом деле участия не примут. Надо нам, женщинам, взяться за него и прежде всего хоть немного успокоить баронессу. Она старается не показать, но уж очень подавлена, бедняжка...

Бабо согласилась с доводами собеседницы. Решено было, что завтра та сообщит ей обо всем, что узнает от гадалки.

* * *

И в самом деле, жена маршала еще до рассвета привезла Бабо Павленишвили самые точные сведения. Она ездила к Атато и та после упорного запирательства созналась, что Дагмара действительно была похищена князем Мито и что сейчас оба они находятся в Маглаки у родственника Атато.

Бабо поблагодарила жену маршала за сообщение и решила сейчас же вместе с Вамехом отправиться в Маглаки.

Так она и поступила.

Когда в клубе во время ужина погас свет, для Мито это было полной неожиданностью. Он предполагал, что похитит Дагмару в совершенно иной обстановке. Мито думал использовать то время, когда гости опьянеют и в зале воцарится шум, когда снова заиграет оркестр и желающие выйдут танцевать. Тогда он пригласит Дагмару, и они, незаметно от других, выйдут из зала. В это время никому не придет в голову следить за ними, и он, таким образом, осуществит задуманное. Так решил Мито. Но вот зал неожиданно погрузился во мрак, и сердце Мито переполнилось радостью: словно кто-то выключил свет по его заказу. Мито тотчас же схватил Дагмару за руку и тихо, но настоятельно сказал:

— Пойдем, Гретхен!

Дагмара молча последовала за ним, думая, что он хочет отвести ее в освещенную комнату. Девушка удивилась лишь тому, что он слишком торопился, почти бежал, увлекая ее за собой. Он спешил воспользоваться наступившей темнотой, она же по-детски радовалась его шалостям, пробегая вместе с ним по темным комнатам и коридорам.

Выйдя из клуба, беглецы различили при слабо мерцающем свете керосиновых фонарей ряды экипажей. Один из них подъехал и остановился у подъезда.

Мито, не дав своей спутнице опомниться, ловко подсадил ее в экипаж и сам сел рядом.

— А ну, Карабах, в Маглаки! — приказал он кучеру.

И Карабах погнал своих лошадей с присущей ему лихостью.

Дагмара была удивлена всем, что случилось, однако нисколько не была шокирована. Полная луна освещала темные улицы, и эта прогулка напоминала ей эпизоды, вычитанные в увлекательных романах. Дагмара думала: «Как это он хорошо придумал — прогуляемся немножко и вернемся домой».

Когда миновали пригород и выехали на Хонское шоссе, вид стал еще прекрасней—посеребренные лунным светом деревья, кустарники, горы походили на сказочные видения или библейские пейзажи Густава Доре. Направо виднелись холмы Баноджи, за ними — Сакуслиа — местность, в прошлом служившая пристанищем разбойников. Налево раскинулась необозримая равнина, за нею виднелись Гурийские горы. А рядом с Дагмарой сидел в экипаже прекрасный юноша в белой чохе. Дагмара попала в какой-то волшебный мир—и неизъяснимая радость охватила ее душу.

Девушка была в таком восхищении от всего окружающего, что совершенно не задумывалась над тем, к каким последствиям мог привести сделанный ею шаг. Она даже не слушала толком, что говорил ей Мито. А тот болтал всякий вздор и хотя одной рукой крепко обнимал ее стан, но за всю дорогу не позволил себе никакой другой вольности. Быть может, происходило это от того, что он думал: «Все равно она теперь в моих руках».

Фаэтон подъехал к воротам дома, стоящего у самого края дороги. Тут Дагмара пришла в себя, высвободилась из объятий юноши и твердо объявила:

— Теперь вернемся, князь Мито!

Тот громко рассмеялся:

— Какое время возвращаться! Мы приехали домой.

— Нет, нет, князь Мито! Я прошу вас, мама и Марина теперь, наверно, ищут меня, беспокоятся.

— Это ничего. Завтра утром мы опять будем с ними.

— Как так — завтра утром? — Дагмара содрогнулась, угадав чутьем, что ее подстерегает какая-то беда.

— Нет, нет, князь Мито! — вскрикнула она.—Вернемся немедленно!

В это время ворота дома широко раскрылись, и лошади въехали в большой, поросший травой двор и остановились перед каменной лестницей, которая вела к балкону просторного имеретинского дома, стоявшего на высоких деревянных столбах.

Здесь, видимо, ждали гостей. Мито поспешно выскочил из фаэтона и протянул руки Дагмаре, но та не трогалась с места, лепеча:

— Уедем отсюда, князь Мито!

В этот момент по лестнице легкой поступью спустилась какая-то пожилая женщина и любезно пригласила Дагмару в дом:

— Пожалуйста, милая барышня, не стесняйтесь!

Дагмара испытывала крайнюю неловкость, не зная, как ей поступить. И, видимо, из чувства простой вежливости, последовала за обходительной хозяйкой.

При входе в зал навстречу приехавшим вышел приятной внешности пожилой человек в темной чохе, с проседью в волосах. Это был хозяин дома Симоника Медидурадзе, ближайший родственник известной уже нам гадалки. Он был предупрежден ею и поджидал гостей.

Правда, родственница не сказала ему о цели приезда молодых, но Симоника тотчас же догадался, что Мито привез с собой похищенную девицу — догадался и бровью не повел. Медидурадзе сам был большим мастером по части похищений девиц, нападений с целью грабежа на еврейские семьи, укрывательства конокрадов и тому подобных сомнительных дел. Однако особенным размахом он в своей деятельности не отличался и промышлял лишь в ближайших к его дому деревнях. Беспечный по природе, весельчак и хохотун, Симоника недурно пел имеретинские и европейские песни, недурно и плясал. У него было приятное лицо с коротко подстриженной бородкой и усами, одевался он опрятно, почти изящно.

Медидурадзе и сейчас встретил гостей веселым смехом и, хотя в Грузии не было принято целовать девицам руки, он, к удивлению Дагмары, коснулся губами ее руки, но самую руку долго не выпускал, словно желая определить, тяжела она или нет. Потом он фамильярно ткнул Мито локтем в бок, подмигнул в сторону Дагмары, снова гулко расхохотался и пригласил гостей в залу.

При этом он с вежливым поклоном сказал довольно чисто по-русски (Симоника прошел в свое время четыре класса гимназии):

— Милости прошу, будьте дорогими гостями!

Дагмара ничего не ответила. Ее охватил непонятный страх. Она почувствовала себя очень одинокой и беспомощно оглянулась на Мито, но и он теперь показался ей чужим.

Вошли в зал. Симоника пригласил гостей к накрытому столу. Дагмара оглянулась по сторонам, словно ища кого-то. Симоника, заметив это, тотчас же обратился к ней.

— Вы что—очень устали или, может, вам нездоровится? Сейчас, сейчас! Крестная! — позвал он уже знакомую нам пожилую женщину:— Ну-ка, покажи барышне комнату, прислужи!

Женщина слегка коснулась руки Дагмары, как бы приглашая девушку идти, и та пошла за ней, как послушный ребенок.

Когда они вышли, Симоника снова весело рассмеялся:

— Прелестную лань ты прибрал к рукам, князь Мито.

— Н-да, — чуть заметно улыбнулся князь.

— Тебе и карты в руки. В Грузии ты уже обстрелял всю дичь, теперь в Петербурге... В салонах...

— Еще чего — в Петербурге! Что я, до старости буду с ней возиться?

— Да нет, при чем старость! Она будет твоей женой, а в Петербурге ты найдешь еще милашек.

— Что? Женой? Упаси меня боже!—воскликнул Мито.

— Почему же, милый мой? Чем она...

— Говорю, в жены не возьму!..

— А как же иначе, порази тебя божья кара!

— Ха-ха! Не скрою, я привез ее так, провести время.

— Знаю, знаю я твои штучки!

— А завтра утром я на моем Карабахе — айда! А ее оставлю в твоей семье.

— Да ты с ума сошел! Ах, да — Карабах! — Симоника встал и крикнул, приоткрыв заднюю дверь: — Онисим, эй, парень! Там, во дворе, стоит извозчик, так ты накорми его и вином угости. — Потом, повернувшись к Мито, Симоника продолжал: — Да ты что это, братец? Погубить меня хочешь? Как это так — оставишь ее здесь? Какой я ответ дам баронессе — женщина при дворе состоит у царя? Да ты понимаешь, чем это пахнет? Упекут меня кое-куда подальше Сибири! Камчатка, брат, Камчатка!

Симоника произнес последнее слово с такой экспрессией, что Дагмара услышала его в соседней комнате.

Она, одетая, лежала в постели, в ногах у нее на маленькой скамейке сидела «крестная» и говорила что-то по-грузински. Однако Дагмара плохо понимала грузинский язык, к тому же ей было не до разговоров. Но когда девушка услышала слово «Камчатка», она вскочила с постели, как ужаленная. Это слово почему-то повергло ее в ужас. Несколько минут она стояла в каком-то беспамятстве, а когда из зала донесся громкий хохот, ноги у нее подкосились, и она без сил опустилась на пол.

Мужчины за стеной продолжали хохотать.

Женщина бросилась к Дагмаре, подняла ее и, уложив снова в постель, стала расстегивать ей ботинки.

Тысячи мыслей теснились в голове девушки, одна другой страшнее и тягостней. Она ясно поняла, в какую попала ловушку. Из груди ее вырвался глухой, но долгий, мучительный стон.

Женщина снова бросилась к ней, погладила ее по голове, постаралась приласкать и, заглянув ей в глаза, сказала по-грузински:

— Ангел ты, родненькая, сущий ангел.

Женщине самой пришелся не по душе раскатистый смех мужчин. «Тут что-то неладно», — мелькнуло у нее, и она решила узнать у девушки, кем доводится ей Мито.

Видя, что грузинский язык та понимает слабо, женщина прибегла к жестам. Она поиграла в воздухе двумя пальцами, как бы желая изобразить пару, — и тут ей внезапно вспомнилось русское слово. «Муж, муж?»—спросила она, кивая головой на дверь.

Дагмара отрицательно замахала руками.

Тогда «крестная» выпрямилась и, устремив глаза в сторону двери, твердо сказала по-грузински:

— Пусть меня не назовут женщиной, если ты осуществишь здесь свое намерение! — и, наклонившись к Дагмаре, ласково провела рукой по ее волосам: — Не бойся, ангел, доверься мне, никто не посмеет тронуть тебя.

Дагмара угадала, о чем говорила женщина, и ответила ей благодарным взглядом. А «крестная», что-то придумав, встала и направилась к двери.

— А-а! — вскрикнула в испуге Дагмара, но женщина успокоила ее: «Чичас, чичас!»—и вышла.

— Что такое? С ней случилось что-нибудь?

— Не можется, бедняжке. Голова болит... Жар... Заговаривается...

— Это пустяки! — сказал Мито и направился в комнату. Но женщина преградила ему дорогу:

— Нет, нет, сударь, нельзя! Очень она плоха... Пришлось раздеть ее и уложить в постель.

— Мне как раз это и нужно, — бесстыдно заявил молодой князь, но женщина не сложила оружия:

— Как вам не совестно говорить так! Она же ангел невинный. К тому же—посторонняя вам.

— Какая посторонняя — жена моя! Послушай, Симоника, прикажи этой дуре! — обратился Мито к хозяину дома.

— Погоди, погоди! Куда спешишь? Вот, лягут все и тогда... А пока пойдем, допьем бутылку.

— Ну, черт с вами! — выругался Мито и нехотя последовал совету Медидурадзе.

«Крестная» постояла некоторое время у дверей комнаты и, убедившись, что Мито, занятый вином, не войдет пока к Дагмаре, юркнула в заднюю дверь и разыскав своего брата Онисима, служившего у Медидурадзе, тихонько шепнула ему:

— Будь наготове, смотри, не усни... Если я подниму крик, беги сейчас же в дом, на помощь.

И она вернулась к Дагмаре.

Собутыльники долго сидели за столом. Стало светать. Симоника, пожелав Мито успеха, встал и, шатаясь, поплелся спать. А гость его направился к комнате Дагмары. Но дверь оказалась запертой.

Мито мягко позвал:

— Гретхен, голубка, открой!

Вместо «Гретхен» ответила женщина:

— Кто там? Что вам надо?

Мито уже позабыл, что в комнате вместе с Дагмарой находилась «крестная». Он повторил более настойчиво:

— Открой, говорю! Это я, Мито!

— А что вам угодно?

— Как что? Ты что это, к жене не пускаешь меня?

— Какая жена? Я не могу пустить тебя к посторонней женщине.

— О, черт! — выругался по-русски Мито и стал изо всей силы налегать на дверь.

«Крестная» подняла отчаянный крик.

Мито продолжал напирать, но дверь не поддавалась.

В это время в дом ворвался Онисим. Из коридора выскочил в одном белье Симоника.

— Что такое, разбойники напали? — спросил он и вдруг приметил, что ворота широко раскрылись и во двор въехал фаэтон.

Мито обратился к Симонике:

— Кто эта оголтелая баба?

Не успел Симоника ответить, как в залу торопливо вошли Бабо Павленишвили и Вамех Гвиргвилиани.

Бабо при виде полураздетого Симоники и красного от вина, разъяренного Мито произнесла с отвращением:

— Поглядите на этих двух рыцарей. Какими доблестными делами они заняты! А кто это кричит?

Оба «рыцаря» опешили. Симоника не знал ни Бабо, ни Вамеха, а

Мито не сразу признал тетушку и Вамеха. Он был в ярости от того, что ему так не вовремя помешали.

Онисим крикнул сестре в дверь:

— Замолчи ты, гости приехали!

Крик прекратился. Мито пришел в себя, узнал Бабо и Вамеха. Дрожь прошла у него по телу, он пролепетал:

— А вам что здесь надо, тетя Бабо?

— Молчать! Где Дагмара?

Двери соседней комнаты широко раскрылись, и Бабо, увидев лежавшую в постели Дагмару, тотчас же направилась к ней.

* * *

На другое утро Бабо Павленишвили, приехав к баронессе, горячо обняла и поцеловала ее.

— Все в порядке, Минадора! — сказала она. — Я привезла обоих, и сегодня вечером Дагмара и Мито венчаются.

— Ох, как хорошо!—с облегчением вырвалось у Марины. — Где они?

— Они у маршала и ждут вас там. Минадора, ты должна поехать и благословить. Уже договорились со священником — это известный здесь пастырь Иван Шавладзе. Он обвенчает их сегодня вечером в Струйской церкви, в Балахвани.

52

За время отсутствия семьи Гвиргвилиани в Бертеми произошли большие события.

Чела и ее подруги частенько собирали деревенских женщин на сходки. В первую очередь девушки вовлекли в работу Панту Бжалава, вдову Иосэ Хубуная, мать Микэ и Челы и других более или менее сознательных женщин. Число сочувствующих росло с каждым днем.

О чем же толковали женщины Бертеми на своих сходках? Они говорили, что дальше так жить нельзя, что крестьянки не должны больше помогать помещикам в домашних делах — кормить шелковичных червей, молоть гоми, шить одеяла и тюфяки, стирать белье. Словом, женщины отказывались дальше выполнять все те работы, к которым принуждали их жены помещиков и богатеев. Чела и ее подруги старались воздействовать на сознание девушек, работавших в господских семьях, призывали их оставить хозяев, перестать обслуживать их.

Микэ проводил тайные собрания с мужчинами то у себя дома, то у Парны Бжалава, а то и просто под открытым небом — сейчас, в начале лета, это было нетрудно. Сельчане охотно собирались после работы где-нибудь в поле, воодушевленные сознанием, что недалеко то время, когда они станут хозяевами своей судьбы.

Микэ говорил, что очень скоро придется перейти к вооруженной борьбе. Эта мысль пришлась по душе большинству крестьян. На одном из собраний Парна зачитал письмо, полученное от Тайи из Кутаиси.

«Действуйте смело, — писал юноша, — разоружайте царских чиновников, не подчиняйтесь впредь ни одному их распоряжению. Если заявится пристав со своими стражниками, обезоружьте их и гоните к чертям. Может статься, в этой схватке кто-нибудь из вас будет ранен или даже убит, но без жертв не добиться счастья. Численностью вы превосходите противников, и, конечно, победите их. Такую борьбу ведет сейчас народ по всей России, борются за свои права и трудящиеся Грузии. Посмотрите на со-

седнюю Гурию: там народ взял власть в свои руки; у помещиков отобраны земли, судопроизводство в деревнях ведут выборные от народа. Необходимо, чтобы и вы, в Бертеми, поступили так же. Для этого найдутся и у вас подходящие люди. Так возьмитесь же за это большое дело!»

Письмо Тайи вселило бодрость в сердца бертемцев, окрылило их сознание. «Мы не одиноки, — думали они, — народ восстал повсюду, и не к лицу нам отставать от других!»

Крестьяне единодушно выражали готовность вести борьбу за свои права.

Стефанэ счел нужным предупредить:

— Оно-то верно, соседи, мы должны поступить, как для нас лучше, да только в борьбе надо быть осмотрительным. Ну, скажем, не подчинимся мы начальству — оно тут же расправится с нами. А как нам тогда сопротивляться без оружия? Вот, хотя бы — как справиться с живодером-старшиной?

— А кто у нас нынче старшиной? — спросил один из крестьян.

— Известно кто — Хубуа, — ответил другой.

— Опоздал, сосед, — вмешался в разговор Обишхиа. — Хубуа был старшиной, но учуял, подлюга, что дело его плохо, взял да улизнул. Теперь старшиной стал Кварцхава.

— А-а, Кварцхава! — загудел Кухилиа. — Допустите меня, братцы, к нему! — и великан тряхнул могучими плечами, словно уже собирался расправиться с новым старшиной.

Обишхиа ответил ему со смехом:

— Погоди, Кухилиа, всему свое время. А пока ты нужен здесь. Только уговор, соседи, — не делать ни шагу, не согласовавши с нами! За большое дело взялись мы, и прав Стефанэ, когда говорит, что надо быть осмотрительными. Одно только мне невдомек — он вроде колеблется. А время ли теперь колебаться? Я тоже до сих пор сомневался, советовал не выступать, но сейчас, вы слышали, поднялся трудовой народ всей России. Из Зугдидского уезда тоже пришли хорошие вести. Там сейчас Манча Джгереная, мой Тада у него в отряде. На днях жду парня сюда с новыми вестями.

— Джгереная — храбрый боец, — заметил Микэ, — говорят, и Хурция уже сколотил отряд в Ушапати.

— И в Ледзадзамэ вооружился народ!

— И в Кваути!

— В Накалакеви! — наперебой выкрикивали собравшиеся.

— Мой шурин, Лева Котиа, сообщил, что и в Бандзе уже организован отряд.

— Дай бог тебе здоровья! — обрадовался Обишхиа. — Вот и настало наше время! А ну ка, Микэ, затяни:

«Когда собратья в бой зовут
Ты отвечай: «Я тут, как тут».

— Вы слышите, и нас уже зовут в бой собратья!

Микэ запел, сельчане подхватили — и по нагорьям широко разлилась боевая мегрельская песня.

53

Нектарина, Барам и Толисквами выехали из Кутаиси в деревню. На станции Ахал-Сенаки их встречали Гутати и Анто. Барам сообщил им, что

Леварси Квизиниа отправился в Чиатура налаживать новое предприятие — добычу марганцевой руды.

Это известие пришлось Гутати по душе. Он знал, что оборотистый делец получит немалую прибыль, а, следовательно, кое-что перепадет и самому Гутати.

Управляющий принялся рассказывать хозяевам о домашних делах, однако ни словом не обмолвился о том, что Бату получил от Тайи бумагу, утверждавшую купца Квизиниа во владении земельной собственностью молодого князя.

Княгиня в первую очередь осведомилась, как поживает Дзилхана.

— Живет себе помаленьку,—ответил Гутати,—но уж очень тоскует, ждет не дождется своей госпожи. А дома все благополучно. Вот только с межеванием не ладится дело. Крестьяне, словно с узды сорвались, стали оспаривать ваши наделы, а пуще всего зарятся на участки князя Барама. Даже любимый его лес объявили своим.

Нектарину, таившую где-то в глубине души застарелую злобу против Барама, не очень-то огорчило это известие. Однако она все же не преминула сказать:

— Да что ты мне говоришь, Гутати! Как они осмелились, мерзавцы?

Барам хранил молчание, хотя, судя по выражению лица, был удручен «неблагодарностью» крестьян.

— Да это что! — продолжал разглагольствовать Гутати. — Крестьяне говорят, что вся земля в Бертеми принадлежит им, а у князей Гвиргвилиани здесь ничего нет — они пришли сюда позже и закрепостили людей. Исконные жители здесь, мол, крестьяне, а князья — люди сторонние, бог весть, из каких краев. Всех больше кричат об этом Обишхиа и его подпевала Бжалава.

Барам продолжал молчать: им, возможно, овладели обычные его мысли о суетности и тщете этой жизни. А негодование Нектарины росло с каждой минутой. Гутати, заметив это, умолчал о том, что из княжеского дома ушла вся прислуга.

«Войдет в дом и увидит сама, — решил Гутати. — Пусть тогда поступит, как сочтет нужным».

Барам попрощался с невесткой и отправился к себе.

Встречать господ и Толисквами вышли только Дзилхана и Бату. Это обстоятельство несколько удивило княгиню, но в первый момент она, обрадованная встречей с Дзилханой, не обратила на него внимания. Толисквами поцеловала старую няню и пошла в свою комнату. Анто принес ее вещи, и она тотчас же принялась разбирать их.

Нектарина же со вздохом облегчения опустилась в свое большое, глубокое кресло и тут только спросила, куда девались все слуги.

Когда Дзилхана объявила, что по наущению новых главарей села вся челядь в добропорядочных домах Бертеми разбежалась, княгиня даже подскочила в кресле:

— Как они осмелились?! Какие главари села? Обишхиа и Гудуйа? Позор и срам на их голову! Ты, Дзилхана, говоришь, что среди женщин мутят Панта Бжалава и эта подлая девка Чела? Гутати, Гутати, где ты?— громко позвала княгиня и, с трудом переведя дух, снова опустилась в кресло.

Дзилхана тотчас же выбежала и привела управляющего.

— Ну, могу порадовать тебя, Гутати! — объявила ему княгиня. — Благословляю тебя на подвиг ратный! Теперь знаешь сам, как управиться с женою Парны Бжалава и с этой мерзкой пигалицей Челой.

— Вот уж не знаю, княгиня. На меня за такие дела всегда сыпалась брань...

— Да, да, знаю, какой ты проворный в этих делах, с бабами-то ты справишься мигом, но надо еще проучить окаянных мужиков — Обишхию и Гудуйю.

— Это уже труднее, княгиня!

— Ну и рохля ты, трус несчастный! Испугался двух голоштанных мужиков.

— Нет, княгиня, их уже не двое. Теперь их поддерживают крестьяне всего села.

— А ты что здесь делаешь с Бату? Позовите на помощь старшину с подручными и взгрейте мерзавцев нагайками! Шкуру с них сдерите!

— Не так теперь это легко, как вам кажется, госпожа.

— Ну, ладно, ладно, сам знаешь — я много говорить не люблю! Отправляйся и сделай, что тебе приказано!

— Я-то отправлюсь, но...

— Иди, говорю, не медли!

Управляющий вышел, однако выполнить приказ не счел нужным.

«Приказать не трудно, — думал Гутати. — А что сказал сегодня наш старшина? Самому, говорит, начальству не под силу справиться с ними. Одна разве экзекуция скрутит их, и мы должны требовать ее немедля. А что до этих двух женщин... Ха, ха! Нектарина дала мне разрешение на Панту. Я сам давно собираюсь проучить ее. А на эту козу, на Челу,—ей-богу стоит поохотиться! Она иногда ходит одна по деревне. Я и подстерегу ее где-нибудь у опушки...»

«Гутати я порадовала,—злорадно размышляла тем временем Нектарина,—пусть он делает с женой Парны, что хочет. А вот Челу он доставит мне сюда, связанную по рукам и ногам. Прикажу ему на моих глазах обесчестить подлую девку, засечь до бесчувствия розгами, а уж после я сама пну ее ногой и сброшу в канаву тут же, за двором. Тогда узнает мерзавка, как подбивать на бунт моих слуг!»

Нектарина сразу повеселела и стала оживленно рассказывать Дзилхане кутаисские новости.

Княгиня была довольна своей поездкой: она получила большую сумму денег, купила Толисквами богатое приданое, прогулялась по кутаисскому бульвару, помолилась богу в церкви Святого Архангела, была в театре — повидала людей и себя показала.

Марина и Беги чувствуют себя прекрасно, скоро обвенчаются и уедут в Россию. Они очень любят друг друга и уж, верно, будут счастливы. Дагмара тоже вышла замуж — за богатого карталинского князя. Это прелестная пара, им справили пышную свадьбу в доме кутаисского маршала. Беги и Марина, съездив в Россию, возвратятся опять сюда. А за это время баронесса устроит дело майората, и исполнится давнишняя мечта Нектарины — деревни Бертеми и Ушапати и часть Ледзадзамэ объединятся в руках князей Гвиргвилиани — вернее, одного из них — князя Беги. Тогда пусть вылупят глаза мужики — те, что так хорохорятся теперь!

Выйдя от Нектарины, Гутати тотчас же направился к себе и переоделся во все домашнее. Пояс с кинжалом он надел под чоху, туго затянув его на архалуке, обулся в будничные сапоги с высокими голенищами и, выйдя из дому, зашагал к месту, где происходило межевание земель.

Землемер уже вошел во владения князей Гвиргвилиани и обмерял участок, граничивший с двором Парны Бжалава.

Межевание началось с востока, от границ деревни Ледзадзамэ и по-

степенно продвигалось к западу, в сторону горы Менджи-Робу. Здесь оно надолго приостановилось, так как место это являлось предметом извечных споров между помещиками и крестьянами. Князья Гвиргвилиани объявляли себя единственными владельцами Менджи-Робу, но крестьяне Бертеми и Ледзадзамэ оспаривали у них это право. Впрочем, княжеская сторона не уделяла спору особого внимания, так как, по тогдашним законам, кому бы ни принадлежали земли, их юридическими владельцами все же являлись помещики. А в недрах Менджи-Робу особую ценность представляли богатые залежи руд. Вот этим-то обстоятельством и были особенно взволнованы крестьяне.

— Что же это за закон! — возмущались они.—Раз участок мой, стало быть и то, что на нем, и то, что под землей, — тоже мое!

Закон этот особенно озлобил крестьян против царской власти. Более того, выяснилось, что и участки, богатые лесом и минеральными источниками, тоже оставались за господами. Землемер, в свою очередь, доказывал крестьянам: «Как бы вы ни кричали, все равно в суде проиграете дело».

Его слова еще сильнее распалили сельчан, и даже те из них, кто не особенно сочувствовали революционному движению, не скрывали своего недовольства: такое правительство и впрямь должно пасть со всеми своими законами...

Сельская молодежь не принимала участия ни в установке межевых столбов, ни в рытье ям. Такое отношение к делу выводило из терпения землемера, и он грозил парням штрафом и арестом. Однако те не сдавались и внушали сельчанам:

— Зря вы хлопочете, соседи! Скоро вся земля перейдет к народу. А землемера не слушайтесь — гоните его вон!

Однако чувство собственности глубоко вошло в плоть и кровь крестьян, и как бы ни был плох закон, нарушить его они опасались, и потому большинство все же принимало участие в межевании.

В переделе земель, помимо крестьян, участвовали и князья Гвиргвилиани, несколько обедневших дворян, священник Тедорэ, ростовщик Бандзги и переселенцы из других деревень — семьи Пагава и Апакидзе. Последние переселились сюда под тем предлогом, что здесь некогда осели их крепостные, которых они теперь называли своими хизанами (например, Парну Бжалава). На этом основании Пагава и Апакидзе оспаривали некоторые участки.

Землемер торопился с обмером, так как знал, что в воздухе уже веет грозой и, возможно, работу ему окончить не удастся. А добросовестному служаке хотелось с честью выполнить задание, возложенное на него губернским межевым управлением.

Однако дело не ладилось, во-первых, потому, что участки дворян и крестьян до такой степени вклинились и «вросли» друг в друга, что выделить и обмерить здесь даже малый отрезок оказалось задачей чрезвычайно трудной. К тому же массу времени отнимали и споры между сторонами. Землемер старался воздействовать на людей уговорами, терпеливо разъясняя положение:

— Поймите же вы, наконец, — начальство пошло вам навстречу, поручило мне выявить вашу собственность, которая будет окончательно утверждена за вами. Так дайте же мне выполнить дело, решенное начальством в вашу пользу.

— Не надо нам твоего начальства, и сам ты нам не нужен! — кричали ему в ответ.

Землемер рассердился, однако овладел собой и сказал:

— Погодите, погодите, ребята! Во-первых, я слыхал — мегрелы умеют уважать старших...

Молодежь мгновенно стихла. Землемер продолжал:

— А помимо того, я являюсь здесь представителем власти. Пока я выполняю свои обязанности, со мной спорить нельзя.

Кто-то все же перебил его:

— Мы с тобой не спорим, а только не признаем начальства, пославшего тебя!

Тут вмешался Обишхиа:

— Будет вам, ребята! Вы этого честного человека зря не обижайте! Он исполняет свой служебный долг, и пока мы подчиняемся нынешнему закону — пособим ему! Ничего мы этим не испортим.

Протестующие голоса умолкли. Землемер приободрился и возобновил работу.

Вскоре он снова подошел к участкам Барама, Беги и Нектарины. Тут в дело вмешался Бату и предложил приостановить межевание до прихода владельцев. Землемер не согласился:

— Я разослал всем жителям Бертеми повестки, они были обязаны явиться вовремя. Не явится хозяин данного участка — я отмерю его тому, кто объявит его своим.

Бату вскипел:

— Что же это? Никакого, значит, уважения к князьям Гвиргвилиани? — он обернулся в сторону усадьбы — посмотреть, не идет ли Гутати.

Вскоре управляющий появился.

— Где ты пропадаешь до сих пор? — бросился к нему Бату. — Это вшивое мужичье оспаривает у наших князей их участки.

— Ну и что из этого? — спокойно возразил Гутати. — Мы обратимся в суд и, само собой, выиграем дело.

— Вот уж не знаю!—сокрушенно покачал головой Бату.

В это время землемер подошел к небольшому, тщательно выхоженному винограднику. Лозы были подняты на стройные подпорки, почва очищена от сорняков, и ровные ряды виноградника выглядели, точно аллеи в саду. Среди глянцевитых листьев уже виднелись крошечные зеленые кисти. Виноградник был огорожен плетнем из гибких ветвей рододендрона. А рядом, на склоне, был расположен заросший зеленой травой двор Парны Бжалава.

Парна встретил землемера у самой межи своего виноградника и заявил, что двор с примыкающим к нему виноградником принадлежит ему. В этот момент здесь появился князь Пагава и заявил на этот участок свою претензию.

Пока землемер вносил в ведомость оба заявления, к спорному месту нарочито спокойным шагом подошел Гутати и, в свою очередь, объявил, указывая на Парну:

— Это, сударь, наш хизан Парна Бжалава. И пусть извинит меня князь Пагава, но и он не имеет права на участок.

— Помилуй, что ты говоришь, Гутати! — возмутился Пагава. — Парна наш бывший крепостной, переселился сюда из Бандзы. Но куда бы он ни ушел, в его собственности всегда имеется моя доля. Тем более, он еще не освобожден нами.

На это землемер возразил:

— Ежели он хизан, на этот случай, князь, существует особый закон.

Гутати прервал:

— Точно, сударь, он хизан, этот собачий сын!

Парна побледнел.

— Здесь ничего за ним не числится, — продолжал управляющий. — Все это принадлежит княгине Нектарине. А у него, у несчастного, всего-то и имеется, что красивая баба.

Парна загорелся гневом, но огромным усилием воли сдержал себя.

Пагава настоятельно потребовал выделить из участка Парны его долю и вырыть здесь межевую яму. Гутати настаивал на своем. Тогда Парна закричал:

— Чего вы препираетесь со мной, князья! Все тут мое, все, господин землемер! Запиши меня, как настоящего владельца участка. Пóтом своим полил я эти места... Хотите яму тут вырыть? Я вам вырою такую яму, что вы кости свои оставите в ней!

Парна схватил заступ и принялся яростно рыть на отмеченном месте яму.

Землемер тщетно толковал Парне, что в отношении хизан правительством недавно издан закон, по которому последним предоставляются льготы, что они распространяются и на него, но Парна уже ничего не слушал и продолжал рыть, как сумасшедший.

Гутати, следивший за Парной, ехидно улыбался и изредка посматривал в сторону его дома.

«Я не буду мужчиной, если не опозорю тебя, Парна, не приберу к рукам твою пригожую жену! Ха, ха! Сегодня сама Нектарина благословила меня на это дело. Сейчас как раз время: Панта одна дома, а Парна до того разъярен, что долго еще провозится здесь. В другое время такой подходящий случай не подвернется», — решил Гутати и незаметно от других стал спускаться ко двору Парны Бжалава.

Его ухода никто не заметил. Один лишь Стефанэ, сидевший поодаль, увидел его и крикнул вслед:

— Куда крадешься, черт?

Гутати узнал голос Стефанэ, однако не обратил на него внимания. Он решил: «Стефанэ такой неповоротливый, пока-то он раскачается, встанет с места и скажет кому-нибудь, я уже добьюсь своего».

И Гутати прибавил шагу.

Дверь хибарки Бжалава была открыта. Панта возилась у горящего очага. Неожиданно она вздрогнула: чья-то тень мелькнула в дверях. Она подняла голову — это был Гутати. Женщина тотчас же догадалась, зачем он пришел сюда: ей вспомнилась угроза, брошенная им во время праздника в Бандзе. Панта выпрямилась и грозно спросила:

— Тебе что здесь надо?

— Я не за делом, Панта, не бойся! Я обласкать тебя пришел...

— Свои ласки расточай княгиням, там, во дворце!

— Пятьсот княгинь отдам за одну такую, как ты! И как тебе к лицу этот гнев, голубка! — Гутати одной ногой переступил порог.

— Ни с места! Ни с места, говорю, а то—видишь эту головешку?..— и Панта взяла в руки довольно большое горящее полено.

— Теперь не то, что головешка, меня не удержит никакая сила! — Гутати хотел схватить Панту за руку.

Но женщина в мгновенье ока поднесла горящую головню к лицу Гутати, и тщательно выхоленная борода управляющего разом вспыхнула.

Гутати дрогнул, огонь ослепил ему глаза. Одна нога его была за порогом, другая в хибарке, и он стоял, неловко застряв в дверях, не в силах двинуться ни туда, ни сюда. В этот момент Панта ударила Гутати с такой силой, что тот упал и растянулся во дворе. Пока он успел сообразить что-либо, женщина выскочила из дому и пустилась бежать к винограднику.

Первый, с кем она столкнулась, был Стефанэ. Он спросил ее:

— Что такое? Куда ты бежишь? Случилось что-нибудь?

Панта ничего не ответила и стала искать глазами мужа.

Между тем Гутати удалось потушить пламя, охватившее бороду. Помимо лица, он сильно обжег и руки. Бравый мужчина походил на медведя, искусанного пчелами. Кое-как он встал, раскрыл глаза — и только теперь почувствовал, что у него опалены и ресницы. Лютая злоба охватила его. В этот момент он увидел маленького сына Панты, загонявшего во двор быков. Гутати ринулся к ребенку, опрокинул его наземь и, сев на него верхом, принялся избивать.

Парна, окончив рытье ямы, усталый, присел у края виноградника. Случайно взгляд его упал на двор, и он увидел, что там происходило. Сына он признал сразу, но Гутати не разглядел. Парна вскочил и стрелой бросился вниз по склону.

— А, грязная твоя душа! Чего ты хочешь от ребенка? — Парна схватил Гутати за ворот и приподнял его. Мальчик, с трудом встав на ноги, побежал в дом. Парна хотел опрокинуть и бросить себе под ноги Гутати, но тот увернулся — и оба очутились лицом к лицу: ни дать, ни взять — два разъяренных зверя.

Гутати мучила боль от ожога, Парну—давнишняя ненависть к врагу.

Противники распалялись все больше и больше, стали даже царапать и кусать друг друга, но удивительно, что Гутати не вспомнил о своем кинжале.

Но вот, в один из самых напряженных моментов борьбы, Гутати изловчился и опрокинул Парну навзничь, навалился на него всей тяжестью тела и своими обожженными, крепкими, как железо, пальцами впился ему в горло. Зажатый в тиски Парна был лишен возможности двигаться. Но вот он ощутил на груди кинжал противника. Парне удалось высвободить правую руку — незаметным движением он вытащил кинжал из ножен и вонзил его в сердце Гутати.

У раненого хлынула изо рта кровь и залила грудь Парны. Руки Гутати, сжимавшие горло врага, бессильно поникли. Парна приподнялся и еще глубже вонзил кинжал в грудь противника.

Хриплый стон вырвался из груди Гутати, и мгновение спустя управляющий бездыханный упал рядом с Парной.

Тут только Бжалава пришел в себя. Он трезво оценил происшедшее и понял, что совсем не рад убийству, хотя сам противник вынудил его прибегнуть к оружию.

Когда крестьяне, собравшиеся у межи, узнали об убийстве Гутати, они облегченно вздохнули, довольные тем, что избавились от ненавистного управляющего.

Бату же, узнав о несчастье, стал хлопотать, чтобы перевезти тело убитого домой, но помочь ему было некому. Тогда Бату вернулся в княжескую усадьбу, никому ничего не сказав, запряг в арбу быков и погнал ко двору Бжалава. Возле мертвеца никого не было. В хибарке плакала над своим избитым сынишкой Панта.

Парна куда-то исчез...

Бату с помощью князей Пагава и Апакидзе уложил покойника на арбу и повез в усадьбу.

Нектарина, сидевшая на балконе, очень удивилась, когда увидела арбу и лежавшего на ней человека.

— Кто это? Заболел кто-нибудь? Для чего везешь сюда? — спросила она взбежавшего по лестнице Бату.

— Нет уже нашего Гутати, госпожа! Убили! Убили, окаянные!

В первый момент Нектарина, потерявшая от этой неожиданности способность мыслить, не поняла, что ей сказал Бату. Но когда князья

вторично объяснили ей, в чем дело, Нектарина вдруг издала пронзительный вопль и стала царапать лицо.

Между тем, князья Пагава и Бату подняли тело убитого на балкон, и, внеся в залу, уложили на тахту.

Нектарина бросилась к покойнику и, упав на колени, со стоном приникла к его груди. В таком положении пробыла она довольно долго.

Наконец, Нектарина, как бы очнувшись от забытья, стала шарить руками по лицу Гутати, и снова тишину прорезал ее душераздирающий вопль.

— О, горе мне! Горе!

Теперь только заметила княгиня, что борода Гутати была сильно опалена.

Она подняла голову и обвела присутствующих грозным взглядом, словно это они изуродовали Гутати, надругались над его мужской честью. Взгляд ее упал на подошедшего в этот момент священника Тедорэ.

— Вот взгляни, батюшка, что сделали с нами проклятые мужики. Наш Гутати...—и тут из глаз княгини вновь ручьями полились слезы.

Бату остался с покойником. Князья вошли вслед за Нектариной в комнату, однако не сели, а стали несколько поодаль. Спустя некоторое время заговорил Тедорэ:

— Крестьяне не виноваты, княгиня. Не они убили Гутати. Мне точно известно — его убил Парна Бжалава.

— За что же, спрашиваю я? За что убил, собака?

— А за то, говорят, что покойный кинулся на его жену.

— Кинулся на его жену? — почти гневно перебила княгиня, и потом уже вполголоса, как бы про себя, повторила: — Кинулся? Вот оно что! — голос ее дошел почти до шепота. И вдруг она крикнула во весь голос:

— Ни слова больше! Оставьте меня!

— Боже, прости меня! Моя вина, боже! Я сама толкнула его на это! Я убила его, я, несчастная! Мой Гугати! — и Нектарина снова принялась плакать. При этом взгляд ее случайно упал на висевшую в углу икону. Она опустилась на колени и, сотворив крестное знамение, несколько раз ударилась головой об пол.

Священник тихонько заглянул в дверную щель. Увидев эту картину, он повернулся и громко сказал Дзилхане:

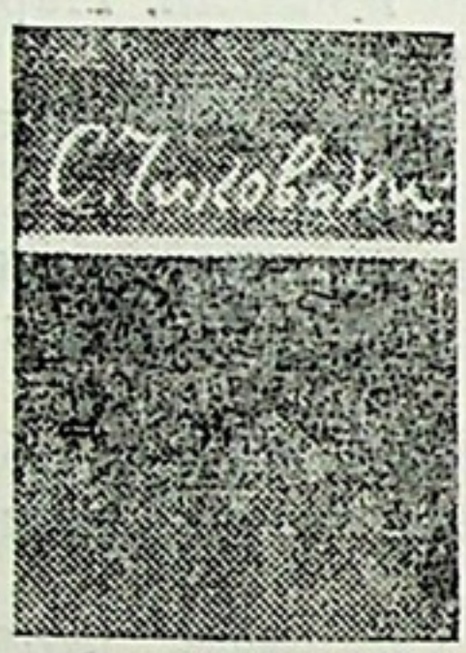
— Иди, погляди, Дзилхана... Она недолго проживет.

— Да, уж очень горюет, бедняжка! Может, и впрямь недолго проживет,—согласились князья.

— Зайди к ней, Дзилхана!

Старуха послушалась князей, однако в голове у нее мелькнула лукавая мысль: «Никто не знает Нектарину так, как я. Она так любит жизнь, что... ха, ха!.. может, еще заведет себе нового любовника!»

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ



«За четверть века мною написано четырнадцать лирических сборников и одна поэма — «Песнь о Давиде Гурамишвили», — пишет С. Чиковани в своем творческом отчете «Вместо предисловия», открывающем сборник стихотворений поэта, выпущенный Государственным издательством художественной литературы в серии «Библиотека советской поэзии».

В книге собраны лучшие произведения С. Чиковани. В его стихах живет и революционная героика первых лет социалистического труда и радостная, жизнеутверждающая песня о неповторимой красоте новой эпохи.

Поэт обращается и к историческому прошлому Грузии, воспевая славные героические традиции народа, которые так ярко проявились в нашу великую эпоху.

На другой день в усадьбу пришел Барам, поцеловал Нектарине руку, но соболезнование выразил одному только Бату.

Затем состоялся совет, в котором участвовали Нектарина, Барам, Бату и отец Тедорэ.

Нектарина собиралась воздать покойному самые большие почести, то есть поставить гроб во дворе, под сефой — специальным погребальным балдахином, пригласить из Кутаиси епископа для отпевания, созвать на похороны все окрестное дворянство, но крестьян к покойному не допустить. Однако с этим предложением не согласились Барам и священник. Они постарались убедить княгиню, что торжественные похороны будут сейчас некстати.

— Не потому, конечно, что покойный не заслуживает таких почестей,— говорил Барам,—ваше намерение понятно — вы делаете это из присущего вам великодушия. Да и все мы любили Гутати, как родного брата, и готовы воздать ему должное, но... время сейчас не то...

— Верно, верно, княгиня,—подтвердил священник, — тревожное настало время! Будет лучше похоронить усопшего достойно, но без таких торжеств. Возводить сефу и вызывать епископа из Кутаиси не стоит. Мы, местные священнослужители, справимся сами. Подберем и хороших певчих....

— Да, да, это дело я беру на себя. Певчих соберу и приготовлю я, — сказал Барам.

Нектарина повернулась к брату покойного:

— А ты что нам скажешь, дорогой?

Бату, все время молча слушавший других, поднял голову:

— Я думаю, дело ясное и толковать о нем не приходится. Князь Барам и священник правы -- большие почести будут сейчас излишни. Созовем из окрестных сел родственников и знакомых, пригласим здешних священников, не поскупимся на расходы — и похороны получатся вполне достойные. Но вот не допустить крестьян, как изволила сказать госпожа, никак невозможно.

— Верно, верно! — воскликнули в один голос Барам и священник.— Крестьян надо позвать непременно! В нынешнее время без них не обойтись. Надо угостить их и поминальным обедом.

Стоявшая в сторонке Дзилхана внимательно слушала этот разговор. Старуха догадывалась, какими соображениями руководствовались Барам, Тедорэ и Бату, утоваривая княгиню ограничиться обычными похоронами: они стремились оградить честь и достоинство семьи Гвиргвилиани от наветов молвы. Излишняя торжественность могла лишь подчеркнуть и сделать достоянием всей округи отношения княгини и покойного. Такой огласки надо было избегнуть, особенно — теперь.

Нектарина молча выслушала советы близких и потом, внимательно оглядев каждого, печально произнесла:

— Несчастный Гутати!—княгиня горестно вздохнула и продолжала:— ну, ладно — будь по вашему! Ты, Барам, наладишь дело с певчими, отец Тедорэ приведет священников, а Бату созовет людей, окажет всем должный почет. Пусть придут и крестьяне — черт с ними! Но только знай, Бату: на похороны средств не жалеть! Поминки устроить самые щедрые, чтоб за столом всего было вдоволь. Да, в самом деле—из Кваути надо вызвать Гахакию Чиквани — пусть уберет гроб с присущим ему искусством. А теперь идите и примитесь каждый за свое дело.

Когда все удалились, Нектарина подошла к Дзилхане, обняла ее и горестно произнесла:

— Мой бедный Гутати! Я вижу, никто не любил его!

— Нет, родная, они правы, — ответила Дзилхана. — Теперь так нужно.

Нектарина отошла от старухи, потом вернулась и, глядя ей прямо в глаза, сказала:

— Дзилхана, я хочу поставить у гроба Гутати черную хижину.

Старуха вскрикнула, как ужаленная:

— Да ты с ума сошла!

В те времена в Западной Грузии, особенно в Мегрелии и Абхазии, существовал обычай, по которому женщина из знатной семьи, потерявшая мужа, должна была поставить гроб с покойным во дворе, под высокой сефой. У изголовья покойника устанавливался черный плетеный шалаш, в котором в течение всего погребального обряда сидела вдова, оплакивавшая своего мужа. Сюда же к ней подходили люди с выражением соболезнования.

Вот о каком обычае говорила княгиня.

Однако Дзилхана решительно воспротивилась желанию госпожи:

— Ты что же это, хочешь ославить себя перед целым светом? Каким же он тебе был мужем, Гутати-то? — и старухе кое-как удалось отговорить княгиню от ее новой затеи.

Во время похорон у изголовья покойного стоял один лишь Бату с черной траурной нашивкой на рукаве, и соболезнующие подходили к нему. Нектарина же вместе с другими женщинами сидела у стены. Если же кто и направлялся к ней, то ли умышленно, то ли из неуместной фамильярности, стоявшая рядом с княгиней Дзилхана взглядом направляла его к Бату.

Словом, похороны обошлись без особых торжеств, однако народу собралось очень много. Гроб установили в зале, а в прилегавших к нему комнатах были накрыты столы — сюда группами заводили гостей.

После того, как Гутати похоронили в ограде дворовой церкви Гвиргвилиани,—на этом сумела настоять княгиня—народ стал расходиться по домам. Дзилхана с помощью соседей убрала и привела в порядок дом.

Нектарина направилась в свою комнату, опустилась в большое кресло и предалась глубокому раздумью. Однако что-то мешало ей сосредоточиться — она не находила себе места, прислушивалась к голосам, доносившимся из зала.

— Дзилхана! — вдруг громко позвала она.

— Что угодно, госпожа? — спросила, подойдя к дверям, старуха.

— Нехорошо мне, родная. Кто там разговаривает в зале?

— Это Бату и отец Тедорэ.

— Позови ко мне Тедорэ.

Старуха чуть не прыснула:

«Как хорошо я знаю Нектарину! Теперь-то ей станет лучше!»

— Сию минуту, госпожа! — громко отозвалась старуха и пошла исполнять приказание.

Нектарина встала и, обуреваемая какими-то мыслями, начала ходить по комнате.

«Так, значит, судьба? Ты бьешь меня, бьешь нещадно! Сначала отняла у меня Арчила... Едва не пришлось мне довольствоваться бедным Самсоном. Потом...—Тут Нектарина остановилась.—Тебе ли сетовать на судьбу?—спросила она себя.—Или ты забыла свою молодость, приезд в Кутаиси императора? Ты тогда только что вышла замуж—и на балу была представлена царю... А вечером танцевала с высоким, изящным цесаревичем. Потом — помнишь? — была ночь... А на другой день тебе прислали в подарок бриллиантовый фермуар».

Все эти воспоминания мелькнули в сознании княгини — мгновенная радость озарила душу. Но тень того большого, уже ускользнувшего счастья исчезла, развеялась под натиском беспощадной действительности.

Между тем, священник уже вошел в комнату и, прислонившись к дверному косяку, ждал, что ему скажут. Тедорэ недоумевал: зачем позвала его княгиня?

«Верно, прикажет мне вознести богу молитву... Для облегчения души...» Однако, видя странное смятение княгини, пастырь призадумался.

А в голове Нектарины, подобно грозному набату, гремели слова: «Так, значит, судьба? Теперь ты отняла у меня Гутати, человека, рожденного для рыцарских дел! Но тебе не поработить меня, нет!»

Княгиня скосила на священника взгляд — дрожь прошла у нее по телу. «Вот, до кого я должна теперь опуститься! Пусть так! Но судьбе не покорить меня, нет!»

Нектарина остановилась. Гордо выпрямилась, пошла к дверям, заперла их на ключ и повернулась к Тедорэ. Когда священник увидел ее лицо, ему показалось, что под ним разверзлась земля. Перед ним стояла воплощенная месть — если только у мести может быть лицо.

Тедорэ подумал:

«Господин Вамех говорил нам, что когда-то, в очень давние времена, греки верили во многих богов. Иные из них были даже женщинами. Вот, такою и была, видно, греческая богиня, богиня-гроза! Но причем я? За что она на меня гневается? Гутати убит... знаю, какой это удар для нее. Но я! Я, как пастырь, могу лишь сказать ей слова надежды и утешения».

И священник уже собрался произнести эти слова, хоть и не знал, сможет ли он успокоить эту разъяренную женщину.

Нектарина вплотную подошла к нему, заглянула в глаза горящим взглядом и с неотразимой улыбкой произнесла:

— Да ты, оказывается, красивый мужчина!

Что? Мужчина? Так, значит, для Нектарины Тедорэ — не духовник, и даже не рядовой священник, а мужчина, и к тому же еще красивый?

Мысли смешались в голове попа...

Спустя несколько дней Нектарина начала оправдываться перед Дзилханой:

— Знай, Дзилхана, я не похожа на других женщин. Здешние индюшки, я знаю, давно уже осуждают меня. Но разве эти дуры могут понять, что я не такая, как все? У меня широкая натура... Не так ли, Дзилхана?

— Да, да, Нектарина, ты особенная женщина. Я не осуждаю тебя.

Мнение Дзилханы, казалось, требовалось княгине, как печать на некоем важном документе. Теперь уже мысли Нектарины приняли еще более свободное направление...

Дзилхана и в самом деле не осуждала Нектарину за сближение со священником. «Это вполне разумно, — думала старуха, — священник — лицо на селе влиятельное, а такой как раз нужен княгине.»

Неожиданно в комнату вошли Толисквами и Бату. У обоих был взволнованный вид, слезы катились по щекам молодой девушки.

— Какое несчастье, маменька! Какое несчастье! — с трудом произнесла она.

— Что такое? Что случилось? — всполошились обе женщины.

— Большое несчастье, госпожа, — сказал Бату. — В Кутаиси Беги убил инженера Волкова... Того, что приезжал к нам недавно. Барам получил телеграмму от госпожи Минадоры. На днях состоится суд.

— О боже! Моя Марина! Моя Марина! — причитала сквозь слезы Толисквами.

Княгиня и старуха остолбенели от неожиданности. Бату продолжал:

— Князь Барам сейчас пожалует. Наказал передать вам, чтобы вы не трогались с места. Все, что надо будет, он сделает в Кутаиси сам. Там же сейчас и князь Вамех и баронесса... Они сообщат обо всем.

Толисквами стала умолять отпустить ее к Марине. Но Бату тут же добавил:

— Квизиниа собирается на днях приехать, увезти невесту в Поти и там обвенчаться. «Вам, говорит, сейчас не до семейных торжеств». Леварси—умный человек, понимает, что к чему.

— Да, но как же так? — сказала с трудом опомнившаяся от неожиданности княгиня. — Я хотела справить свадьбу здесь, в Бертеми. Правда, мы сейчас в трауре, еще не минуло сорока дней, но чего же спешить? Квизиниа мог увезти девочку и осенью — подождет еще месяца два.

— Нет, госпожа, здесь теперь разыгрываются такие события, что об этом и думать нельзя. Разве вы не знаете, что в Ушапати сместили старшину, стражников избили и разоружили. Да и здесь, в Бертеми, составлен отряд под начальством Тады, который заменяет теперь полицию. Обишхиа выбран судьей. А ростовщика Бандзги посадили вчера на осла вперед спиной и «прокатили» по всему селу.

— Ну, ему-то по заслугам! — не без удовольствия произнесла Нектарина.

И Бату принялся, хотя и несколько путано, рассказывать о событиях, происходивших в деревне.

А Толисквами продолжала умолять:

— Отпустите меня к Марине, я поеду вместе с дядей Барамом!

— Вот, значит, что случилось с моим Беги! — произнесла, словно сейчас только осознав происшедшее, княгиня — и вдруг воскликнула в ужасе: — Горе мне, что за страшная весть! Погибла семья! Беда обрушилась на дом Гвиргвилиани!

— Это, конечно, большая беда, госпожа, но, ради бога, подумайте сейчас о том, что происходит в деревне.

— Я же говорю — беда обрушилась на нашу семью.

— Не на одну вашу семью, княгиня, — сказал Бату, — вся округа охвачена смутой. Сейчас одна экзекуция спасет положение. С вами посчитаются, госпожа, надо требовать экзекуцию!

Дзилхана стояла, как громом пораженная.

А Толисквами продолжала:

— Отпустите меня в Кутаиси, к Марине!

Княгиня погрузилась в тяжкое раздумье...

Приехав в Кутаиси, Барам первым делом постарался узнать об обстоятельствах убийства Волкова.

Ему рассказали, что несколько дней назад в ресторане, за ужином, Волков в течение целого вечера изводил Беги, высмеивал и оскорблял его и под конец даже обозвал его диким лесным зверем. Все эти насмешки и издевательства Беги сносил с необыкновенным спокойствием, но когда Волков крайне оскорбительно отозвался о Грузии, о грузинском языке, чаша терпения Беги переполнилась, и он убил Волкова выстрелом из револьвера.

В назначенный день множество людей стало стекаться к кутаисскому областному суду. Весь город уже знал, что сегодня будут судить убийцу инженера Волкова князя Беглара Гвиргвилиани.

Большой зал быстро наполнился людьми. Было отдано строжайшее распоряжение запереть двери и не пускать больше никого, но любопытные все же ухитрились пробраться в здание.

В зале суда преобладали женщины. Они явились сюда разодетые, как на торжественный вечер, возле них сновали, затянутые в щегольские черкески, завсегдатаи кутаисских бульваров. Среди публики находились родственники и близкие семьи Гвиргвилиани, а также губернский маршал со своей семьей. Немало было здесь и представителей кутаисской интеллигенции — главным образом, юристов.

Беги, сидевший на скамье подсудимых, под конвоем двух вооруженных солдат, разговаривал с Барамом и Вамехом.

Совершенно безучастно относилась ко всему окружающему сидевшая в первом ряду Дагмара. Всецело поглощенная своим счастьем, она, казалось, все еще пребывала в состоянии волшебного дурмана и поминутно заглядывала в глаза сидевшего рядом с ней Мито.

Здесь же находились баронесса и Бабо Павленишвили. Бабо задержалась в Кутаиси — причиной тому, возможно, была встреча с Вамехом, а скорее всего—события, с калейдоскопической быстротой развернувшиеся за последнюю неделю,—похищение Дагмары, женитьба Мито и вот теперь — суд над Беги.

Марина, видимо, сильно волновалась. Она то подходила к своим и говорила с ними о чем-то, то подбегала к Беги и, казалось, старалась ободрить его.

Известный своей строгостью судебный пристав Герасим Цанава не запрещал Рябининой говорить с подсудимым — баронесса заранее получила на это разрешение от председателя суда.

Но вот Цанава громко объявил: «Суд идет». Все встали.

В это время судопроизводство велось повсюду на русском языке, и лица, не говорившие по-русски, объяснялись в суде через толмача.

Судьи заняли свои места. Один из них был уже совсем дряхлый старик, известный своей жестокостью царский чиновник Шепелев, другой — обрусевший немец по фамилии Штейнберг. Переведенный на юг совсем недавно, ввиду своего слабого здоровья, Штейнберг совершенно не знал ни местной жизни, ни людей этого края.

Третий же — председатель кутаисского областного суда Богородский — был среднего роста, бритый, представительный на вид мужчина.

Многие из присутствующих находили сегодняшний состав суда неблагоприятным для исхода дела. Мол, эти люди жестокие, никто не помнит, чтоб они оправдали кого-нибудь. Некоторые возлагали надежды на председателя суда — «Богородский мягче и либеральнее других и не позволит губить человека зря».

Иные думали: «Как жаль, что у нас еще не введены народные суды, нет присяжных заседателей, они бы непременно оправдали Беглара Гвиргвилиани. В нашей стране судебные дела ведет казенный суд, игнорирующий и человеческие чувства и особенности нашей жизни».

Но вот к судьям присоединился вошедший из других дверей прокурор. Это был приятной внешности молодой блондин, изящно одетый, державшийся независимо, с достоинством. Однако наблюдательный глаз Марины уловил во взгляде прокурора выражение холодной насмешки и цинизма.

Вообще Марина старалась не упустить ни одной мелочи. Она с большим вниманием оглядела зал суда, многочисленную публику, собравшуюся здесь. Ее интересовало, какое впечатление могло произвести сегодняшнее дело на слушателей: пришли ли они сюда лишь «поглазеть на зрелище», или же из других, более серьезных побуждений? Молодая женщина присмотрелась и к судьям — они что-то мало располагали к себе. И особенно прокурор—несмотря на свой элегантный вид, он производил явно неприятное впечатление.

— Это новый прокурор, Ленлейн,—сказал кто-то.

— Ленлейн, Ленлейн! — пронеслось по залу.

— Фамилия не русская. Кто он?

— Не знаю, право. Только видно — не здешний... Бог весть, откуда к нам попал.

Раздался звонок председателя — в зале наступила тишина.

Обвинительный акт читал судья Шепелев, которому было поручено подготовить материалы по этому делу. Старый чиновник не захотел доверить чтение акта секретарю областного суда, а сам читал монотонно, надтреснутым старческим голосом. И лишь в тех местах, где говорилось о недостойных действиях Беги Гвиргвилиани, голос старика несколько оживлялся, как бы подчеркивая характеризующие подсудимого неприглядные факты.

Беглару Гвиргвилиани вменялись в вину не только убийство инженера Волкова, но и самая инициатива столкновения с ним.

Обвиняемый подтвердил, что он действительно убил Волкова, однако признать себя виновным отказался. Он сказал, что убил не умышленно, будучи вынужден прибегнуть к оружию действиями самого противника.

Большинство свидетелей подтвердило заявление обвиняемого.

Прокурор спросил:

— Что же, значит, Волков накинулся на подсудимого, бил его и тот оборонялся, или как было дело?

Однако такой картины никто из свидетелей нарисовать не мог.

Прокурор ехидно улыбался.

Но тут не выдержал защитник обвиняемого, известный кутаисский адвокат Мосэ Кикодзе. Он заявил:

— Напрасно господин прокурор становится в позу победителя. Разве дело в одном физическом оскорблении? Моего подзащитного никто не оскорблял действием, но есть слова гораздо более оскорбительные, чем физическое насилие. Здесь выясняется, что оскорбили святая святых моего подзащитного — его родину, его родной язык. Самолюбивый человек, находясь в состоянии крайней взволнованности, бывает вынужден прибегнуть к действиям, к каковым в данном случае прибег Беглар Гвиргвилиани.

Допрос подсудимого и свидетелей был окончен, и суд перешел к прениям сторон. Прокурор начал издалека. Он заговорил о взаимоотношениях России и Грузии, сказал, что до присоединения к России Грузия являлась объектом постоянных нашествий со стороны Турции и Персии и, следовательно, говорить о какой-либо культуре этой страны в прошлом не приходится. Грузины гордятся поэмой своего поэта Руставели, называя его гением. А в этой поэме один из героев подкрадывается к своему противнику и убивает его спящего, а другой герой, якобы проникнутый высоким чувством к возлюбленной, при первом же случае изменяет ей с особой легкого поведения...

По залу прокатился иронический смешок.

Ленлейн сделал вид, что не заметил его, и перешел непосредственно к факту убийства. Основываясь на показаниях нескольких свидетелей, он утверждал, что оскорбительные выражения Волкова, обращенные к Беглару Гвиргвилиани, были вызваны грубостью последнего. Показания же большинства свидетелей Ленлейн игнорировал.

В заключение прокурор потребовал для обвиняемого суровой меры наказания — ссылки в Сибирь на каторжные работы сроком на двадцать лет.

Слово взял защитник Мосэ Кикодзе:

— Я вынужден, — начал он, — коснуться некоторых положений господина прокурора. Он утверждал, что Грузия в прошлом, до присоединения к России, ничего не представляла собой, и до сих пор не осознала

блага, оказанного ей Россией. Видимо, господин прокурор приехал к нам недавно и не знает наших взглядов и настроений. Мы давно уже оценили значение исторического факта, благодаря которому обрели возможность мирного существования. Россия приобщила нас к европейской культуре, помогла нам узнать самих себя, осознать свое национальное «я». Россия установила твердый порядок в нашей администрации, ввела более гуманные судебные законы, чем те, какие существовали у нас прежде. На протяжении всей нашей истории у нас не было такого просвещенного соседа и покровителя. Возможно, господин прокурор не знает и того, что мы высоко ценим и любим русскую литературу, ее великих представителей — Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Толстого и многих, многих других. Но мы не можем допустить пренебрежительного отношения к нашему великому поэту Руставели даже со стороны такого ответственного лица, каким является господин прокурор. Это, видимо, происходит с ним от незнания нашей жизни, нашей истории.

Сидевшая в первых рядах Рябинина не утерпела и захлопала, правда, довольно робко. Но постепенно аплодисменты усилились и, наконец, перешли в общий гул одобрения.

Снова раздался звонок председателя. Кикодзе продолжал:

— Нам не менее дорого наследие великих русских мыслителей Белинского, Чернышевского, Добролюбова, оказавших огромное влияние на развитие нашей литературы, нашей общественной мысли. Но чего хотят от нас якобы просвещенные чиновники? Я имею здесь в виду не одного только господина Ленлейна, но и многих других, отрицающих культуру грузинского народа. Подобного же взгляда придерживаются и иные столичные газеты: «Новое время», руководимая Сувориным, и «Московские ведомости» Каткова. Какую цель преследуют эти люди, когда утверждают, что у нас в прошлом не было ни культуры, ни морали, что и теперь мы еще далеко не исправились: «У них все еще не остыли разгоряченные головы», — как изволил выразиться господин прокурор, сделав при этом жест в сторону моего подзащитного. Но само по себе это выражение ничего не говорит, кроме желания оскорбить подсудимого. К сожалению, этой тенденцией проникнуто и все отношение Ленлейна к нашему краю.

В заключение Кикодзе сказал:

— Если суд не найдет возможным полностью оправдать Беглара Гвиргвилиани, то должен хотя бы принять во внимание смягчающие вину обстоятельства, поскольку убийство было вынужденным и обвиняемый не заслуживает сурового приговора, предлагаемого прокурором.

Слово предоставили подсудимому.

— Я признаю, что убил Волкова, но виновным себя не чувствую, — сказал он. — Волков оскорбил мою родину и заслуживал наказания. И я наказал его. Если бы он ожил и снова оскорбил мою родину, я бы снова убил его.

Беглар Гвиргвилиани был приговорен к четырем годам исправительных рот. Люди не ожидали от Шепелева и Штейнберга такого, сравнительно мягкого, приговора. Но в зале говорили, что тут сказалось влияние Богородского — он-де сумел убедить своих коллег. Говорили также, что прокурор очень недоволен приговором и намерен перенести дело в кассационную палату.

Судьи уже покинули зал, но народ расходился медленно. Многие с сожалением смотрели на Беги Гвиргвилиани, этого рослого, стройного молодого человека, с таким спокойствием встретившего приговор. Правда, четыре года — срок небольшой, но многие говорили, что режим исправительных рот чрезвычайно тяжел и ни в чем не уступит каторге.

К Беги первым подошел его защитник Кикодзе.

— Не падайте духом, князь, — сказал адвокат. — Прокурор, без сомнения, постарается перенести дело в палату, но если он даже этого не сделает, мы перенесем сами и там, надо надеяться, одержим победу.

— Спасибо вам, уважаемый Мосэ! Если я должен понести сравнительно легкое наказание, то только благодаря вашей защите.

Барам и Вамех тоже подошли к Беги. Вамех сказал:

— Представляю теперь положение Нектарины. Гутати она лишилась...

— Да, да, — подтвердил Барам, — а теперь еще этот случай с Беги. Дело ее совсем плохо.

Вамех рассмеялся:

— Теперь уже пришел конец нескончаемым мечтам Нектарины о майорате: кандидата нет.

Барам, казалось, был задет за живое:

— А ты что — радуешься этому?

Вамех с удивлением посмотрел на брата, однако, заметив, что он огорчен, ничего не ответил и направился к Беги, вокруг которого уже собрались родные. Баронесса, Марина, Бабо, Дагмара и Мито прощались с ним перед разлукой.

Дагмара сочла нужным сказать:

— Не унывай, дядя!

Мито добавил:

— Сейчас мы с Дагмарой едем в Петербург, и если в тифлисской палате вас постигнет неудача, мы постараемся в сенате повернуть дело в вашу пользу. Будьте уверены, князь Беглар!

Беги чуть заметно улыбнулся...

Вамех с Барамом обняли брата молча, как бы сочтя излишними слова утешения,—и вышли из зала.

С Бегларом осталась одна Марина: этой минуты он ждал с нетерпением. Рядом стояли солдаты с обнаженными саблями и чуть поодаль их начальник, но им было приказано дать возможность осужденному проститься с родными.

Марина, не стесняясь конвоиров, приникла к груди Беги, а он нежно гладил ее по голове. Казалось, его взгляд искал утраченное счастье где-то вдали, за стенами зала...

— Марина... дорогая... дорогая, — печально шептал он.

Так прошло несколько минут.

Вдруг Беги сказал:

— Ну, Марина, голубка, нам пора расстаться...

Марина вздрогнула.

— Расстаться? Тогда мы обвенчаемся завтра, там... Что ты так смотришь на меня? Да, да, в тюрьме! Я знаю, это разрешается.

Беги печально покачал головой:

— Какая ты наивная, Марина! — и с глубоким вздохом добавил: — Или ты думаешь, я так жесток, что могу стать на твоем пути, могу разрушить твою жизнь?

— Беги, Беги! Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Хорошо понимаю, родная. Я уже погибший человек, а у тебя впереди будущее... Какое я имею право?..

— Ш-шш! Не смей говорить мне таких вещей! Прежде всего, кто тебе сказал, что ты погибший человек? Я же здесь, с тобой... Или ты вычеркнул меня из своей жизни! Куда бы ни послали тебя, я поеду за тобой. Понял? А завтра мы обвенчаемся.

У Беги стало светло на душе. Он привлек к себе Марину, заглянул ей в глаза — и прочитал в них выражение непреклонной решимости.

— Какая ты хорошая, Марина... Родная моя!

Рябинина исполнила свое слово. Спустя два дня она получила разрешение и обвенчалась с Бегларом в тюремной церкви. Разумеется, на этот раз дело обошлось без всякого семейного торжества. Возвратясь в номер гостиницы, занимаемый баронессой, Марина уселась в углу и долго задумчиво глядела прямо перед собой...

ПРИТОК

А здесь, Цибедуль, мы поставим последнюю точку. Тем более, что семья Гвиргвилиани давно уже сошла со сцены. Как раз вслед за временем, описанным мною, начинается эпоха великого исторического восхождения, эпоха решительных схваток народа с самодержавием.

В это время партия большевиков обратилась к народу с призывом, в котором говорила, что революция грянула и народ России поднялся и перешел в наступление против царизма. Реют красные знамена, строятся баррикады, народ вооружается и идет на приступ. Снова раздался призывный клич отважных, снова грянула умолкнувшая боевая песня. Корабль революции поднял паруса и устремился к свободе. Этим кораблем управляет пролетариат России, ведущий борьбу с внутренней реакцией и с врагом, наступающим извне. И борьба эта неизбежно завершится победой народа.

Здесь уже нет места князьям Гвиргвилиани.

Теперь всеми делами в Бертеми заправляют Чела, Микэ и давно ставшие взрослыми Гури Бжалава и сын рыбака Иосэ — Сквамайя.

Этот знаменательный период истории уже имеет своих летописцев, достоверных и пытливых. Но героические дела этой эпохи отражены не в одних только научных трудах, они воспеты и творцами художественного слова. Теперь уже очередь за вами, молодые,—вам и книги в руки! Впервые задумав написать этот роман, я предполагал нарисовать, по мере своих сил и возможностей, картину прошлой жизни, ее темные и светлые стороны.

Как видите, я забрался довольно далеко, а до наших дней довести рассказ не сумел.

В этом романе я показал народ, только-только поднявший голос против рабства и засилья, но его последующие шаги, дальнейшее проявление воли и характера народа остались не описанными мною.

Нарисовать это — нелегкое дело.

Быть может, когда-нибудь — если не перестанет биться мое сердце — мы еще встретимся с некоторыми лицами, выведенными в моем романе, — конечно, с новым молодым поколением — с теми, кто создал первое в мире социалистическое общество.

Быть может, на мою долю выпадет такое счастье...

А пока скажу словами Бараташвили:

«Пусть и молчание зачтется мне молитвой».

Моя любимая Родина!

Моя Цибедуль!

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Он надеялся с нами творить

Перевод с грузинского А. Межирова

Тесать каменья, подымать пласты
Густой земли — долинной и нагорной —
Во все века любил и любишь ты,
Мой трудовой народ с душою гордой.

Всех благ превыше и сильней всего
Под кровлею родного небосклона
Ты полюбил свободу и того,
Кто за нее боролся непреклонно.

По наковальне молотом стуча,
Засушливым степям даруя воду,
Ты полюбил и понял Ильича —
Борца за всенародную свободу.

Твой путь большой, историю твою
Он постигал всем сердцем и душою,
Чтоб для потомков созидать в бою
Твое, народ, грядущее большое.

Мне и сегодня кажется, что он
Над картой моего родного края,
В бессонные заботы погружен,
Склоняется, на Грузию взирая.

Гремит Кура, колышется Ингур.
И в каменистых руслах не ему ли
Они поют, сливаясь в мощный гул,
Простую песню горных саламури.

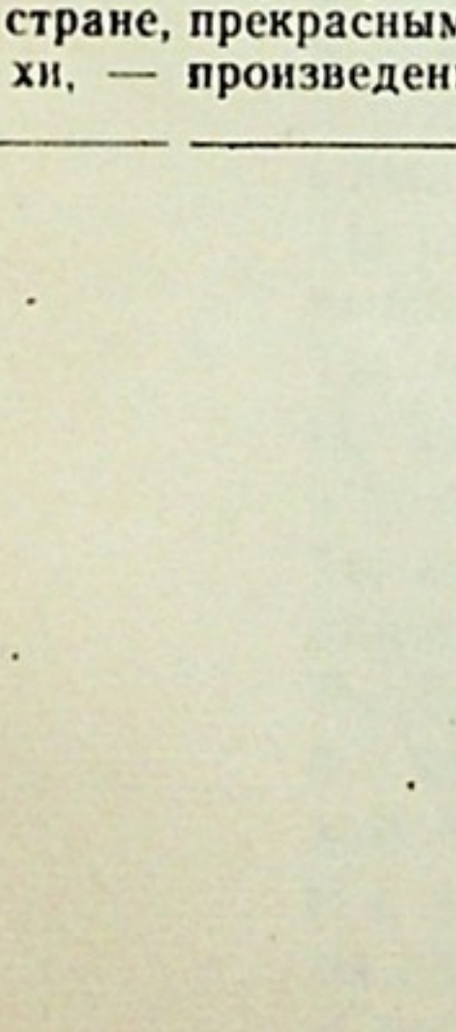
С давнишних, незапамятных времен
Народ мой жаждал мира и покоя,
И потому дорогу выбрал он,
Начертанную ленинской рукою.

Ильич ведет ровесников моих —
Они большой подъем преодолели,—
Не расстается с ними ни на миг
И направляет их к великой цели.

Он разделяет с нами торжество,
Мы всей душой верны ему — живому,
Чем дальше день рождения его,
Тем ближе он народу трудовому.

●

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ



У изобразительного искусства Советской Грузии богатая история, интересное и яркое настоящее. Грузинскими мастерами живописи, скульптуры, графики за годы Советской власти создано немало замечательных произведений, посвященных великим преобразованиям в нашей стране, прекрасным людям нашей эпохи, — произведений сильных и волнующих, радующих богатством формы и содержания.

О путях развития грузинского изобразительного искусства, о выдающихся художниках и скульпторах рассказывает новая книга, выпущенная издательством «Советский художник» — «Изобразительное искусство Грузинской ССР».

В книге три раздела: «Скульптура», «Живопись» и «Графика». Первые два раздела написаны искусствоведом И. Урушадзе, последний—искусствоведом Б. Гордезиани.

Большое место в книге отведено фоторепродукциям с картин и графических работ, произведений скульптуры лучших мастеров грузинского изобразительного искусства.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

МОГИЛА МАТЕРИ

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Ветви сходятся,
свод образуя,
над могилою мамы в селе...
Камень маленький в Патардзеули,
сколько скорби таишь ты в себе!
Терном пахнет,
песком и полынью.
Свеж еще у могилы цветок.
Все —
как будто на камне поныне
возлежит материнский платок...

Убегал я,
а ты не пускала.
Как об этом сегодня грущу!
Раньше здесь меня мама искала,
а теперь ее сам я ищу.
Раньше, если я был невеселый,
приходила со сказкой ко мне,
сказкой, чистой, как снег невесомый,
не лежавший еще на земле.
Оживали деревья и камни.
От видений был сам я не свой.
Ты стояла,
как добрая Картли,
над горящей моей головой.

Ты все силы свои напрягала,
и, моею судьбой дорожа,
незаметно меня направляла
и была для меня, как Важа.

И — конец,
и — ослабленность век...
Словно кисть виноградная съежась,
твое тело застыло навек.
Мне казалось —
все тонет,
тонет,
и назад никогда не придет.
Остывало забытое «тонэ»,
пол темнел,
засыхал огород.
Но вошла ты в «лечаки» тумана
с тем же прежним задором в очах
и спросила, как прежняя мама:
«Это кто погасил наш очаг?!»

Пусть под терном,
печальный и темный,
возлежит он среди тишины —
этот маленький камень, истертый
от дождей и от взглядов луны.
О тебе моя память —
не в камне.
Что ни делал бы в жизни, —
во всем
молока материнского капли.
Стала каждая капля стихом!
Когда ты умирала, в апреле
снег не шел
и не шли дожди.
Люди мрачно на небо смотрели:
«Снега нет —
урожая не жди...»
Задыхаясь от запахов, звуков,
я лежал и писал на траве,
и стихи мои нежно, как внуков,
мама гладила по голове.
Ты растила меня,
умывала.
Ты учила смеяться и петь.
И, когда ты одна умирала,
я хотел бы с тобой умереть.
Ты лежала мертво,
одиноко.
Ты была еще, мама, жива,
но, как будто из мира иного,
доносились глухие слова.
И с лицом просветленным и темным
ты сказала в тиши и тени:
«Схорони меня, сын мой, под терном,

и могилу мою сохрани...»
Головою седою поникнув,
ты сказала:
«Уж все решено.
Вижу —
роздали вы для поминок
на балконе хлеба и вино.
Поминайте,
запасов не прячьте —
наливайте вина похмельней.
Только вы над могилой не плачьте —
напевайте тихонько над ней...»

Взгляд последний...
Во взгляде тревожность.
Но, когда мы твой гроб поднимали,
в день великого горя для всех,
выпал снег,
и мы все понимали —
это ты посылаешь нам снег...

Твой характер я знаю, мама...
Если зной иссушает,
паля,
и спасительной тени так мало,—
то дождем ты летишь на поля.
Ты — в любой и травинке и почке.
Я с земли тебя не пущу!
В приходящей с рассветами почте
я письмо твое жадно ищу.
Ты — в любом абрикосе поспевшем,
в зябком шелесте лепестков,
в виноградном сборе поспешном,
и в неспешном вязанье носков!
Ты моя справедливость и сила.
Я тобой от тоски излечен.
И, как маленький луч из светила,
я тобой из тебя излучен!

Ветви сходятся, свод образуя,
над твоею могилой в селе...

Камень маленький в Патардзеули,
сколько света таишь ты в себе!

Беник Сейранян

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Первая любовь

РАССКАЗ

Перевод с армянского А. Тадеосян

В родных горах

Мне часто вспоминаются родные горы, синее-синее небо над ними, свинцово-серые облачные папахи, надвинутые словно на самые брови неприступных вершин, а на плечах гор — бурки сумрачных лесов, окунувшие свои широкие, ярко зеленеющие полы в студеную, кристально-чистую воду родников... Из глубины дремучих лесов Гилара доносится до меня трубный зов оленя. Я слышу прерывистое дыхание вспугнутой лани в скалах Тандзута. Вижу, как из глубокого, хмурого ущелья, ворча, выходит на промысел бурый мишка — косматый «садовник» наших лесов. По зеленому склону, свернувшись в клубок, скатывается лиса. По горам скачут взапуски охмелевшие от радости зайцы. Точно выпущенный из ребячьей рогатки плоский камень, со свистом взлетает с полянки перепел. Призывными колокольчиками говорят с моим сердцем прозрачные ручейки нашего нагорья... О, родной мой мир, мои чудесные горы!..

Из синеватой мглы исполинской мраморной глыбой вздымается темнеющий своими таинственными пещерами Качал-кар[1] — гора с острой, вонзенной в небо вершиной и склонами, изборожденными руслами потоков. Рассказывают, что с этой вершины много лет назад свалился пастух. Тщетно искали его тело в ущельях и расселинах. Лишь у подножия горы

[1] Качал-кар — Лысая гора.

нашли руку человека и по перстню на указательном пальце узнали, кому она принадлежала...

Грозен и могуч наш Качал-кар! Но тот, кто поднимется на его вершину, может охватить своим взглядом весь мир, поиграть с облаками и молниями, понять клекот орлов...

Внизу, у подножия Качал-кара, среди густых непроходимых лесов, зеленым заливом тянется долина Джейрани-овит[1]. В мае, когда распускаются ярко-желтые цветы с блестящими, будто покрытыми воском лепестками, словно золотые волны плещут в Джейрани-овите. Впервые попавшему сюда человеку может показаться, что в этой укромной долине осень опередила весну. А босые ноги ребятишек, играющих в росистой зелени лугов, бывают так запорошены пыльцой цветов, что кажутся обутыми в желтые башмачки.

Прохладен и свеж воздух нашего нагорья. Даже в яркие солнечные дни роса не сходит здесь до самого полудня, и каждый цветок всегда полон ею, словно чаша, вынесенная радушной хозяйкой жаждущему напиться путнику,—родниковой водой.

Не знаю, удастся ли вам побывать когда-нибудь в наших горах. Но если это случится, непременно доберитесь до цветочных лугов, на которых в детстве я не раз пытался поймать убегающее облако. Не забудьте спуститься к роднику Турши, на дне которого круглыми пуговичками-пузырями кипит ледяная вода — это в его туманном зеркале я впервые увидел отражение своего лица и испуганно отшатнулся, решив, что сказочный Охай[2] выглядывает из воды, желая утащить меня в свое царство. А встретите чабанов — они обязательно подоят овец и с характерным для горцев радушием напоят вас парным молоком.

Вы будете идти по горным тропам — и шумящая по сторонам шелковистая трава с заботливостью сестры стряхнет с вашей одежды дорожную пыль. Обойдите наши задумчивые леса, послушайте сказки, легенды и предания, которые расскажут вам старые чабаны, и вы вспомните свое безвозвратно ушедшее детство.

И тогда вы, наверно, поймете, почему моя первая любовь, родившаяся здесь, в горах, на заре моей жизни, была такой чистой и светлой, оставила в моем сердце такой глубокий, неизгладимый след...

«Чертов жучок»

Неподалеку от нашего летнего кочевья в горах, в глубине буковой рощи, была отлогая поляна. На ней стоял домик свинопаса Газо.

Коренастый, неуклюжий Газо походил на необтесанную корягу, лицо у него заросло волосами, брови и усы напоминали пучки жесткой травы. Газо не пахал и не сеял. Он держал несколько своих свиней да за небольшую плату пас свиней односельчан.

Вот у этого-то Газо была смуглолицая, черноглазая дочка по имени Ноэм. С рождения ноги ее не знали трехов[3] и мы всегда видели ее босой, едва прикрытой рваным платьем. Черные густые волосы девочки были постоянно растрепаны, а глаза сверкали, как у дикой кошки. Мы прозвали ее «Чертовым жучком». И это прозвище очень подходило к ней, потому что Ноэм действительно походила на чертенка, была черна и юрка, как лесной жучок.

Свиньи, которых она пасла, нередко разбегались. Отгоняя их от на-

---

[1] Джейрани-овит — Долина ланей.
[2] Охай — водяной.
[3] Трехи — обувь армянских крестьян из сыромятной кожи.

ших жилищ, мы частенько спорили и переругивались с Ноэм. Мы ненавидели ее свиней потому, что они рыли зеленый дерн вокруг кочевья, часто забирались в наше жилье и вытаскивали кожаные мешки, в которых хранилось кислое молоко, объедали углы у бурдюков с маслом и сыром. А если вдруг у коров появлялась какая-нибудь болезнь, все были уверены, что ее занесли свиньи Газо.

Поощряемые старшими, мы зачастую науськивали на свиней собак и, вооружившись дубинками, разгоняли их по лесу, приводя Ноэм в ярость. Чувствуя себя бессильной отомстить взрослым, она вымещала злобу на нас. Особенно ненавидела она девочек нашего становища. Стоило, бывало, надеть какой-нибудь из них новое платье — Ноэм будет ходить за ней до тех пор, пока не подкараулит в укромном уголке и не раздерет платье в клочья. А появись у кого-либо новые бусы — Ноэм тоже тут как тут: сорвет их и рассыплет по земле.

С нами, мальчишками становища, она расправлялась по-иному.

Мы очень любили ставить игрушечные водяные мельницы на ручьях. И не было случая, чтобы эта бессовестная девчонка не нашла сооруженной нами мельницы, не сломала ее и не разрушила с трудом построенной запруды! Содрав лоскут коры с дерева, мы рисовали углем на белой древесине плуги и оленей; на следующий день рисунков не бывало—их уничтожала Ноэм. Мы устраивали искусственные озерца — Ноэм выпускала воду из них. А нашим бедным телятам вообще не было покоя: она колотила их, пугала или нарочно приводила к лугу, на котором паслись коровы, чтобы телята высосали молоко, а нас потом наказывали за то, что не уследили.

«Чертов жучок» был у нас бельмом на глазу. Мы горели желанием отомстить ей, но бить боялись, потому что знали: Газо мог в клочья разорвать каждого, кто хотя бы пальцем осмелился тронуть его дочь. Я уже не говорю о том, что эта негодная Ноэм всегда расхаживала в сопровождении огромного пса. Заметив ее, мы не только не подходили к ней, но, наоборот, старались спрятаться в кустах или притаиться за деревьями, так как Ноэм имела привычку натравливать на нас своего пса. И если это случалось, и мы, перепуганные насмерть, успевали вскарабкаться на дерево, Ноэм привязывала пса к стволу и заставляла нас до вечера сидеть на ветвях. А попробуешь бежать — проклятый пес в несколько прыжков нагонял тебя. Почувствуешь на затылке его горячее дыхание — подгибаются ноги, и, хочешь—не хочешь, валишься наземь. А пес сядет рядом, высунет язык и глаз с тебя не сводит. Правда, не было случая, чтобы он кого-нибудь тронул, но при виде его острых клыков душа у нас уходила в пятки...

Короче говоря, во всем селе не было для нас девчонки, более ненавистной, чем «Чертов жучок».

В лесной чащобе

Как-то раз пропали наши телята. Мы обегали все вокруг, но их нигде не было. Товарищ мой, Мэси, стал настойчиво утверждать, что это проделка «Чертова жучка», что телят угнала Ноэм. Я поверил ему, и в душе у меня закипела такая злоба, что я разорвал бы на месте эту девчонку, если бы она попалась мне в руки... Но почему-то, не знаю, сам я притворился, что не верю Мэси, а тот выходил из себя:

— Вот увидишь... Хочешь, давай спорить! Голову даю на отрез, если это не ее проделки!

— Да нет же, куда ей!

— Ты все долбишь свое «нет», а я знаю, что это она...

Спорим мы так, бредем по лесу. И неожиданно прямо перед нами — заросли ежевики. И какой ежевики—спелой, сочной, крупной, сама в рот просится! Налетели мы на кусты, уписываем ягоды так, что за ушами трещит. Вдруг взглянул я случайно на Мэси и вижу: он перестал есть, насторожился...

— Что случилось? — спрашиваю.

А он мне шепотом:

— Ты что, не слышишь?

— Ничего не слышу.

— А ну, прислушайся...

Навострил я уши. Действительно, из зарослей ежевики доносится какой-то шорох. «Медведь» — сразу решил я, дрожь пошла у меня по телу. Бежать?! Да разве убежишь от него? Мигом догонит и растерзает на месте. А Мэси уже распластался под кустом и делает мне знак последовать его примеру. Замерли мы, не дышим.

А шорох все ближе и ближе.

«Пропали, — думаю, — нет нам спасения!» Лежим ни живы, ни мертвы и ждем: вот-вот появится «он». Я вспомнил, что неподалеку лежало поваленное бурей дерево. Шорох слышался как раз с той стороны. Видно, раздумывает, перелезть через ствол или обойти кругом.

И в эту минуту раздался страшный визг. Задрожали мы, зуб на зуб не попадает, но все же сообразили: это не медведь воет. Скорее всего — дикая кошка или какой-то другой хищник. Мы подняли головы, присмотрелись—и вот из-за ствола медленно высунулись две черные лапы и между ними — черная, как смоль, безобразная голова. Высунулись—и снова пропали. Опять послышался страшный вой, опять появились над стволом черные лапы и стали царапать воздух, словно показывая, как они будут раздирать нас...

Я и Мэси с ужасом посмотрели друг на друга. Терпеть далее эту муку не было сил, но и встать на ноги никто из нас не осмелился. С воплем, не очень-то отличавшимся от мычания вспугнутых телят, мы стали на четвереньках пробираться сквозь кусты ежевики. Но далеко уйти не удалось — застряли в кустарнике, словно мухи в сетях паука. И вдруг мы слышим знакомый насмешливый голос:

— И-и-и-и-х, трусишки паршивые, трусишки!..

Повернул я голову — и что же вижу? Ноэм! Смуглая и без того, она, оказывается, вымазала лицо и руки соком ежевики и решила напугать нас. Да, да, это ее противный голос, ее громкий смех, но мы все еще не верим ни ушам своим, ни глазам и по-прежнему дрожим, как в лихорадке.

А Ноэм заливается, взвизгивает, приплясывает на месте. Мэси взял себя в руки, улыбнулся и попытался сделать вид, что и не думал пугаться, что это, дескать, мы нарочно кинулись в кусты, чтобы разыграть ее. В свою очередь, я пробую поддержать Мэси, но улыбки у меня не получается, а язык не повинуется мне вообще. Какой позор! Теперь эта бессовестная девчонка побежит, расскажет всем, как напугала нас. Ведь тогда нам прохода в селе не дадут— засмеют! И подумать только, кого испугались, — «Чертова жучка!» Я чувствую, что и Мэси готов лопнуть от злости.

А Ноэм подбоченилась и, приплясывая, дразнит нас:

— Ну что?! Будете после этого хвалиться, трусы, хвастуны?!

Мэси легонечко толкнул меня локтем, и я сразу понял, что он придумал. Очень хорошо! Лишь бы обойти, лишь бы сцапать ее!..

— Ну, ладно, Ноэм, твоя взяла. Давай, забудем прошлое, помиримся!—невинным голосом предлагает Мэси.

— Я с трусливыми лягушками не мирюсь!

Мэси закипает, но, сдержавшись, так же мирно спрашивает:

— Ты наших телят не видела?

— Конечно, видела.

— Где, где? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Хоть лопните, не скажу!

Мэси злорадно смотрит на меня: «Говорил я тебе!» Выходит, правда, что это она угнала наших телят... Эх, поймать бы ее! И ведь уверена, на-жалка, что всегда успеет удрать от нас, — не старается даже отойти по-дальше.

— Пойдем, Мэси, как бы на телят не напал волк, — равнодушно го-ворю я и медленно встаю. Мэси следует моему примеру.

Большая золотистая бабочка пролетела перед Ноэм и села на куст рядом с нею. Забыв о нас, девочка протянула руки, чтобы поймать бабоч-ку... И в ту же секунду Мэси проворно, словно белка, бросился к Ноэм и схватил ее. Наконец-то!

— Ага, попалась! — ликующе крикнул он, но почти тотчас же его радостный возглас сменился болезненным визгом: «Ой, ой, ой!».

Кинулся я к нему и что же вижу? Зубы Ноэм впились в руку Мэси. Эта кошка так сильно укусила его, что Мэси посинел от боли. Надо было помочь товарищу, не то «Чертову жучку» опять удастся ускользнуть от нас. Схватил я Ноэм за волосы и дернул, что было сил. Она застонала, но не разжала зубов. Понял я, что так не смогу оторвать ее от Мэси, нагнулся и дернул девочку за ногу. Подвернулась нога у Ноэм, упала она, увлекая за собой Мэси, но зубы разжала. Началась потасовка. Мы колотили ее кулаками, она пустила в ход ногти и зубы. Мы били ее, не думая, куда попадают наши удары, били — и никак не могли утолить жажду мести...

— Держи ее покрепче! — вдруг распорядился задыхающийся Мэси, поднимаясь на ноги.

Я сел верхом на Ноэм, изо всех сил прижимая ее руки к земле, а Мэ-си побежал на опушку леса и через две-три минуты вернулся с огромным пучком вырванной с корнем крапивы. Он стал хлестать Ноэм по ногам. Та при каждом ударе лишь вскрикивала и стонала. И так как она не вы-рывалась, не сопротивлялась, понемногу проходила и моя злость. Я уже не мог смотреть на ее ноги, покрывшиеся багровыми пятнами.

— Хватит тебе, Мэси...

Но Мэси был глух к моим увещеваниям. Он продолжал хлестать Но-эм с прежним ожесточением. Но теперь каждый его удар отдавался во всем моем теле. Я инстинктивно прикрыл Ноэм своими руками. Крапива обожгла меня, но я не почувствовал боли.

— Убери руки! — крикнул Мэси.

— Говорят тебе, хватит! — с такой яростью отозвался я, что Мэси опомнился и, тяжело дыша, отошел прочь.

Ноэм неподвижно лежала на земле. Одна и та же внезапная мысль вселила в меня и Мэси ужас: а вдруг?.. Мы подкрались, прислушались. Нет, дышит, хотя и очень слабо. Я и Мэси взглянули друг на друга и опу-стили глаза. Не знаю, о чем думал в эти минуты мой приятель, но я про себя все время твердил: «Как нехорошо вышло!» Глядя на лежавшую на сырой листве Ноэм, я только сейчас понял, что она — девочка, и мы не имели права так поступать с ней.

Наконец, Ноэм с трудом поднялась и ушла, не взглянув на нас, даже не сказав ни слова.

— Ой, как нехорошо получилось, — тихо проговорил я.

Мэси удивился:

— Это ты о чем?

Я не ответил. Но Мэси понял меня и больше ничего не говорил. Мы молча пошли к становищу, вспомнив о пропавших телятах только тогда, когда увидели, как они по узкой тропинке гуськом поднимаются к нашим жилищам...

Я заболел

Я хорошо знал, что Ноэм не забудет обиды и отплатит нам сторицей. Но—странное дело—меня это уже не тревожило. Ни на минуту не мог я забыть, как нехорошо мы поступили с нею. Правда, днем, в играх, я часто забывал о Ноэм, но по ночам мысли о свершенном не давали покоя. Вспомню — и дрожь пробежит по телу. А то увижу во сне, что кто-то хлещет меня крапивой: ноги горят, как в огне, острая боль пронизывает все тело. Я просыпался, вскакивал с постели и долго не мог заснуть. Как она вскрикивала, вздрагивала от ударов! А этот бессердечный Мэси хлестал ее, и как хлестал! А я-то, я!.. Зачем я так крепко держал бедную Ноэм? Почему не помешал Мэси бить ее?

— Что с тобой, сынок? Почему ты плачешь?

— Ничего не плачу!—всхлипывая, отвечал я матери.

— Скажи мне правду, родной! Ведь ты же плачешь, я вижу,—настойчиво повторяла она.

Но что я мог ей сказать, когда я и сам не знал, почему плачу?

— Да не болен ли ты?

— Да, болен!..

— Ой, ослепнуть бы мне! Что же у тебя болит, сынок?

— Живот! — не долго думая, выпалил я и зарыдал еще громче.

Мать всполошилась и напоила меня горячим молоком.

Потом согрела большой плоский камень, завернула в тряпки и велела положить на живот.

Я так и заснул, обняв камень обеими руками.

Сказки Артема Лезгонца

Вечер на наше нагорье спускается незаметно. Кажется, что притаившись среди трав и цветов, в лесах и у ручейков, он ждет лишь удобной минуты, чтобы нежданно выскочить из укрытия и широко раскинуть свои синие крылья.

Дойка окончена. Коровы и овцы мирно пережевывают жвачку. Женщины процеживают надоенное молоко. А мы собираемся вокруг костра, то и дело подбрасывая сучья, чтобы не дать ему угаснуть, играем на рожках и свирелях, задаем друг другу загадки и говорим скороговорки, а то слушаем сказки Артема Лезгонца.

Вскочит вдруг Мэси и затараторит:

— На дворе трава, на траве дрова!

Попробуй-ка, скажи семь раз подряд и ни разу не ошибись! А то выпали, не споткнувшись, этакую штуку: «У быка тупы губы, бык тупогуб»...

Зачастую ребятишки верхней и нижней части становища, разбившись на две группы, соревновались, кто больше и быстрей разгадает загадок. Нашей группой руководил Мэси—уж он-то знал столько загадок, сколько звезд на небе! Одним духом выпалит, бывало, десять — двадцать штук — разгадай, если можешь.

Но стоило ребятам завидеть у костра могучую фигуру Артема Лезгонца, тотчас же умолкали самые ожесточенные и шумные споры: все

спешили потесниться, чтобы усадить его на самое почетное место. Единственным стариком на становище был Артем—прекрасный сказочник и певец. Состарившись, он почти весь год проводил в горах, среди детей. Я еще никогда не встречал старика, который сохранил бы до заката своей жизни такую ясность мысли и острое зрение. Как патриарх, садился он, поджав под себя ноги, перед костром. Вокруг усаживались благоговейно наглядевшие на него дети. Протянув руки к костру, чуть склонив голову набок, он задумчиво вглядывался в огненные языки, разгонявшие тьму. Нам, детям, казалось тогда, что, задумчиво глядя на огонь, он не видит, не слышит ничего того, что творится вокруг, что он унесся мыслью далеко-далеко, в сказочные края, в давно минувшие времена и собирает там сказки и предания, чтобы, вернувшись, поведать их нам. И чего только не рассказывал Артем! Я помню, как он однажды рассказал нам о древнем монастыре в ущелье Киранца, который сохранился до наших дней. Оказывается, строил этот монастырь чудесный мастер. Но злой князь, правитель края, не захотел уплатить ему за работу и заявил, будто мастер делал раствор из негодной извести. Оскорбленный мастер покончил с собой, бросившись вниз с купола монастыря.

Рассказывал Артем Лезгонц о том, как в Гугарке Качах-Хечо[1] устроил засаду и взял в плен пристава-взяточника, как, раздав крестьянам все награбленные приставом деньги, сам оделся в мундир пристава, стал перед ним и насмешливо спросил:

— Ну, кто же из нас теперь пристав?

Рассказывал нам Артем и о семиглавом драконе — вишапе, которому каждый день приносили в жертву по прекрасной девушке, о том, как молодой смельчак отсек все семь голов у вишапа и освободил страну от кровожадного дракона.

Рассказывал Лезгонц о злых духах, живущих в темных бездонных ущельях; о змеях с золотыми коронами на головах, о волшебном зеркале и медном городе.

А мы, затаив дыхание, слушали его рассказы, то дрожа от ужаса, то вскрикивая от восторга. Конца не было сказкам и преданиям, которые знал Артем Лезгонц! Ночи напролет мы готовы были слушать его, и он никогда не уставал рассказывать. Но сколько ни просили, ни умоляли мы, чтоб он спел что-нибудь, Артем никогда не соглашался. Пел он только взрослым или совсем один, где-нибудь в лесу, в горах. Голос у него, как говорили, сохранил молодую силу и звонкость.

До поздней ночи оставались мы у костра. Даже после того, как умолкал Артем, мы не двигались с места. Угасало пламя, но мы не подбрасывали новых сучьев. И вдруг торжественное молчание нарушал крик ночной птицы, шорох в лесу или протяжный голос Ноэм:

— Цуп-цуп-цууун...

Это она звала своих отбившихся от стада или заблудившихся свиней. Тоскливо, жалобно и устало звучал ее голос.

Я невольно забывал обо всем, что меня окружало, и начинал думать о Ноэм, которая одиноко бродит в темном ущелье или в лесу. Все девочки ее возраста уже спят, а она бродит босая, усталая и голодная.

Сердце мое сжималось от жалости. А когда я вспоминал о том, как мы обидели Ноэм, я уже не мог сидеть у костра; под каким-нибудь предлогом вставал, уходил из становища и часами сидел на холме неподалеку. У меня рождалось желание спуститься в ущелье, отыскать Ноэм и с нею

---

[1] Качах — буквально — разбойник; так назывались в Закавказье и вообще на Востоке смельчаки, восставшие против социальной несправедливости, народные мстители и защитники бедняков.

вместе обойти лес, чтобы она не была одна, чтобы никто не осмелился подойти к ней, обидеть ее. Конечно, это желание оставалось невыполненным, но я продолжал грезить: вот я иду рядом с Ноэм по ущелью, огромная бесформенная масса на берегу речки — это уже не утес, а ожив-ший вишап. Вон, как пылают огнем его глаза! Каждый зубец скалы превращается в голову дракона, каждая расщелина — в ненасытную пасть. Вишап собирается проглотить Ноэм. Но я выхватываю меч и становлюсь между ним и девочкой. Сверкает меч, одна за другой падают головы вишапа, ущелье заполняется разрубленными, окровавленными частями его туловища. Я чувствовал, как сила приливает к рукам, как распрямляются плечи. Меня подмывало вскочить с места, вывернуть из земли возвышающуюся рядом скалу, раздробить ее. Я был убежден, что мне это удастся, если я очень захочу. Только к чему это? Все равно Ноэм сейчас не увидит, а обломки вывернутой скалы могут покатиться в ущелье, убить или искалечить случайного путника.

Ах, если б Ноэм знала, если б она догадывалась, какие подвиги я готов был совершить ради нее!

Как-то раз, погруженный в свои мысли, я спустился в ущелье. Была безлунная ночь. Небо висело над землей, точно черное сукно. На нем мерцали бесчисленные звезды. Я шагал, сам не зная, куда иду, забыв о страхе. В другое время достаточно было мне увидеть в темноте какой-нибудь валун или пень, и сердце мое начинало трепыхаться. А теперь — что мне пни, что мне темный лес! Я был так спокоен и беспечен, будто шел по нашему двору. И странным казалось мне то, что люди сейчас спят, не любуются дивной красотой неба, не видят и не чувствуют всей прелести прохладной и мирной ночи.

Вдруг послышался шорох и показались две черные тени. Я прижался к большому камню. Тени приблизились и остановились почти рядом со мной. Несколько минут они не двигались. Из ущелья донесся протяжный голос Ноэм:

— Цуп-цуп-цууууп!...

Одна из теней — та, которая была ближе ко мне, вдруг резко повернулась, и я услышал голос:

— Слышишь? Следовательно, мы не сбились с дороги.

Мимо прошли двое. По нескольким их словам я понял, что эти люди были не из наших мест. У нас никто, кроме учителя, не стал бы говорить «следовательно». Это были люди из города.

Только после того, как незнакомцы исчезли, я решился вернуться в становище. Какое дело могло быть у этих людей в ущелье? Кого они искали ночью? Я был уже совсем близко от дома, когда снова послышался шум шагов. Кто-то спускался от становища в ущелье. Я поднимался снизу и увидел силуэт человека на фоне неба. Спускающийся показался мне великаном: в его фигуре и движениях мне почудилось что-то знакомое. Неужели это Артем Лезгонц? Я прокрался в наше жилище и тихонько лег. А утром, когда я проснулся и вспомнил все случившееся ночью, мне показалось, что я видел сон.

Кровь на листьях

Со дня расправы с Ноэм тайный страх овладел сердцем Мэси. Оставаясь со мной наедине, он часто допытывался:

— Как ты думаешь, пожалуется она отцу? Голову даю на отрез, что «Чертов жучок» постарается отплатить нам!

Что можно было ответить ему?

— Отстань, откуда я знаю!

На наше счастье свинопасу Газо в те дни поручили погнать свиней в город, на продажу. А город находился от нас довольно далеко. Газо должен был отсутствовать не менее двадцати дней. У нас еще была возможность что-нибудь придумать. И после некоторых размышлений я сказал Мэси, что одному из нас надо подружиться с Ноэм и выручить этим другого. Мысль моя очень понравилась Мэси. Но когда я предложил подружиться с Ноэм ему, он подскочил на месте, как горный козел:

— Я! Да ты с ума сошел?! Хочешь, сам дружи, а я... пусть мне голову отрубят — не стану!

— Да ты пойми, Мэси-джан, ведь на это ловкость нужна, и ты...

— Не морочь мне голову! Сказал: нет, значит, нет!..

— Хорошо, — ответил я, — буду дружить я. Но при одном условии: мы с тобой должны для виду поссориться. И обязательно в присутствии Ноэм, чтобы она сама видела ссору и поверила мне.

Мэси согласился. Мы условились: Мэси начнет колотить свиней Ноэм, а я заступлюсь за них. Мэси нагрубит мне, а я его толкну, он с бранью и угрозами уйдет. Все это на глазах у Ноэм. А потом не так уж трудно будет найти общий язык с «Чертовым жучком». На том и порешили.

Целую неделю мы выслеживали свиней Ноэм. Но, как назло, они не подходили к нашему становищу. Я боялся, что Мэси раздумает и все пойдет впустую. Но вот, наконец, случай представился. На опушке леса показалась свинья.

— Мэси, свинья! — обрадовался я.

— Ну и что же?

— Да вставай же, сейчас «Чертов жучок» появится.

— А-а, брось, — равнодушно отмахнулся Мэси.

Вслед за первой показались остальные свиньи. Они разрывали своими рылами муравейники, выкапывали корни, иногда набрасывались друг на друга, наполняли ущелье резким визгом. Наконец, показалась и Ноэм. Держа под мышкой длинный прут, она с опущенной головой медленно шла за стадом, нанизывая на нитку красные шарики боярышника.

Кое-как мне удалось уломать Мэси, чтобы он выполнил наш уговор. Согнувшись в три погибели, он стал красться к свиньям, а я укрылся в зарослях мяты и, затаив дыхание, следил за Ноэм. Вот она заметила, что свиньи свернули к становищу, и побежала наперерез стаду. В эту минуту Мэси выскочил из своей засады и длинной палкой начал колотить бедных свиней. Ноэм остановилась в растерянности. Я увидел, что она дрожит от бессильного возмущения, на ее глаза навернулись слезы.

Я выскочил из кустов и, разъяренный, бросился к Мэси. Волнение мое было так велико и искренне, что я вначале не смог сказать ничего

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

О родных горах Сванетии поет Реваз Маргиани в своих стихах, о светлой жизни своего народа, об отважных покорителях горных вершин — «гордой Ушбы», «острой Шхельды», Тетнульда, о колхозниках, собирающих богатый урожай хлеба и винограда, о дружбе советских людей, их стремлении к миру на земле.

Мир, любовь и верность Родине, друзьям, любимой, ненависть к врагу — вот основные темы стихотворений Реваза Маргиани, посвященных военным годам.

Сборник стихов Реваза Маргиани «Восхождение», в переводах русских поэтов А. Межирова, М. Луконина, Е. Евтушенко и других, издан в Москве издательством «Советский писатель».

связного. Мой вид так рассмешил Мэси, что он чуть не расхохотался, но сумел сдержаться.

— Ты чего колотишь свиней?—заорал я не своим голосом.

— А тебе какое дело? — грубо ответил Мэси.

Я шагнул к нему, приметив, что Ноэм, широко открыв глаза, напряженно следит за нами.

— Говорят тебе, перестань!

— Да пошел ты, сопляк! — пренебрежительно бросил Мэси.

— Это кто сопляк?

— Ты!

— Я?!

— Ага.

— Значит, я?

— Значит, ты.

Не знаю, что со мною стало. В глазах потемнело, моя палка взвилась в воздух и...—хорошо, что Мэси успел вовремя отклонить голову, — я со всего размаха ударил его по плечу. И лишь после того, как я увидел в своей руке обломок этой палки, до моего сознания дошло, что я сделал. Мэси покачнулся и еле устоял на ногах. Лицо его побледнело. Глядя мне прямо в глаза, он шагнул вперед. Я подумал, что он хочет незаметно от Ноэм спросить меня, зачем я так поступил с ним. Но он изо всей силы ударил меня кулаком в лицо. Искры посыпались из моих глаз, рот наполнился горячей кровью. Я потерял равновесие и полетел вниз с крутого пригорка.

Когда я открыл глаза, Мэси уже не было. На меня смотрела Ноэм. Она сидела рядом со мной. На коленях у нее лежал прут. А кругом были разбросаны окровавленные листья лопухов. Этими листьями она вытирала кровь, которая обильно текла у меня из носу и изо рта. Я вспомнил все, что произошло, и вскочил на ноги. Как я добрался до становища — не помню. Я был так слаб, словно только что встал с постели после долгой болезни.

Перемена

В тот год мне не пришлось быть осенью в горах. Меня перевезли в село, и я долгое время пролежал в постели, болея лихорадкой.

Когда, опираясь на палку, я впервые после болезни вышел из дому, село показалось мне очень изменившимся. Вернее, изменилось не село, а я сам. Я по-новому смотрел теперь на все, что меня окружало.

Ветхая землянка Газо с забитой круглый год дверью показалась мне не такой уж жалкой и непривлекательной, как прежде. А дворик вокруг землянки, в котором пышно разрослись сорняки, был для меня красивее всех дворов села. Большое тутовое дерево низко склонилось над плоской крышей, словно доверяя ей какую-то тайну. Пожелтевшие листья на тутовом дереве выглядели гораздо красивее, чем на всех остальных шелковицах. А как хорош был ручеек, берега которого усеяли золотистые опавшие листья!

Странная перемена произошла во мне. В сердце постоянно жила какая-то тревога. По ночам я поднимался на земляную крышу нашего дома и часами глядел на звезды.

Слышалось стрекотание цикад, кваканье лягушек; с неба то и дело падали звезды. Мне хотелось видеть Ноэм, хотелось, чтобы она сидела рядом со мной, чтобы мы вместе смотрели на звезды и говорили, говорили до утра или же вместе слушали чудесные голоса природы, слушали, не говоря ни слова.

Где сейчас Ноэм, что она делает, о чем думает? Не грозит ли ей опасность? И предо мной вдруг появлялся косматый медведь, который вот-вот набросится на Ноэм. Сердце начинало сильно биться, я вскакивал, набрасывался на медведя, схватив его за горло, душил и, встряхнув, швырял в пропасть. Тело у меня напрягалось так, что начинали болеть мускулы.

— Да иди же домой, сынок, холодно уже, простудишься,—недовольно говорит мать.

Я растерянно оглядываюсь. Нет ни Ноэм, ни медведя, ни пропасти. В самом деле холодно. Ну почему, почему должна Ноэм дикой кошкой бродить одна по лесам? Почему все должны звать ее «Чертовым жучком»? Что за беда, если она смугла лицом? Ведь если бы на нее надели новое платье, новые трехи и пестрые носки да расчесали волосы — она тоже стала бы красивой! Хотя нет, она и без того красива, она красивей всех девочек села. Но другие не замечают этого, один я вижу это, один я замечаю.

Задумавшись, я забывал о том, что мать звала меня, и, свернувшись клубочком, засыпал тут же, на крыше. Но почему-то утром просыпался уже в своей постели, в комнате.

Роковой выстрел

Наступила весна, и на изумрудных горах Гугарка снова заколыхались золотые волны расветших лютиков. Каждый ручеек журчал так, словно играл на переливчатой свирели. Лес звенел от птичьих голосов. На зов лани выбегал из кустарников олень и, будто обезумев, искал ее.

И когда в небе блеснула молния, полил дождь и одновременно засияло солнце с семицветной радугой, — в глубоких ущельях оглушающе прогрохотал выстрел.

То был грозный год, грозная весна.

Мало кто из крестьян, кроме нас, да еще нескольких семей, осмелился в ту весну перекочевать в горы. Леса кишели незнакомыми людьми, нагонявшими на всех страх. Напрасно Артем Лезгонц убеждал нас, что бояться нечего, что эти люди не тронут ни нас, ни наших коров,—все были охвачены тревогой, чувствовали, что должно свершиться нечто необычное.

В тот день, когда прогремели первые выстрелы, бродил я по опушке леса вместе с Ноэм. Не узнать было «Чертова жучка». Она побледнела, выглядела усталой, словно всю ночь не спала. Я заметил, что она все время прислушивается, все время оглядывается, словно кого-то ждет. Стоя на опушке, мы внимательно всматривались в далекое ущелье, откуда доносилась перестрелка. После долгого раздумья я пришел к заключению, что это стреляют люди, которые преследуют «качахов». Но когда я сказал о своей догадке Ноэм, она усмехнулась:

— Ты что, ребенок? Как видно, ты не знаешь того, что творится сейчас на свете.

И отвернувшись от меня, стала рассматривать что-то вдали. Я не решился расспрашивать ее — ведь она пользовалась каждым случаем посмеяться надо мною, уколоть меня.

Внизу, у подножия горы, проскакало несколько всадников. Ноэм, вытянув шею, проводила их долгим взглядом, словно хотела получше рассмотреть. Я обратил внимание на то, что эти всадники были вооружены, одеты в темные бурки и мохнатые папахи.

Мы вернулись к домику Газо, стоявшему на лесной поляне. У стены, неподалеку от камелька, лежала протертая кошма. Ноэм опустилась на нее, прислонилась спиной к стене и кивнула мне головой, чтобы я сел ря-

дом. Между стеной и крышей была большая щель, сквозь которую виднелось небо. Ноэм внимательно глядела на небо — по нему длинной полосой, похожей на лаваш[1], двигалось облако.

Вдруг лицо Ноэм просветлело и, не отрывая взгляда от облака, она радостно сказала:

— А ты знаешь, я уже не буду пасти свиней! Я в школу пойду!

— А кто это сказал? — растерявшись, спросил я.

— Дядя Енок[2], — с гордостью ответила Ноэм.

Это имя было совершенно незнакомо мне, хотя Ноэм произнесла его таким тоном, словно оно должно было быть известно всему свету. Видя мое удивление, она снисходительно объяснила, что «дядя Енок» — учитель, и что после того, как кончится эта война, он построит большую школу, такую большую, что если даже ребята со всех сел соберутся в ней, и то останется еще место.

— А ты где его видела? — с любопытством спросил я.

Ноэм улыбнулась:

— Вот как раз здесь, в этом хлеве!

— А откуда он родом?

— Из селения Крдеван.

Неожиданно в доме появился Газо. Не обращая внимания на нас, он схватил топор, кинулся к одному из толстых бревен, подпиравших крышу, и с силой ударил по нему топором. Бревно оказалось с тайником— внутри лежала винтовка. Газо вытащил ее, бережно вытер полой ствол и выбежал из хлева.

Я окаменел. Кому могло прийти в голову, что в почерневшем от дыма и сажи столбе можно спрятать винтовку?

Перестрелка, все усиливаясь, приближалась. Эхо гремело в горах. Казалось, кто-то выворачивает вековые дубы, и громадные обломки скал с грохотом скатываются в пропасть...

Ноэм выглянула из хлева. Выстрелы слышались все ближе и ближе. Уже можно было понять, что кто-то отступает, двигаясь в нашу сторону и отстреливаясь. Ноэм куда-то тревожно смотрела. Вот она гневно ударила кулаком по стене, к которой прислонилась. Потом подозвала меня и пальцем показала на гряду скал, видневшуюся на противоположном склоне.

— Видишь, откуда стреляют? — с ненавистью проговорила она.

Сначала я ничего не заметил, но вот между зубцами скал показалось облачко дыма и тотчас же растаяло. Только острые глаза Ноэм могли различить засевших там стрелков.

— Кто это? — заинтересовался я.

— Волки ненасытные!—раздраженно ответила Ноэм и с сожалением покачала головой. — Эх, была бы у меня сейчас винтовка...

— А ты разве умеешь стрелять?

— Да, стреляла зимой.

Отступавшие были уже на лесной поляне. Они заняли позиции за камнями и поваленными стволами деревьев. Я обратил внимание, что с того места на склоне горы, на которое мне указывала Ноэм, огонь был особенно меток. Облачко дыма показывалось над зубцами скал, и пуля притаившегося стрелка почти всегда попадала в цель, вызывая смятение среди находившихся на лужайке. Я видел, что многие из них осматриваются, словно отыскивая что-то.

Вдруг Ноэм бегом кинулась к этим людям.

— Куда ты? — крикнул я.

---

[1] Лаваш — плоский тонкий хлеб.

[2] Под именем «Енока» известен был руководитель революционного майского восстания в Казахе в 1920 году Енок Мкртумян.

— Покажу тропинку, по которой можно уйти.

Я понял Ноэм — она хотела помочь этим людям выбраться из западни и пройти в тыл врага.

Они кричали, чтобы Ноэм вернулась обратно, но она продолжала бежать, что-то объясняя. По-видимому, она достигла цели: человек огромного роста, в котором я угадал руководителя отряда, держа винтовку наперевес, махнул рукой, созывая своих бойцов.

Я видел, как они пошли за Ноэм, укрываясь за обломками скал и деревьями.

Над скалистым кряжем вдруг появился клубочек дыма. Ноэм вскрикнула и медленно упала к ногам великана. Тот наклонился, поднял Ноэм и, держа ее на руках, направился к дому, перебегая от дерева к дереву.

Когда он опустил Ноэм на кошму рядом со мной, она уже не дышала.

Вместо эпилога

После этого много-много раз возвращался май, но мне никогда не забыть той весны. Злая вражеская пуля сразила мою первую любовь.

За майским закатом, окрашенным алой кровью Ноэм, последовал ясный рассвет. За ним пошли чередой другие вёсны. Вновь зазеленела поляна, на которой когда-то убили Ноэм, и где сейчас возвышается каменное, покрытое красной черепицей здание колхозной фермы. Другие юноши и другие девушки бродят под вековыми деревьями вокруг поляны, шепча слова любви и верности. Но о своей любви я так и не успел сказать черноглазой Ноэм. Она умерла, ничего не зная об этом...

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

Семь поэтических циклов — «Родина и Солнце», «Гроза и Радуга», «Рождение стиха», «Дневник путника», «Из ранних песен», «День и ночь», «Вечная весна» — составляют «Избранное» Александра Абашели, выпущенное издательством «Заря Востока» со вступительной статьей Б. Жгенти о творческом пути поэта.

Трудно вспомнить какое-нибудь значительное событие или волнующую тему современности, на которую не откликнулся бы этот замечательный грузинский поэт. Его произведения посвящены молодости родной земли, возрожденной Великим Октябрем, человеку советской эпохи, его духовной красоте, его труду, преобразующему страну, легендарному героизму, проявленному в годы Великой Отечественной войны.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ПОЕЗДКА ЗА СОЛЬЮ

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Я в Агзеван за солью еду.
Сижу в раздумье на арбе
И сам с собой веду беседу
И о тебе, и о себе.
Вол тянет изо всех силенок,
А впереди туман,
туман...
Мне хватит слез твоих соленых!
К чему мне ехать в Агзеван!
Печалью полон я огромной,
Себя сомненьями казню.
Тягучий скрип оси аробной
Мне клонит голову ко сну.
Сейчас бы сладко и устало
Над мирно дремлющей рекой
Лизнуть соленые кристаллы,
Кусок скалы отбив киркой!
Я только с сахаром был в ссоре.
Всегда я с солью дружен был.
Чтобы не так горчило горе,
Его, как черный хлеб, солил!
Я столько знал и бед и боли.
Меня мотало — лишь держись!
Так много в жизни нужно соли!
Ей-богу, —
с нею слаще жизнь!

„Лесной человек"

Авторизованный перевод с грузинского А. Кулебякина и А. Некрасова

Рассказ «Лесной человек» был написан Михаилом Джавахишвили в 1923 году. Мы публикуем рассказ в переводе, сделанном при жизни писателя. Перевод сохранился в архиве М. Джавахишвили и был предоставлен нам дочерью писателя К. Джавахишвили.

I

Лесник Павле возвращался с кладбища. На руках он нес четырехлетнего Гоги, а следом, пошатываясь, шел пятнадцатилетний Ника — бледный, поникший, заплаканный. Поодаль, как взъерошенные галки, плелись женщины. С десяток мужчин-односельчан брели позади, замыкая печальное шествие.

Во дворе толпились соседи — справляли поминки. Павле не взглянул на них, прошел прямо в дом. За ним — сын Ника, потом старичок-священник — отец Лаврентий и кое-кто из своих — самые близкие.

Отец Лаврентий подошел к хозяину. Остальные неслышно топтались у стен, кто где.

— Полно, Павле,— начал батюшка ласково.— Полно, что с тобой? Скажи ты хоть слово. А то—слыханное ли дело: три дня никому ничего...

— И у меня, дорогой, жена померла, а вот язык не отнялся,—сказал один из мужчин.

— Ты-то что! Ты меня спроси,— негромко перебил другой.— В один год жену схоронил, и мать, и двоих сыновей. Трудно было, что говорить. Ой, как трудно! А что поделаешь? Жить-то надо... Вот и несу свое горе, живу...

Подробнее о рассказе «Лесной человек» см. статью Ш. Радиани, опубликованную в «Литературной Грузии» № 6, 1957 г.

Но Павле и тут промолчал. Он тупо уставился в дверь, будто не видел ничего и не слышал.

— Понял, Павле? — отец Лаврентий легонько тронул лесника за руку.—Слышишь, что Наскид говорит? Крепись, человече добрый, скажи хоть что-нибудь. Ну!

Павле поднял на батюшку глаза, взмахнул ручищами, точно птицу спугнул, и пробасил хрипло:

— А что теперь говорить? Что? Схоронил и все... Конец...

— На все божья воля, Павле,— начал было священник, но лесник вдруг вскочил, размахивая руками.

— Божья воля? А зачем ему, богу-то, вдовцом меня делать? На что ему сиротство детей-то вот этих? Кому мы сделали плохое? Чем обидели бога? — прокричал он и рухнул на тахту, спрятав лицо в ладонях.

— Не кори бога, сын мой,— сказал священник.

— Смотри, Павле, услышит бог, накажет, хуже будет,— предостерег Симон.

Но Павле не слушал. Он лежал неподвижно и вздыхал тяжело-тяжело, точно кузнечные мехи шумели в его груди.

Потом все, кто был в доме, один за другим тихонько вышли и потянулись к поминальному столу. Попили, поели, вспомнили покойницу и разошлись. Отец Лаврентий, Симон и Наскид зашли в комнату, на прощание сказали хозяину по доброму слову и тоже пошли по домам.

А Павле до позднего вечера метался, как волк в капкане, стонал, как раненый медведь, вздыхал, охал. Даже дети — и те не решились остаться с ним в доме. Зашли, взглянули на обезумевшего от горя отца, выбежали и легли на балконе. Жена Наскида принесла одеяло и укрыла ребят. Они уснули, утомленные тревогами трудного дня, а когда стемнело, Наскид растолкал мальчиков, отвел их домой, разжег огонь в очаге и разбудил притихшего Павле.

Тот встал, шатаясь, усадил сыновей рядом. Постоял, покачал головой, посмотрел на огонь, на детей...

— Вот и все,— сказал он, наконец.—Схоронили. Остался наш дом без хозяйки. Я — вдовец, вы — сироты. Семья разбилась, дом опустел. Теперь и очаг остынет... Горе!

И вдруг, снова бросившись на тахту, стал бить себя по голове кулаками, а потом заплакал навзрыд горячими слезами.

В голос заплакали дети.

II

Лет двадцать назад пришел Павле в эту деревню. Сперва он нанялся к здешнему помещику и года четыре батрачил в чужом хозяйстве.

Работник он был хороший. За старание, за тихий нрав помещик его ценил и соседи кругом уважали.

Ростом Павле был высок, мускулист и силен, как медведь. Лицом суров, характером прям, справедлив и тверд, а с людьми держался просто и скромно. За то его и любили.

У того же помещика служила девушка лет восемнадцати — Пело — тоже тихая, безобидная, работящая. У матери Пело был домик в деревне и клочок земли.

Приглянулась Пело батраку, крепко полюбил ее Павле, но долго не сумел признаться в своей любви. Наконец, как-то вечером встретил он Пело у гумна, выложил душу и тогда же услышал ответ.

В ту же осень сыграли свадьбу, оставили службу у барина и поселились в домике Пело. И деревня нового зятя приняла, как родного. Был он человек работящий и честный, а таких уважают в народе.

Вскоре случилось так, что в казенный лес понадобился лесник. Староста — хороший человек — указал на Павле, помещик, где надо, замолвил словечко, и батюшка благословил. Так и получилось, что Павле стал лесником.

С тех пор потекла его жизнь ровно и просто. Трудились вдвоем, любили друг друга по-своему, тихой любовью, без лишних слов, без слез, глубоко и верно.

Через год родился первый сын — Ника, года четыре назад — второй пухленький мальчик — Гоги порадовал Пело. Но за этой радостью горе пришло: скоро Пело схоронила старушку-мать.

Павле то работал дома по хозяйству, то целыми днями бродил в горах, осматривал лес, охотился. И не было случая, чтобы с охоты пришел он с пустыми руками. То зайца принесет, то лису, то волка. Другой раз птицы набьет, а то подстрелит козла или красавца-оленя. Бывало, и рысь приносил и даже барса. А медведя встретит — и перед ним не отступит. Раз одним кинжалом одолел медведя, но тогда нелегко далась добыча. Изломал лесной великан лесника, так измял, что думал Павле, не дойти ему до дому. Спасибо, добрые люди подобрали в лесу и на арбе привезли в деревню.

В тот раз долго просила его Пело бросить охоту, но Павле не послушался — уж очень любил он это дело и доход терять не хотелось.

В округе иные сердились на Павле — строгий был лесник. Если поймает кого без записки, отберет и топор и пилу, и начальству доложит — тут каждый рассердится. Но врагов не нажил Павле — честный был человек, справедливый.

Так и жили они. Хорошо жили.

Но вот в прошлом году пошла как-то Пело за водой и простыла. Захворала, слегла — и сразу разладилась жизнь. Горе сломило Павле, тяжелым жерновом навалилось на сердце.

Целый год боролся лесник за жизнь бедняжки Пело. И в лес стал реже ходить, и в поле почти не работал — день и ночь сидел у постели больной. Но смерть свое взяла — отняла у Павле жену, у детей — любимую мать.

С этого дня словно кто подменил Павле. За два месяца сгорбился он, поседел, онемел, будто язык проглотил. В деревню стал редко ходить, а придет — ни с кем слова не скажет. И охотился мало.

В обход иногда брал с собой Нику, а дом запирал, оставив младшего сына и скот заботам соседа Наскида.

Без хозяйского глаза семья опускалась. Как глина на солнце, так и семья — там трещинку даст, там другую и, глядишь, уже рассыпается, пылью по ветру летит.

А что было делать Павле? Без службы, он знал, не прожить ему, а два дела сразу — и в лесу и дома — разве успеешь сделать?

Долго думал Павле и решил, наконец, совсем уйти в лес с сыновьями.

А тут как раз Петре Джарашвили задумал строиться. Павле прослышал об этом, сказал Симону, тот намекнул Петре: «Чем новый-то дом строить, купил бы у Павле. И сад есть, и пашня...»

Петре согласился. Стали рядиться. Не раз ходили друг к другу, наконец, сговорились и сладили дело: сад и земли переходят во владение Петре, но в доме до мая останутся жить Павле с детьми.

Тем временем взялся лесник за постройку нового дома.

В Ипнианском лесу у Тедо Биртвелашвили было десятков шесть срубленных ясеней. Павле купил их и, едва стаял снег, привел в Ипниани пильщиков, плотников, соседей-крестьян, и Нику с собой прихватил.

В тот же день зазвенели в лесу топоры, завизжали пилы. Стук молотков, шарканье рубанков не смолкали до позднего вечера. Днем и ночью горели костры, дым стлался по лесу, разгоняя зверье. Дружно работали и к столу садились дружно: Ника едва успевал возить на арбе еду из деревни.

К пасхе все было готово. Праздник встретили в старом доме. После этого в нем и поселился Петре, а Павле с сыновьями, захватив домашний скарб и скотину, навсегда перебрался в Ипнианский лес.

Вот тогда и прозвали его «Лесным человеком».

III

На сутки пути тянется лес Ипниани. Как сторожа, высятся над ним три острогорбые горки, поросшие глухой чащобой. Под одной из них раскинулась широкая поляна, укрытая богатым ковром высокой, по грудь человеку, травы, расцвеченной тысячами ярких разноликих цветов. А над ней, как три великана-чудовища, тянутся к небу три могучих, по семи обхватов, дуба. Так они разрослись, так сплелись ветвями, что в их густой тени легко уместился бы стол сотни на две гостей. Прохладный ручей сбегает на эту поляну и, змеей проскользнув в траве, падает в темный овраг. Хорошее место.

Вот тут, на краю поляны, и выстроил Павле свой двухэтажный дом. Внизу скот разместил, наверху поселился сам с сыновьями. Рабочие обнесли поляну высоким забором, поставили амбар, вскопали огород. А в мае пришли из деревни соседи, привели в Ипниани буйволов, за пять дней вспахали поляну, засеяли, проборонили и ушли.

Остались Павле, Ника и Гоги одни в необъятном, темном, глухом лесу. Скучать было некогда. Дела хватало и Павле и Нике с избытком. На утренней зорьке шли они умываться к ручью, доили коров и овец, ставили в печь молоко. Потом с топорами и мотыгами шли на работу, оставив у лестницы верного сторожа — собаку — беречь спящего Гоги. Скот выгоняли тут же в лесу, на поляну, а за пастуха был другой верный пес. Их обоих — и Богрию и Куршу — Павле вышколил сам, да так, что они и дом стерегли и скот пасли не хуже людей. Стоило буйволу, корове или овце отбиться от стада, собака с лаем неслась наперерез, кидалась в ноги, кусала и не отставала, пока не загонит скотину в стадо.

С утра до поздней ночи работали Павле и Ника. Землю ровняли, ставили изгородь, расчищали русло ручья, поливали огород. А когда жара загоняла в тень все живое, они садились в тени могучего дуба—плести ульи.

Бывало, с рассветом уйдут на работу, а как поднимется солнце над лесом, вернутся домой, разбудят Гоги, умоют, накормят, сами поедят и опять на поляну — работать.

Тогда и мальчика брали с собой и припасы. А в полдень разводили огонь под дубом, в котле варили обед и тут же пекли мчади[1]. Все сами.

Не забывал Павле и службу. Иной раз — чаще в плохую погоду — берет ружье и ходит дозором по лесу. Другой раз и подстрелит что-нибудь, принесет. Но далеко ходить он не решался: боялся надолго ребят оставлять. А то на гору поднимется и слушает там: не рубят ли где? Смотрит кругом: не горит ли?

---

[1] Мчади — лепешка из кукурузной муки.

С непривычки и странно и страшно порой казалось Нике и Гоги жить в этом лесу без людей, без соседей, без сверстников. Бесконечный, огромный, дремучий и темный лес был полон тысячами тайн. Иногда становилось так тихо, что слышно было собственное дыхание; но чаще лес шумел, бормотал, волновался. То, бывало, во тьме начнут полыхать молнии, гром загрохочет, всю ночь шепчет дождь. Или вдруг налетит порывом буря, заглушая все своим ревом, а потом так же сразу утихнет.

Во время больших ветров по ночам лес выл и гудел, а с зарей замолкал, и занималось тихое утро. В такое утро Ника и Гоги обегут, бывало, всю поляну, заберутся в ближнюю чащу вместе с Куршей и Богрией. И лес и поляна, обрызганные росой, сверкают тысячами красок и звенят птичьими голосами. И зверю здесь было раздолье: куница, белка, хорек, ласка и дикие кошки резвились здесь вольно и весело.

Поваленные ураганом великаны-деревья, точно тела воинов на поле сражения, лежали тут и там в непролазной чаще леса. И трудно было поверить, что ветер свалил их,— так тихо было в небе, так беззаботно плавали в вышине орлы, ястребы и коршуны. Иногда какой-нибудь хищник камнем падал вниз, вселяя ужас в сердца мелких пташек. Тогда трусишка удод от страха падал ничком, выставив кверху острый, как штык, клюв, клохтали и ерошились наседки, собирая под крылья цыплят. Гоги, пугая хищника, кричал:

— Гай, гай!

А Ника, вскинув ружье, палил в нарушителя утреннего покоя и нередко сбивал разбойника.

И опять наступал мир. Скворцы деловито теребили шерсть, сидя на спинках овец, пеночка тонким голоском выводила «Бичо Гоги», беззлобно поддразнивая мальчика, где-то куковала кукушка, где-то постукивал дятел, и множество других птиц, каждая по своему, перекликались друг с другом.

К полудню разомлевшие от зноя обитатели леса умолкали, все погружалось в дремоту. Только горлинка долго еще лепетала что-то да неутомимая белка прыгала с ветки на ветку.

А когда кончался день, в потемках ночные звери и птицы выбирались из гнезд и нор, принимались за свои дела и новыми голосами тревожили тишину ночного леса.

Один сыч спрашивал у другого:

— Нашел? Нашел?

А тот отвечал печально:

— Не-эт... Не-эт!

Неслышно порхая, пищал о своем нетопырь, а сова над чем-то громко хохотала.

Порой громче всех где-то за обрывом страшно гукал филин. Тогда псы поднимали вой, а Павле, проснувшись, крестился и вполголоса проклинал ночного крикуна.

А потом опять наступала тишина. И до утра только Курша и Богрия полаивали тихонько, перекликаясь друг с другом и отгоняя ночных зверей.

И тогда то у самой поляны, то где-то вдали слышался волчий вой, плач гиены, визгливый голос лисицы и сердитый медвежий разговор.

Иногда Ника отправлялся на поиски пчелиного роя и приманивал его пахучим дымом зажженного воска. А то, найдя пчелу, выслеживал ее до самого дупла. Тогда, отметив дерево, он приводил отца. Вдвоем они выкуривали пчел, рубили дерево, доставали соты, укладывали их в ульи и ставили на поляне под липой. А пчелы тучей летели позади, грозно гудя, но скоро обживались на новом месте.

Пока старшие работали в лесу, пухленький Гоги ползал тут же, срывая ромашки, лилии и другие цветы, собирал дикие яблоки, дикие грушки — «панту» и кислые ягоды.

Скотину Павле любил и ходить за скотом умел. Сам, без помощников, смастерил маслобойку и кадку. Вдвоем с Никой они сбивали масло, делали сыр «мотали», набивали его в бурдюки и в большие кринки — «килеби».

Летом, когда начали созревать початки, повадились в кукурузу барсук и медведь. Барсук подсекал стебли и так фыркал, словно плевался. С ним разделались скоро. А потом Павле и Ника медведицу выследили. Ночью спрятались за кустом, ветерок дул с поля, зверь не учуял их запаха и вышел на охоту. Уже за полночь услышали треск и в бледном свете луны увидели зверя. С ним были два медвежонка.

Словно учуяв опасность, медведица встала, притихла. Павле и Ника затаили дыхание. Потом опять хрустнуло. Медведица перелезла через ограду, а следом — детеныши.

Павле шепнул:

— Мишек не трогай, бей в медведицу!

Тут опять зашуршало. Низко опустив голову, медведица осторожно продвигалась вперед, обнюхивая воздух. Павле толкнул Нику локтем. Прицелились. Блеснули два огонька, грянули выстрелы, и грохот прокатился по лесу. В тот же миг раздался рев зверя, и раненая медведица, поднявшись на дыбы, двинулась на охотников.

— Заряжай! — крикнул Павле, а сам, левой рукой сунув в пасть зверю свою шапку, правой выхватил длинный кинжал и всадил в мохнатую шею. Тут новый выстрел прокатился по спящему лесу. Еще раз рявкнула медведица и, перекинувшись на спину, захрипела. Павле кинжалом перерезал ей горло.

Когда совсем затихла медведица, услышали шорох. В конце ограды притаились два медвежонка. Они тихонько ворчали, царапались. Их обоих взяли голыми руками.

На рев и выстрелы примчались псы, подняли веселый визг и лай. Весь лес разбудили. Только Гоги спал крепким сном, а утром, когда проснулся, увидел двух новых товарищей.

Так и осень пришла. Собрали овощи с огорода, насолили, заквасили, насушили. Потом обломали кукурузу. А когда все убрали, Павле вызвал Наскида, оставил его за хозяина, а сам поехал в город продавать масло, сыр и овощи.

Распродал, купил, что нужно на зиму, и вернулся в лес. И опять тишина и спокойствие воцарились в Ипниани.

Из города Павле привез для Ники полушубок и чоху, а Гоги, кроме теплых вещей, — сушеных фруктов. Их он спрятал подальше и каждый день выдавал детям понемножку.

Похлопывая жесткими пальцами по пухлым щечкам сына, он каждый раз приговаривал:

— Эй ты, медвежонок ты этакий! На, кушай да будь умницей!

А Гоги и вправду смахивал на медвежонка. Весь в отца — чернобровый, жестковолосый, плотный, рос он вместе со своими мохнатыми друзьями, бесстрашно возился с ними и даже реветь научился, как медвежонок.

Нике всего шестнадцать исполнилось, а он уже догнал Павле ростом и характером вышел в него: молчаливый и грубоватый.

Случалось так, что они с отцом за целый день и двумя словечками не перекинутся. Не любили разговоров. Знали друг друга, с полуслова по-

нимали. Свои печали и радости каждый хранил в своем сердце. Объясниться взглядами можно, так зачем же бросать зря слова?

Скучно было, конечно, Павле одному, без жены. Был он еще молод, здоров и силен. Мог и невесту найти и жениться мог. Но «Лесной человек» и слышать не хотел о новом браке. Он дал себе крепкую клятву никогда не жениться.

Так и жил.

Одна забота тревожила Павле. Часто думал он: до каких же пор, как дикие звери, будут жить его дети в лесу? Как он вырастит их без людей? Кто же потом породнится с ними? Ведь когда-нибудь захочет же Ника обзавестись своей семьей. А кто выдаст девушку в эту лесную пустыню?

Или так: заболеет он или Ника. А кто тогда за скотиной присмотрит? Кто будет лес стеречь? Кто со всеми делами управится?

Как-то был такой случай: проболел два дня Гоги. Думал тогда Павле позвать доктора, но кто пойдет в такую даль? Можно бы Нику послать. А скотина, а лес, а посевы? Везде нужны руки. Два-три дня Павле мог бы управиться и один, а если на месяц пришлось бы бросить хозяйство, на неделю даже?

Не раз думал об этом Павле, а придумать не мог ничего. Так и шло все по-старому, текло тем же руслом.

IV

Осень расцветила лес сотнями разных красок и оттенков — багрянцем и золотом, блеклыми и желтыми листьями.

Откочевали перелетные птицы. Остались лишь те, кто зимует: сороки, вороны, дятлы, воробьи. Они с карканьем, стрекотаньем, чириканьем носились по лесу, наполняя его своими голосами. Иногда по целым неделям висел туман, сеяло дождиком, хмурилось небо. В такую погоду Павле и его сыновья, как звери в клетке, томились в своем домишке и больше со скотиной, с медвежатами и с псами разговаривали, чем друг с другом.

К зиме сложили маленькую печурку. Дым из нее столбом поднимался над лесом, а сельчане внизу, завидев его, говорили:

— «Лесной человек» печку топит. Совсем одичал наш лесник.

Стали чаще охотиться. С дичью приносили домой то грибы, то ягоды. Собирали и жёлуди.

А потом наступила зима. За одну ночь выпало много снегу, и все кругом побелело. Осмелевшие с голоду хищники чаще подходили к дому, и теперь каждую ночь слышался волчий вой и тявканье шакалов.

Павле с вечера ставил капканы. Чаще всего попадались в них волки и лисицы, реже — осторожная рысь. Если зверь попадался с вечера, то нередко случалось, что он отгрызал себе лапу, оставляя ее в капкане, а сам уходил. Зато утренняя жертва западни всегда попадала в руки охотникам. Бывало и так, что лапа сильного зверя попадала в капкан; тогда он срывал капкан и далеко затаскивал его, пока не зацеплялся за какой-нибудь куст. Таких находили по следу. Звериным мясом кормили псов, а шкуры, присолив, сушили.

Время шло медленно, и зима казалась бесконечной. За эту долгую зиму все трое совсем одичали, говорить почти разучились.

Но пришел и зиме конец. Холода поубавились, задышало теплом. Зазвенели первые ручейки. Зелень пробилась в лесу. Ветром смело снег. Набухли почки. Закурлыкали в небе журавли. Прилетели грачи, скворцы, ласточки. Лес ожил, опушился, зацвел: зажелтел кизил, побелела дикая

груша, розовыми облаками укуталась яблоня, покрылась цветами алыча, яркой сочной зеленью оделись ясени, буки, карагачи и дубы-великаны. А там и первый гром загрохотал, и первый весенний дождичек — сол нечный сеянец пролился золотыми слезами.

Павле и Ника, как голодные на хлеб, набросились на землю, работали, торопились, с утра до вечера купались в трудовом поту.

И вдруг как-то раскашлялся Гоги. Павле думал сначала, что беды большой нет. Велел дома сидеть. Но к полудню поднялся жар, а к вечеру у ребенка голос пропал, помутилось сознание.

Тут отец растерялся. До рассвета он глаз не сомкнул. Волком бегал по комнате и рассуждал вслух:

— Ника, а? Доктор сюда не придет? Тогда я пойду — отнесу. Или ты? Лучше ты отнеси, Ника...

Потом присаживался к мальчику, корявыми пальцами гладил его пылающие щеки, спрашивал:

— Сыночек мой, Гоги! Не узнаешь? Ну ответь, бичо! Что с тобой?

На рассвете Гоги стал хрипеть. Павле вытер его мокрым полотенцем, растер маслом, влил в рот уксусу, но больному не стало легче. И тогда обезумел отец, как в ту ночь, когда схоронил Пело, головой бился об стол и причитал: «Сын мой, Гоги! Гоги! Сын мой!»

— Ладно, довольно! — крикнул вдруг Ника, схватил отца за руку и с силой оттащил от тахты, на которой лежал больной братишка. — Этим беде не поможешь. Деньги давай, скорее. Я сам отнесу его к доктору.

Павле сразу ожил, засуетился:

— Вот деньги, сынок. Возьми, все бери! Отнеси его, Ника. Скорее, не опоздать бы!

Потом закутал бесчувственного Гоги в теплое одеяло и взял на руки. Пристально вгляделся в него, долгим поцелуем прильнул к горячему лобику.

Вышли. В лесу уже светало. Павле далеко проводил сына. Гоги он сам бережно нес на руках. Наконец остановился, еще раз поцеловал Гоги, передал на руки Нике и, постояв, крикнул вдогонку:

— Ника, сынок, будь молодцом! Если что — живым не приходи. Я на тебя надеюсь, слышишь, сынок?

Проводил глазами скрывшегося в лесу сына. Постоял еще, задумавшись о чем-то. А вернувшись в пустой дом, вдруг представил Гоги мертвым и, опять прислонившись к столбу, зарыдал, причитая:

— Дитя мое, Гоги-джан! Медвежонок мой, Гоги!..

И вдруг взял ружье, бросил дом и скотину на Богрию, а сам вместе с Куршей кинулся догонять Нику. Шел лесными тропами быстро и уже был далеко от дома, как вдруг услышал стук топора. Постоял, послушал. Круто свернул с дороги и волчьим, неслышным шагом подкрался к лесорубу. Это был Миха Нарикашвили — бедняк из их деревни.

В другое время Павле отнял бы у него топор, не посмотрел бы, что сосед. А теперь такое случилось, что расскажи кто об этом Павле, он и сам не поверил бы.

Уселся рядом на мох, поздоровался, стал расспрашивать про семью.

В прошлом году у Миха умер пятилетний сын. Павле слышал об этом, но как, отчего умер ребенок, — не знал. И вот теперь Миха рассказывал, как это было, и какой это мальчик был славный, и сколько слез они с женой пролили... Рассказал и добавил в конце:

— Врагу не пожелаю такого горя. Избави бог! Трудно дитя потерять, если бы не жена — с ума бы сошел или вовсе с собой покончил...

Миха рассказывал, а Павле сидел в раздумье и слушал. И хотя знал, что у Миха нет записки на порубку,— откуда у такого бедняка? — Павле даже и не спросил. Счастья пожелал на прощанье, свистнул пса и пошел домой.

Нику догонять было уже поздно.

Но, странное дело: неудача не расстроила Павле. Домой он пришел почти спокойный. Должно быть, встреча с живым человеком и рассказ о чужом горе остудили его разгоряченный мозг.

V

Ника принес больного братишку к священнику. Тот. хоть и сам иной раз лечил людей, а тут не взялся, велел в город ехать. До станции добрались на арбе, там пересели на поезд и к вечеру приехали в город. Отец Лаврентий дал Нике письмо к двоюродному брату. Тот сразу привел доктора, и на другой же день мальчику стало легче: пришел в себя, и жар стал спадать, и дыхание стало ровнее. А еще через два дня доктор сказал, что за неделю Гоги поправится.

Об этом сейчас же написали отцу Лаврентию, а тот порадовал новостью Павле — как раз человек шел в те места и доставил леснику добрую весть.

Павле ожил. Совсем другим человеком стал. Точно снова родился. Раньше был молчаливый, угрюмый, а тут все ходил и искал, с кем поделиться радостью.

Людей не было близко, зато были собаки, были медвежата, был скот.

— Эй, ты, волчья сыть, Богрия! — кричал Павле, играя с псами. — Смотри у меня, скоро хозяин приедет! Курша, стой! А то скажу Гоги — он тебе задаст.

Потом хватал медвежат:

— Эй, вы, дурачки! Не кусаться, обезьяны этакие! Богрия, помоги, Курша, отгони эту волчью сыть. Забыли, как нужно играть? Погодите, вот Гоги вернется...

И впервые в этой долине раздавались шутки и смех хозяина. Веселый лай псов вторил им, и медвежата ворчали ласково.

Все вместе — и лесник и звери — в обнимку валялись, тузили друг друга, боролись, беззлобно кусались.

Павле притворно кричал:

— Бичо Гоги! Помоги старику, загрызли! Ника, где ты, молодчина мой? Пропадаю! — хрипел он, смеясь и отпихивая от себя косматых приятелей младшего сына.

Наконец, наигравшись, обернулся к псам:

— Богрия, Курша, ну-ка за скотиной, марш! — И псы, не избалованные лаской, с веселым визгом побежали исполнять приказ.

А тут сорока села на забор и стрекочет.

Павле и к ней с приветом:

— Эй ты, бесстыдница! О чем сплетничаешь? На той неделе прилетай, угощение будет!

Увидел буйвола и с ним поделился радостью:

— Лаба! Лентяй ты этакий! Отвык от Никиной хворостины? Погоди, приедет!

А потом к козе:

— Что, соскучилась по Гоги? Идет наш малыш, идет!

И к козлу:

— Эй, ты, глупый, чего бородой трясешь? Вот приедет Гоги, по волосику всю выдерет, что тогда будешь делать без бороды?

Скоро от Ники пришла новая весточка: обещал он во вторник вечером вместе с маленьким братом быть дома.

Павле готовился к встрече. Свежей дичи набил, нарезал шашлычного мяса, напек лепешек, постирал, дом прибрал, как на праздник. Работал и все время разговаривал со своими бессловесными друзьями:

— Гоги и Ника сегодня придут! Слышали? То-то!

VI

Во вторник братья приехали на станцию. Нашли знакомых с арбой и вместе с ними отправились в деревню. Ехали медленно — один бык хромал. Когда, наконец, добрались до деревни, стало уже темнеть.

Священник, Симон и Наскид просили Нику еще погостить в деревне, хоть до утра. Но Ника решил идти. Отца пожалел: знал, что промучается Павле эту ночь, не дождавшись детей.

Пока поужинали, стало совсем темно. А что им темнота? Оба были детьми «Лесного человека», привыкли, и ночь в лесу их не пугала.

Вышли, попрощались. Ника поднял братишку на спину, тот уселся, как в седле, и пустились в путь. Миновали виноградник Петре, повернули к церковной ограде и вдруг...

Черная тень выросла перед ними, и это черное так толкнуло Нику в грудь, что дыхание перехватило, а из глаз посыпались искры. Он пошатнулся и упал без сознания. А перепуганный Гоги вскочил, бросился в сторону и с криком: — Папа! Папочка, помоги! — пустился бежать в темноту.

Церковный сторож Матэ и его жена услышали крик, переглянулись. Матэ вышел во двор.

— Папа, папочка! — раздавалось где-то и вдруг голос замолк.

— Эй, кто там? Кто кричит? Эй! — спросил Матэ, но никто не ответил. Тогда, взяв палку, Матэ обошел вокруг церкви. Нигде никого. Вышел в ворота... Осмотрел ограду снаружи, все время тихонько спрашивая:

— Эй, кто там? Эй!

Наконец, наткнулся в потемках на чье-то тело.

— Эй, кто тут?

Но никто не ответил.

— С нами крестная сила, — пробормотал Матэ, перекрестился, придвинулся ближе, ощупал лежащего человека, схватил, тряхнул...

— Кто ты, слышишь? Отвечай! — крикнул он снова и наклонился пониже. Думал: может, пьяный. Понюхал лицо; нет, не пьяный. Тогда Матэ побежал за народом.

Пришли. Подняли Нику, принесли в дом к священнику. Там только его и узнали. Сразу о Гоги вспомнили и кинулись искать мальчика. Разбежались во все концы, спрашивали соседей:

— Гоги не видали, мальчика «Лесного человека»?

Все кругом обегали: сады, огороды, овраги — все осмотрели. До полуночи то тут, то там слышались крики:

— Бичо Гоги! Гоги! Где ты?

Но точно земля проглотила ребенка.

Матэ в который раз принимался рассказывать:

— Мы с женой своими ушами слышали: вроде мальчик кричал: «Папа, мол, помоги». Он и был, а кому же еще?

Священник расстегнул на Нике рубаху и обнажил грудь. Вздрогнул, задумался и прикусил язык, точно догадался, в чем дело, да не хочет говорить.

У Ники на груди возле сосков виднелись два багровых знака.

— Может, о камень ударился? — сказал кто-то.

— Пожалуй, — согласился другой, — только уж больно сильно. Вон грудь-то пробита.

Разное думали, каждый говорил свое, один отец Лаврентий помалкивал.

Потом в лес послали человека — позвать Павле. И всем, кто бы куда ни шел, наказали искать по дороге пропавшего Гоги.

Посланный затемно вышел в лес, поднялся в Ипниани, нашел лесника и сказал, помолчав:

— Беда случилась с твоими ребятами. Сходи-ка в деревню, Павле, посмотри...

Павле, и без того расстроенный бессонной ночью, до утра не сомкнувший глаз, вскочил, как ужаленный, хотел сказать что-то, но запнулся и еле вымолвил:

— Что? Что случилось? С которым?

А когда услышал страшный ответ, даже дом не запер, схватил ружье и бегом пустился к деревне. Бежал и причитал на ходу:

— Горе, горе! Дети мои! Бедная моя голова!

К полудню он был уже в деревне. Ника только что очнулся. Павле бросился к нему, к священнику. Расспрашивал:

— Что? Что случилось? С которым?

Ника рассказал, что знал, потом показал отцу распухшую, посиневшую грудь.

Павле посмотрел тупыми глазами, помолчал и снова:

— Гоги где?

— Ищем Гоги. Всю ночь искали и сейчас ищут, — ответил священник. — Все перевернули — и виноградники, и сады, и поля, и овраги...

— О, горе мне! Сын мой! — воскликнул снова Павле и, выбежав из дома, бросился в поле. Следом за ним бежал, едва поспевая, Матэ.

Когда добежали до места, где нашли Нику, Матэ подробно рассказал леснику все, что знал, и в конце, оглянувшись зачем-то, тихонько добавил:

— У батюшки бугай есть, такой бешеный, всех детишек чуть не перекалечил. Недавно причетнику живот пропорол. Священник бугая-то днем запирает в ограду, от греха, а на ночь пускает. Не он ли, проклятый, на Нику-то налетел? Вон, погляди-ка!

Павле зашел в ограду. Там на крепкой привязи стоял черный бугай. Увидев Павле, бык уставился на него красными глазищами, заколотил передними копытами, замычал и рванулся. Павле отскочил и выбежал из ворот.

— Куда побежал? — крикнул Матэ вслед. — Вся деревня ищет, найдут без тебя, отдохни!

Но Павле даже и не обернулся. И до полуночи то с той, то с другой стороны — с полей, из садов, из оврагов — то и дело доносился голос несчастного отца:

— Сын мой! Гоги! Мальчик мой, отзовись. Гоги, где ты?

Уже за полночь Наскид и Симон догнали Павле и силой привели назад. Лесник молчал, дрожал. Страшно смотрели его неподвижные глаза. На заре он задремал ненадолго, а утром вскочил, снова бросился на поиски и всех встречных спрашивал об одном:

— Гоги не видел?

Гоги нашли перед вечером. Эта новость сразу облетела всю деревню. Женщины, дети — все сбежались. Недалеко от церкви, по ту сторону дороги был когда-то виноградник. Там стояла разрушенная давиль-

ня, а рядом зияли в земле огромные кувшины, некогда хранившие вино, а теперь до краев залитые ржавой дождевой водой и обжитые лягушками.

Матэ весь день бродил возле этого места. Заглянул в один кувшин, в другой; заметив в вонючей воде потревоженную тину, Матэ притащил шест, запустил в глубину, копнул ил на дне, и вдруг из темного кувшина всплыла голова ребенка.

На крик сбежались люди. Распухшего, испачканного в тине Гоги вытащили из воды и положили на сухую землю. Кругом суетились люди, вздыхали, причитали:

— Счастливая мать твоя, дитя мое, что не видит тебя! — шептала одна.

— Горе отцу твоему, несчастному! — стонала другая.

— Этой беды еще не хватало ему! — охала третья.

Потом маленькое тельце завернули в палас, отнесли в дом священника.

Отец Лаврентий, сердцем сознававший свою, хотя и невольную, вину, заботу о покойнике взял на себя.

Пока разыскали Павле, тело мальчика вымыли, приодели, положили в средней комнате, зажгли свечи.

Когда Ника увидел мертвого брата, он с усилием приподнялся с тахты, долго смотрел на него, потом ударил себя по глазам кулаками и разрыдался. А поплакав вволю, сел у изголовья и, не отрываясь, всматривался в закрытые глазки, гладил холодную голову.

Как раненый медведь, ворвался в дом Павле. Столбом стал над мертвым сыном. Постоял, посмотрел и крикнул страшным голосом:

— А-а-а! Гоги! А-а-а! Мальчик мой! И этого бог взял!

Долго кричал он, как в бреду. Наконец умолк, весь словно обмяк, опустился, оттаял, и с детской грустью остановил на сыне застывший взгляд. Священник отвел его за руку к тахте. Павле не противился, сел, уронив на грудь голову. Плетьми повисли руки, мутные глаза уставились в пол.

Всю ночь просидел так Павле — неподвижный, притихший. Временами только вздыхал, взмахивал руками, рычал что-то свое.

А Ника стонал, кашлял и харкал кровью.

К ночи сколотили маленький гробик, а утром в церковной ограде вырыли могилку.

В полдень понесли покойника в церковь, отпели, зарыли. Вся деревня собралась на похороны. Привели Нику, едва стоявшего на ногах. Пришел и Павле. Он не плакал, только вздрагивал молча и глядел на гробик помутившимися глазами.

Когда засыпали могилу, он вдруг обернулся и замер. Жестокой ненавистью дышало его лицо. Неподвижным взором уставился он в одно место, и взгляды всех окружающих обернулись туда же.

Там, в углу церковной ограды, чугунным изваянием стоял черный бугай.

Странная усмешка пробежала по лицу лесника. Он оглянулся, увидел стоявшего невдалеке сельского урядника, неслышным, быстрым шагом, как волк, подбежал к нему, выхватил винтовку у него из-за спины и прицелился в быка.

— Павле, что ты! Опомнись, Павле! — закричали со всех сторон, и в ту же минуту грянул выстрел. Но кто-то успел подтолкнуть ствол, и пуля цокнула в стенку, подняв облачко пыли.

Бык, почуяв опасность, вздрогнул, вытянул хвост, нагнул голову, забил копытами и заревел.

Павле стал было заряжать, но урядник вырвал винтовку. Тогда, выхватив длинный кинжал, лесник закричал:

— Эй, разойдись, а то пожалеете! Наплачутся ваши матери!

Все, кто был на похоронах, бросились врассыпную: одни с криками выбежали за ограду, другие спрятались в церкви и со всех сторон с любопытством и страхом наблюдали поединок озверевшего человека со взбесившимся быком.

Павле подоткнул полы чохи, засучил рукава, согнулся пополам, и, уставившись в глазища быка, медленно пошел к нему, ворча про себя, как медведь:

— Над могилой сына должен я убить тебя. Тут и зарежу... Намычится мать о тебе...

— Папа, папочка! — крикнул помертвевший Ника. — Постой!

Но тут бугай мотнул головой, как нитку, оборвал веревку и пошел на Павле. Сперва тихонько, потом, нагнув голову, прибавил шагу и вдруг помчался с ревом.

Павле замер, пригнулся еще ниже. Бык несся прямо на него. В толпе закричали. Но лесник ловко отскочил в сторону, и в тот же миг сверкнула сталь кинжала.

Бугай с разгону промчался вперед, взбил пыль копытами, мотнул окровавленной шеей, повернулся и бросился назад. Павле медленно шел навстречу. Снова ускользнув от удара рогов, он схватил конец веревки, накрутил на левую руку и потащил быка к могиле сына. Бык пятился, упирался ногами и вдруг снова ринулся на Павле. Павле и на этот раз ушел от страшных рогов. А когда бык повернулся опять и нагнул голову для нового удара, Павле изловчился и по рукоять вонзил кинжал ему в брюхо.

Бык жалобно замычал, с каким-то человеческим отчаянием в голосе, похожим на стон. Услышав этот стон, Павле испустил победный крик, подобный мычанию. Обеими руками он ворочал кинжал в ране и приговаривал:

— Вот тебе! Вот тебе! Вот!

Ноги быка подогнулись, он упал на колени. Казалось, что все уже кончено. Но вдруг бык вскочил, повернулся и, волоча за собою внутренности, снова бросился на своего врага.

Как раз над могилкой Гоги в последний раз сошлись противники. Бык поднял лесника на рога и высоко подбросил его.

Мгновение спустя оба лежали на свежей могиле: бык—бездыханный, Павле — без чувств, с разбитой грудью.

VII

Недели через две, поддерживая друг друга под руки, отец и сын, пошатываясь, кое-как доплелись до Ипниани.

Вскоре из деревни поднялись крестьяне с буйволами и снова, как и в прошлый год, вспахали, засеяли и заборонили поляну.

Воздух родного леса скоро поднял на ноги Павле, но бедному Нике он уже не помог. Мальчик кашлял, харкал кровью и с каждым днем худел — словно таял.

В деревне показали его фельдшеру. Тот безнадежно махнул рукой. Тогда издалека откуда-то привезли важного доктора, но и тот не помог ничем.

Осмотрел, ощупал, послушал Нику и посоветовал:

— Везите мальчика в лес. Лекарства не помогут. Если что спасет его — так это покой, питание и лесной воздух...

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

Страница за страницей, рассказ за рассказом — и перед читателем проходят живые события времени. Герои произведений Григола Чиковани — наши современники. Они борются за утверждение новой жизни, проходят через суровые испытания Великой Отечественной войны, побеждают в труде в мирные дни. Это люди верные в дружбе, сильные и честные в любви.

Новый сборник рассказов Григола Чиковани под названием «Мая» вышел недавно в Москве, в издательстве «Молодая гвардия».

Вернулись домой. Тут Павле понял, что теперь ему одному не управиться, и нанял работника — Дату Вардуашвили, парня лет двадцати.

Утром Нику выводили под руки и укладывали под дубом или под липой, а к вечеру опять приводили в комнату.

Дата спал в хлеву. Вечерами Павле и Ника оставались вдвоем. Отец придвигал поближе светильник, подсаживался к сыну, подолгу смотрел на его осунувшееся лицо и в который уже раз спрашивал:

— Расскажи, Ника-джан, как же все это было? Откуда взялся этот проклятый бугай?

И Ника, тоже в который раз, рассказывал. А Павле вздыхал и причитал сокрушенно:

— О-о, проклятье богу моей матери! Где же я был тогда, почему сам не пошел с сыном?

Ника умолял отца не вспоминать о Гоги, не мучить себя и его, но Павле не мог забыть о погибшем мальчике. Он, бывало, всю ночь до рассвета стонал и охал.

От этих бессонных ночей, от тяжелых мыслей Павле начал терять рассудок. Сперва стал путать имена собак и скотины, жаловаться на головные боли. Потом все чаще и чаще ему стал мерещиться Гоги, и он разговаривал с ним:

— Гоги, сынок мой! Где же ты был до сих пор? Дал бы весточку о себе. А то ведь мы здесь извелись без тебя!..

А то, бывало, напихает травы в старую одежду мальчика, сделает куклу, уложит в постель, сядет рядом и всю ночь что-то шепчет, о чем-то просит...

Пришлось Нике спрятать эту куклу, и Павле расстроился так, точно во второй раз потерял сына.

Понемногу отвык Павле и от работы. Лес, охоту забросил совсем. А на поле встанет, обопрется о мотыгу и глядит в одну точку до тех пор, пока кто-нибудь не окликнет его.

За собой он и прежде не очень следил, а тут и мыться перестал, и бороду не расчесывал...

Однажды как-то уставился мутными глазами на своего бычка, с кинжалом погнался за ним.

— Папа, что ты! — крикнул Ника, лежавший под деревом.

Павле узнал голос сына, обернулся. Бычок ускакал, а лесник протер глаза и проговорил смущенно:

— Так, померещилось. Что-то неладно со мной, сынок.

В другой раз он долго ходил по пятам за работником, потом подкрался, бросился сзади и с хриплым мычанием принялся душить парня. Хорошо еще — Ника был рядом. Он вскочил, схватил отца за руку. Тот сразу очнулся и долго не мог понять, что случилось.

А Дата с этого дня никогда не становился спиной к хозяину и об одном мечтал: скорей бы уйти из Ипниани.

Однажды ночью Нике сразу стало хуже. Кровь побежала из горла, бессильные руки, как плети, лежали на тахте. Вокруг запавших глаз легли темные круги. Нос заострился, щеки ввалились.

Встревоженный Павле то и дело подсаживался к сыну, брал за плечи, спрашивал:

— Что с тобой, бичо Ника? Ника-джан!

Ночь была тихая, темная. Чуть шумел лес. Где-то за оврагом ухал филин. Перекликались сычи. Один спрашивал:

— Нашел?

А другой отвечал грустно:

— Не-эт! Не-эт!

В доме под лестницей тихонько храпели медведи, да скулили собаки во дворе.

Павле вслушивался в голоса ночного леса и вдруг в этой путанице звуков ему почудился чей-то знакомый голос.

Он привстал, вышел на цыпочках. В это время прямо над ним, на крыше дома страшно ухнул филин. Ему сейчас же ответил протяжный вой собак. Проснулись медведи.

Павле выбежал во двор:

— Кричи, кричи, чтобы ты пропал вместе с родом своим! — крикнул Павле и бросился за ворота.

Дата тоже проснулся. Он догнал хозяина, схватил его за руку, но тот даже не глянул на работника. Вырвался, побежал и пропал в темноте, приговаривая:

— Погоди, погоди, сейчас приду...

А минуту спустя со дна оврага донесся его хриплый голос:

— Бичо Гоги! Бичо Гоги, где ты?

И опять прокричал филин. И вдруг громко и протяжно завыли псы.

Перепуганный Дата взбежал по лестнице.

— Ника, Ника-джан, — сказал он негромко, но никто не ответил.

Тогда, нагнувшись, он положил на лоб мальчику дрожащую руку. Ника холодел.

Дата сбежал вниз и спрятался под деревьями. Голос Павле уже приближался. Наконец, послышалось его тяжелое дыхание. Охваченный ужасом, Дата отбежал подальше, ломая на бегу ветви, и спрятался под липами. Собаки, поджав хвосты, бежали за ним.

Тем временем Павле поднялся и встал у изголовья сына.

— Спишь, мальчик? — сказал он. — Спи, милый, спи, Ника.

Он протянул руку, чтобы погладить сына, прикоснулся к его холодному лбу, и тогда над домом, над поляной, над лесом раздался вопль Павле, точно вой большого зверя — долгий, безнадежный, отчаянный...

Дата, спрятавшийся среди лип, услышал этот вопль. Он притаился; всматриваясь в темноту ночи, и вдруг увидел, как язык пламени вырвался из окна. За ним другой, третий... Пламя быстро разрасталось, охватило весь дом...

Опять завыли собаки. Из хлева донеслось жалобное мычание запертой скотины, послышался испуганный рев медведей.

Высокое зарево осветило поляну до самой опушки. Дом пылал с шумом и треском.

Павле, растрепанный, без шапки, бегал кругом, ударял себя по коленям и причитал:

— Бичо Гоги! Бичо Ника! Помогите, мальчики, горим! Где же вы, дети мои!

Когда Павле зашел за угол, Дата подкрался к хлеву и отпер двери. Скотина с мычанием понеслась к лесу. Медведи кинулись к темному овра-

гу; сам Дата, как был, без шапки, напрямик через лес побежал к деревне. Только псы не растерялись: по привычке собрав скот в стадо, они похаживали вокруг и лаяли в темноту.

На другой день люди вышли в лес, нашли Павле и привели в деревню. С тех пор он ходит от порога к порогу, а то в поле уйдет — по садам, по оврагам бродит, истерзанный, растрепанный, босой. Ходит — и кого ни встретит — подбежит и спросит хриплым голосом:

— Мальчиков моих не видел?

И ему показывают — кто вправо, кто влево. И Павле бежит, куда бы ни показали.

А когда ночь спустится над деревней и сон успокоит людей, тогда нет-нет, да и раздастся откуда-нибудь с поля, с виноградника далекий вопль, похожий на вой зимнего волка — безотрадная, отчаянная мольба:

— Бичо Ника-а!.. Бичо Гоги-и!..

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

Книги Лео Киачели хорошо знает и любит читатель. И хотя они написаны на разных этапах творческого пути писателя и рассказывают о разных исторических эпохах, книги одинаково волнуют, потому что в них запечатлена подлинная жизнь народа.

«Тариэл Голуа» — роман о революции 1905 года в грузинской деревне, о рождении нового поколения людей, готовых к борьбе за счастливое будущее.

«Человек гор» — это книга о Великой Отечественной войне, о величии, моральной чистоте и мужестве советского человека.

Новое издание романов «Тариэл Голуа» и «Человек гор» осуществлено издательством «Заря Востока» накануне Декады грузинского искусства и литературы в Москве.

Обломок лавы

Перевод с грузинского П. Антокольского

Я был в горах обласкан светом звезд,
Обуглен зноем, освежен дождями
И к вам в Тбилиси памятку привез —
Обломок лавы, выкопанный в яме.

Я наудачу взял его в горах,
В Шаори. Я — неопытный геолог.
Мне чем-то полюбился этот прах,
Невзрачный, смуглый вековой осколок.

Пускай он украшает светлый зал
Хотя бы тем, что сумрачен и древен.
Хочу, чтоб он о Грузии сказал,
Как черные глаза ее царевен.

Мы золото и серебро нашли
В чекане славном и в резьбе на диво.
Но никогда глубокий сон земли
Не говорил так внятно и правдиво.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

...ные друзья, скажите мне,
Что значит блеск застывшей этой лавы,
Что чудится нам в черной глубине,
На самом дне многовековой славы?

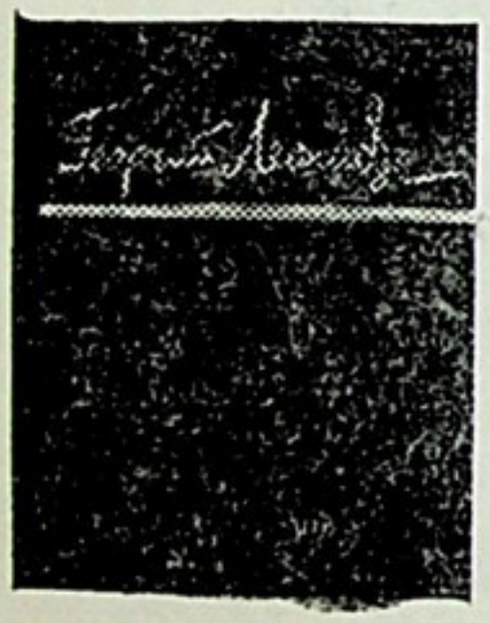
Иль это отблеск солнечный горит,
Когда, сверкая гранями своими,
Обломок ничего не говорит?..
Так дайте же ему живое имя!

Что стих! Глухая, книжная строка,
Но в ней лучи невидимо трепещут.
Пускай же, разрывая облака,
Они рассветом утренним заблещут.

Пускай любые сбудутся мечты,
И горный кряж витийствует грозово,
И звезды отвечают с высоты,—
Я не могу ослушаться их зова.

●

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ



«О Грузия! Ты вся как вдохновенье!
Ты — сердца моего биенье, ты —
Названье моего стихотворенья!»

Эти строки Г. Леонидзе могут служить эпиграфом к сборнику его стихов, выпущенному Государственным издательством художественной литературы в серии «Библиотека советской поэзии».

80 стихотворений, вошедших в сборник, отражают все этапы творческого пути поэта— они написаны с 1922 по 1955 г.г. Это произведения, проникнутые сыновней любовью к родной Грузии, к неувядаемой красоте ее чудесной природы, к ее мужественному и трудолюбивому народу.

Г. Леонидзе откликается на каждое значительное событие, на каждое явление нашей героической действительности. Его стихи прославляют труд и мир, патриотизм и братство народов, их победоносное шествие в коммунистическое будущее.

Реваз Маргиани

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Всегда бы со мною

Перевод с грузинского В. Бокова

Путники мы дружные,
Навек неразлучные.
Ты мне — небо Грузии!
Очи твои грустные
С черными ресницами —
Две звезды над Рицею.
Знали мы и радости,
Знали мы и горести,
Жизненные тяжести —
Это нелегко нести,
Только мы не горбимся,
А шагаем с гордостью!
Там, где горы-пропасти,
Льды, туман, препятствия,
Там сияют кротостью
Мне глаза прекрасные.
Это ты, любимая,
Облаком клубимая.
Сорвалась нога моя
С ледяной обочины.
Жизнь моя, река моя,
Неужли все кончено?
Кто мне был спасителем?
У любви спросите вы.
Погибал от жажды я,
Словно узник скованный.
Руки мне отважные
Ковш с водою подали,
Нежная и славная
Ты опять спасла меня!
Ты в меня поверила.
Ты — звезда рассветная,
Ты — благословение,
Ты — мечта заветная.
Пред такою спутницей
Ночью мрак расступится!
Мы — одно сияние
Небосвода чистого,
Мы — двух рек слияние,
Бьющихся неистово.
Как стихотворение,
Мы — одно горение!

●

Михаил Лохвицкий

„Тяжелая палата"

РАССКАЗ

По утрам в окна палаты стучатся разноголосые крики.

— Мацон-мацо-они! — поет ломкий мальчишеский фальцет.

—Мацоня-а! Кому мацоня-а? — тоненько взывает женщина.

— Интересный мацони! Бери скорей, бери! — коротко и уверенно бросает мужской бас.

И, как всегда, в коридоре скрипит паркет под ногами дежурного врача и слышится недовольное, хриплое от бессонницы ворчание:

— И-ех, опять их сторожа пропустили! Маша, очень прошу, выйди, дорогая, крикни на них, пожалуйста, пусть хоть к терапикам пройдут, к их корпусу.

Голоса мацонщиков отдаляются. На улице уже визжат трамваи, шипят шины автомобилей. Потом оконные стекла начинают дребезжать от других, тоже звонких выкриков — это в переулке мальчишки играют в футбол.

Вечером голоса и шаги прохожих сливаются в неясный далекий шепот. И до самой ночи в окна палаты просится рокочущая за больничной оградой жизнь.

Ночью город смолкает. Ближе и громче раздаются гудки паровозов и красивые, низкие, напоминающие о теплоходах на далеком море, голоса электровозов.

В палате полумрак, неровное дыхание людей, стоны.

Двери в коридор открыты, в палату часто заглядывает дежурный врач. Постоит у порога, подойдет, осторожно ступая, к кому-нибудь, дотронется рукой до лба или подержит запястье, считая пульс, и выйдет.

Вскоре появляется сестра со шприцем в руках. Сделает свое дело, уйдет. И опять слышится:

— М-м...

— Мама, мама моя...

В пятой палате больные—лежачие. Все перенесли тяжелые операции. И в хирургическом отделении эту палату называют «тяжелой». Народу здесь десять человек. Кровати стоят в два ряда: пять у одной стены,— где окна, пять — у другой. Две кровати стоят в сторонке, подле самых дверей. Уже несколько дней они свободны, но сегодня, наверное, кого-нибудь принесут на носилках и на эти кровати— сегодня в больнице приемный день.

После завтрака санитарка открывает окна. Вялое октябрьское солнце желтыми струйками разбрызгивается по полу, белым салфеткам, покрывающим тумбочки, по подушкам, одеялам, оживляет бледные лица людей. Палата находится на втором этаже, в окна заглядывают оголенные ветви старых акаций. Висящие кое-где сухие листочки шуршат от легкого, теплого ветерка.

Лысый, с сивыми усами и добрыми серыми глазами украинец Приходько щурится от лучей солнца и рассказывает соседям, как он упал со строительных лесов. Руставский каменщик Приходько лежит в палате уже две недели и рассказывает одно и то же каждый день. Как-то послышался недовольный голос: «Довольно, да! Слышали уже», но молчаливый, обычно скупой на слова, инженер Торгомян сказал:

— А! Пусть рассказывает. Так уж у нас получается, есть прошлое — то, что было до операции, и есть будущее—то, что будет, когда нас выпишут...

Приходько, которого за длинные усы прозвали Запорожцем, лежит на спине, выпятив к потолку сложное сооружение из лубков и бинтов—у него перелом ключицы, ребер и левой руки—и со смаком, с удовольствием вспоминает:

— Вот, как воно получилось. Стою на лесах, кирпичи кладу. Гляжу, а ученик мой—Сеня, он на другой стороне работал, неправильно кладку ведет. Обозлился я и побег до него. А в одном месте перильца там, справа значить, и закинчивались. И полетел я з лесов книзу. Бряк—и в очах темно стало. Аж злякаться не успив...

В коридоре, издалека, все приближаясь, послышались стоны и громкие, обрывками, крики:

— Ой, горит!.. Ваймэ, не могу!..

— Мабудь, к нам?—повернул к дверям голову Запорожец.

— К нам, — хмуро подтвердил Торгомян.

Санитары внесли на носилках смуглого мужчину с черными глазами, резкими, словно углем выведенными, чертами лица и черной бородкой. Дико вращая глазами — так, что белки переливались блестящей желтизной, он ломал руки и стонал:

— Ваймэ, погибаю... Ой, смерть моя пришла! Ой, сволочи, пять минут на земле лежал, пока подняли. Базарники чертовы, барыги поганые— смотрели на меня, а за скорой помощью никто не шел... Ваймэ, Шурик мой, я тебя больше не увижу... Вай, как я без ноги буду...

— Шо з ним? — участливо спросил Запорожец.

— Под трамвай попал, — ответил один из санитаров.

Санитарка тетя Маша — маленькая полненькая женщина в аккуратном белом халате, жалостливо глядела на больного и повторяла:

— Сейчас, миленький, сейчас, родненький, сейчас перестанет болеть...

— Что перестанет? — скосил тот горящие глаза, — все равно помру!

Кровью истек, пока подняли!.. Зачем так высоко отрезали?! Как я ходить буду?!

— Будешь, миленький, на костылях будешь ходить. Нервный ты. Лианозов, вишь, сразу после наркоза проснулся...

— Как я буду без ноги?! Пропаду теперь, пропаду!—кричал смуглый.

У дверей сгрудились на крик больные из других палат. Раздвигая их, санитары вкатили высокую коляску. На ней лежал, закрыв глаза, бледный, чуть рыжеватый парень. Когда его переложили на вторую свободную кровать и рядом на стуле уселась фельдшерица, Лианозов снова завопил:

— А я без присмотра, да?

— Тише! — цыкнула фельшерица. — Не видишь, человек после операции, спит еще.

— А шо з ним? — спросил Запорожец.

— Желудок оперировали. Прободение было. Еще немного задержались бы — и конец.

Санитары откатили коляску и остановились подле нее, словно отдыхая.

Лианозов равнодушно поглядел на коляску, потом на спящего, чуть вздрагивающего во сне парня.

— А он что, умирает?

— Да нет, усыпили ведь его.

Парень заворочался, открыл синие-синие глаза, не узнавая, с недоумением смотрел на фельдшерицу.

— Сада вар?[1]— прошептал он. — Ах, да... Уже сделали?

— Да, двигаться нельзя.

— Подушку под голову, чтобы выше,—попросил парень. — Спасибо, дорогая. Двигаться не буду — слово даю.

Фельдшерица вышла в коридор и попросила больных разойтись по палатам. Смуглый продолжал громко стонать.

Чуть повернув голову, парень медленно обвел еще дремотными глазами палату, людей, с заметным усилием улыбнулся и слабым голосом сказал по-грузински:

— Ну, что ж, будем знакомы. Я — Отар Габлиани.

— Здоровы булы! — ответил Запорожец. — Мы здесь больше по-русски. Его все понимают.

— Ладно, друг, — прикрыл ресницами свои яркие глаза Габлиани, — давай по-русски.

— Вай, как я без ноги буду!.. — причитал смуглый.

Вошел хирург — высокий, дородный, полный, с большим животом, широкими плечами, толстыми длинными пальцами. Ниже подбородка на ворот халата свисала марлевая повязка, белая шапочка доходила до бровей, и выбритое до блеска лицо от этого казалось суровым. Исподлобья, усталыми ласковыми глазами врач посмотрел на Габлиани. Больной жадно впился взглядом в его лицо, вздохнул, протянул обе руки, схватил руку хирурга и пожал ее. Хирург вспыхнул, смутившись, как мальчик, отдернул руку и, кашлянув, позвал фельдшерицу.

— Ему физиологический раствор, глюкозу, пенициллин.

— Как вас зовут, доктор? — спросил Габлиани.

— Мерабишвили. Вахтанг.

Хирург заспешил к дверям. Ушла за ним и фельдшерица.

Габлиани опустил голову на подушку, провел рукой по влажному лбу.

---

[1] Сада вар (груз.) — где я?

— Тебе, выходит, и есть ничего нельзя? — спросил Запорожец.

— Нельзя.

— Тут у меня, — заворочался Торгомян, — есть апельсины, возьмите, пусть хоть губы смочит.

Фельдшерица кивнула головой, взяла апельсин, очистила и положила на тумбочку, так чтобы Габлиани мог без труда достать его рукой.

— А ты як под трамвай попал?—спросил Запорожец, глянув на Лианозова.

Тот хотел что-то сказать, но, видимо, раздумал и отвернулся.

— Як это с тобой случилось? — не унимался Запорожец.

— Как, как, — сердито отозвался Лианозов,—известно как. Попал, и все.

— Оставьте его, — тихо сказал Запорожцу Торгомян, — видите, не хочет отвечать. Наверное, убегал от кого-нибудь и угодил под трамвай.

Лианозов долго лежал молча, разглядывая окружающих. Потом он уставился в потолок своими жгучими черными глазами и негромко сказал:

— Тяжелая, значит, палата, так вроде прозвали, да? Ваймэ, выйдет ли кто-нибудь из нас отсюда... Наверно, не все. Я наверняка подохну, ну, а остальные, наверное, через одного помрут.

Все невольно пересчитали взглядом друг друга. Запорожец, который оказался в числе смертников, фыркнул:

— Ты, Лианозов, я гляжу, тильки брехать можешь.

Рядом с Запорожцем лежал после сложной операции пищевода мальчик лет двенадцати, маленький, с усталым и измученным, сморщенным в кулачок лицом. Он испуганно поглядел на Лианозова своими карими глазами, в глубине которых затаились мука и тоска. Габлиани перехватил этот взгляд, задумался, потом попросил Приходько:

— Послушай, давай меняться местами?

— Дуже гарно, — обрадовался тот,—оттуда вись колидор видно, мисто как раз по мне.

Санитарка тетя Маша охотно передвинула их кровати.

— Хочешь подальше от будущего покойника лежать, барыга! — зло выкрикнул Лианозов вдогонку Габлиани. Тот ничего не ответил. Повернув голову к мальчику, он улыбнулся ему:

— Как тебя звать?

— Витя.

— Свистеть умеешь, Витиа? — Габлиани по-русски говорил с акцентом и вместо «я» у него получалось «иа».

— Чего? — вяло удивился мальчик.

— Свистеть. Я, знаешь, почему спросил? Смотрю сейчас в потолок и кажется мне, будто не потолок это, а небо. Знаешь, какое небо? Как голубой шелковый платок. У меня дома, в Сванетии, такое небо. А кругом горы стоят. Вон там, они высокие. На головах белые шапки из снега, а те, что близко, зеленые. И лес растет. А в лесу птицы поют. Свистнешь им: «фюйть, фюйть», и птицы отвечают—«чуть-чуть». А внизу темное ущелье, на дне река бурлит, пенится, тоже свою песню поет. И получается, как музыка. Ха-арашо... Ты в горах не бывал, друг?

— Нет, — вздохнул Витя. Испуг в его взгляде растаял, но тоска, какая-то молчаливая, привычная тоска не уходила из не по-детски серьезных глаз.

— А отец, мать твои где?

— Не знаю. Я из детдома.

— А-а... Хочешь — про горы еще расскажу? — И не ожидая ответа, продолжал. — У нас олени в горах бегают. Турами их называют. Один

старый охотник, Чартолани его звали, подарил мне тура, маленького такого...

Витя слушал Габлиани, сведя к переносице светлые бровки, и из уголков его скорбно сжатого рта неясно выплывала улыбка. Умолкли и другие больные. Запорожец приподнялся на подушке и не сводил с Габлиани любопытствующего взгляда. Торгомян сел на кровати и, когда рассказчик на минуту смолк, задумчиво обронил:

— В Сванетии большие гидроэнергетические запасы.

Габлиани устал и упавшим голосом сказал:

— Передохну немного. Потом опять расскажу.

Пришла фельдшерица, принесла высокий шест на кресте, вроде тех, что делают для елок, укрепила на нем длинный резиновый шланг с воронкой. На другом конце шланга была игла. Фельдшерица протерла иглуваткой со спиртом, откинула одеяло с Габлиани и ввела иглу ему под кожу.

— Что это? — спросил Отар, когда фельдшерица стала наливать какую-то жидкость в воронку.

— Физиологический раствор. Вместо воды. Тебе ведь воду нельзя пить.

Фельдшерица сделала Габлиани вливание и вышла.

Отар задремал.

Вскоре санитарки вкатили в палату сооружение из никеля и стекла с полками, на которых стояли судки с обедом. Когда санитарка остановилась подле кровати Вити, он сказал:

— Мне не надо, я не хочу есть.

— Покушай, милый, — стала упрашивать тетя Маша, участливо глядя на мальчика,—тебе ж силу набирать надо, а ты все—«Не хочу да не хочу». Разве же так можно? Ведь, почитай, месяц почти на искусственном был. Покушай, а?

Витя покачал головой и отвернулся.

Габлиани спал долго, до самого вечера. Проснувшись, сощурился от электрического света и услышал робкий голосок Вити:

— Будете рассказывать?

— Канечно, — с ударением на «а» весело ответил Габлиани, — и рассказывать будем, и песни петь будем, и скоро плясать будем. Я и тебя плясать научу. Вот, выйдем с тобой отсюда, увидишь.

— А я не выйду, — равнодушно сказал Витя.

— Э-э!—с досадой воскликнул Габлиани,—я думал—ты парень, мужчина, а ты вот какие слова говоришь. Как девчонка. Нельзя так, дорогой, не годится. Знаешь, наш Руставели как сказал? Только тот узнает счастье, кто печаль перенесет. Послушай, какую я тебе песню спою...

Отар негромко запел протяжную сванскую песню, слов которой Витя не понимал. Но страстность мелодии с однообразным, звучащим, как удары барабана, припевом, захватила его.

— О чем это? — спросил Витя, когда Габлиани замолк.

— Так поет мужчина, который на бой идет. Ему ничего не страшно, ничего он не боится, только врага хочет не пустить к дому своему. Хорошая песня, друг? Ну вот, а ты говоришь...

— Дежурный! Дежурный!—закричал вдруг Лианозов и, когда в палату вбежал врач, запричитал:—Уберите меня отсюда, пропаду здесь, не могу я—шумят, поют, разговаривают, вай, горю!..

— Товарищи, пора спать, — сердито оглядел палату врач, — я тушу свет и чтобы...

— Спим, спим, доктор, — заверил Габлиани, — спокойной ночи, друзья! Спи, Витиа, утром поговорим.

Утром, после обычного прихода фельдшерицы с градусниками, принесли завтрак.

— Знаешь, что, Витиа, — предложил Отар, — мне есть нельзя, хоть ты за меня поешь. Хочешь, по-свински научу кашу есть? Ложку не бери. Сложи пальцы вот так, скатай кашу, придави — и в рот.

Витя улыбнулся и стал есть.

Санитарка не поверила своим глазам — когда она пришла за посудой, тарелка Вити, впервые с того дня, как ему разрешили есть, была пуста и даже аккуратно вытерта хлебом. Мальчик о чем-то оживленно болтал с Габлиани.

Лианозов, охая и скрипя зубами, подставил руку для укола, а когда фельдшерица ушла, громко заговорил, обращаясь к Запорожцу:

— Думаешь, не заметил? Не все она влила, украла граммов пять. У одного возьмет, у другого, потом продает. Вот так мы и живем. Эх, все люди — сволочи и барыги, а бабы хуже всех. Думаешь, моя жена лучше? И-и, ждет не дождется, когда умру. Двадцать лет с ней живем, голую, босую взял, одел, обул, дом построил — одного ласкового слова за двадцать лет не сказала. Свиней любит, кур любит — «цыпоньки, цыпоньки» кричит, а мне хоть бы раз так сказала. Бросит меня, как узнает, что безногим я стал. Видишь, не приходит...

— Мабудь, не знает?

— Должна знать. Раз муж не пришел домой, ищи, всюду ищи, а найди.

— Мабудь, шукае?

— Шукае, шукае... Знаю я их, баб. Пока жив, здоров — нужен, а как что случилось — черт с тобой.

— Сын, дочка есть?

— Сын, Шурик. Ее сын, материн, ее любит, ее слушает.

Запорожец вздохнул и перестал задавать вопросы.

Лианозов угрюмо оглядел палату, встретился взглядом с Габлиани, зло усмехнулся и закрыл глаза...

В «тяжелой палате» первым просыпался Отар. Он будил всех звонким «кукареку», хлопая по одеялу руками, словно крыльями. Фельдшерицу-армянку встречал громким «Барев дзес»,[1] у тети Маши осведомлялся, что пишет сын, уехавший на целину. Днем он вел нескончаемые разговоры — Вите рассказывал про зверей, про охоту, с Торгомяном беседовал о строительстве электростанций, с Запорожцем — о том, сколько времени будет летать вокруг земли спутник. Но вся палата затихала, когда раздавался резкий голос Лианозова. Габлиани внимательно смотрел на него своими ослепительно-синими глазами.

— А, знаете, я был неправ, — тихо сказал Торгомян своему соседу, когда Габлиани и Лианозова увезли на перевязку. У соседа была оперирована челюсть и говорить он не мог — только закрывал в знак согласия глаза или отрицательно мотал головой. — Я был неправ. У нас есть и настоящее. И даже борьба идет, вот между этим сваном и тем черным, как его... Лианозовым. Я вижу, да.

Сосед покачал головой.

— Нет? Не думаете? А по-моему — да. Этот Отар...

— Дядя Отар хороший, — убежденно сказал Витя.

Прикатили коляску с Габлиани, потом с Лианозовым, и Торгомян больше своими мыслями не делился.

На третий день после обеда к Лианозову пришла жена—миловидная русоволосая женщина, намного моложе его годами—и сын, круглолицый,

---

[1] Барев дзес (арм.) — здравствуйте.

похожий на мать, паренек лет двенадцати. Лианозов вполголоса что-то сердито говорил жене, она хлюпала носом, оправдывалась, потом сердилась, тоже вполголоса. А мальчик оглядывался и просил:

— Папа, не надо. Мама, ну зачем?

Но отец, не обращая на него внимания, продолжал бросать жене в лицо какие-то обвинения. Она вздрагивала, отводя голову назад, словно боясь удара, и беззвучно плакала.

Когда она с сыном ушла, Лианозов угрюмо бросил:

— Не верю. Никому не верю. Говорит — сутки ждала, думала пьянствуешь, потом в милициях искала и только теперь узнала, что под трамвай попал и лежишь в больнице. Прогнал ее. Сказал — пусть не приходит. Ой, не могу, сдохнуть мне лучше! Доктор! Позовите доктора!.. Ой, жгет меня! Доктор, дайте морфия, болит нога...

Вошли дежурный врач и фельдшерица. Лианозов затих. Габлиани не сводил с него глаз и о чем-то напряженно думал.

— Лианозов, — спросил он мягко,—ты в заключении был?

— Был! — вскрикнул Лианозов. — А тебе что, зачем в душу ко мне лезешь, кто тебя просит? Ваймэ, что за народ!.. Что еще хочешь знать, скажи ты, всеобщий утешитель, что? Что сидел я, да? А за что сидел, почему не спрашиваешь? Сапожник я, в артели работал. Начальником цеха назначили, честно работал. А в артели были жулики, подвели меня, обкрутили, все на меня свалили. Тогда верил я в людей—теперь никому не верю. Жене не верю, говорит — «твой сын», а я не верю. Без меня родился он, когда я в тюрьме был. Не верю, не похож на меня он..

— И с тобой и с маткой схож, дурак ты человек,—с упреком сказал Запорожец, — право слово, дурак. Шо ж ты бабу-то зря забижаешь?

Торгомян что-то сердито пробормотал по-армянски. Габлиани на этот раз промолчал, и Лианозов обманулся в своих ожиданиях—это было заметно по тому, как он закусил тонкие губы и нахмурился. В эту минуту в палату вошел кто-то из посетителей.

Навещали всех, кроме Вити. К Торгомяну приходили то жена, то дочь, обе маленькие, смуглые, полные, очень похожие друг на друга. Запорожца приходила проведать жена — высокая, худая, ворчливая женщина с большими, на выкате, раз и навсегда удивившимися глазами. Она удивленно глядела на мужа, на его руку в лубках, удивленно оглядывала больных и быстро-быстро говорила:

— Чого ж ты все валяешься? Тильки хлопоты з тобой. Поправляйся уж зараз — и до дому.

Больше всего посетителей—товарищей по институту—бывало у Отара. С их приходом в палате становилось оживленно и шумно. Говорили они сперва шепотом, осторожно оглядываясь, потом забывались, начинали хохотать, спорить — и Габлиани кричал больше всех. Кончалось обычно тем, что дежурный врач решительно выпроваживал студентов и грозил Отару, что он запретит посещать его.

Витя тоже оживлялся, когда к его соседу приходили товарищи. Он, не всегда понимая, о чем говорят они, звонко смеялся, когда смеялись взрослые, и вообще старался подражать им. На его тумбочке лежала целая гора подарков. После одного—двух посещений друзья Отара узнали о его дружбе с мальчиком и не забывали о Вите. Свои же сласти и фрукты Габлиани раздавал всей палате. Он очень мучился без курения, но терпел, не желая раздражать соседей, многим из которых курение было запрещено.

— Как встану,—говорил Отар,—спущусь в магазинчик, пачку табаку возьму, высыплю весь в газету и скручу папиросу. Ба-альшую. И дым пущу, как паровоз. Пах-пах, какой дым будет!

Витя преданно смотрел на Отара сияющими карими глазками и смеялся. Он заметно поправился за последнее время, и щеки у него округлились и порозовели.

Витя узнал, что Габлиани—студент пятого курса, что отец его погиб во время войны, в горах, когда проводил через перевал отряд красноармейцев, а мать живет в деревне. У Отара был и старший брат—инженер. В прошлом году он погиб с женой и сыном в горах во время автомобильной катастрофы. Мать Отара, которая особенно любила старшего сына — первенца и обожала внука, с горя тяжело заболела и выжила чудом. О случившемся с Отаром она ничего не знает.

Шли дни. Витя заметил, что каждый раз, вспомнив мать, рассказав что-нибудь о своей деревне, Габлиани надолго замолкает, смотрит на него и о чем-то напряженно думает.

— Знаешь что, Витиа, — однажды после долгого молчания сказал Габлиани: — как выпишемся, поедем со мной в Земо-Сванети. Приедем, скажу: «Вот, мама, приехал со мной мальчик Витиа, давай, оставим его у нас совсем. Будет он тебе вместо внука». Как ты на это, друг, смотришь? Согласен?

Витя зажмурил глаза и несколько раз кивнул головой.

Однажды, когда Габлиани был на перевязке, Лианозов рассмеялся. Это было так удивительно, что все посмотрели на него.

— Не прыгай так, швы разойдутся, — испугался Запорожец.

Не обращая на него внимания, Лианозов скрипуче смеялся.

— Какие люди сволочи, какие сволочи, а! Все врут. И этот, голубчик наш, врет, мальчика обдуривает: «В Земо-Сванети поедем весной!» Поедет, как же, нужен ему Витька! Как выйдет Габлиани, забудет про него, как про котенка.

Витя остановившимся взглядом глядел на Лианозова и вдруг разрыдался, уткнув голову в подушку.

— Цыц, ты, гадюка, шо ты мелешь? — вскрикнул Запорожец.

Торгомян молча откинул одеяло, спустил ноги, поймал ими шлепанцы, встал и, покачиваясь, неуверенно, придерживая руками живот,— ему была сделана операция желудка — пришлепал к постели Лианозова. Высокий, тощий, в коротких кальсонах, открывших волосатые ноги, и раскрытой на груди рубашке Торгомян был страшен — темные глаза его готовы были выскочить из орбит, зубы, оскалились.

— Ес-сли вы, — свистящим шепотом проговорил он, — ес-сли вы не перестанете, я вас задуш-шу... Н-ночью подойду и тих-хо задуш-шу... Витя, не плачь, ему вот не верь, а другим людям надо верить.

Торгомян с трудом вернулся на свою кровать и лег, утирая со лба пот. Вечером у него поднялась температура.

Габлиани ничего не узнал об этом случае, только чаще обычного ловил любящий взгляд Вити и подмигивал ему в ответ озорным синим глазом. Но, несмотря на неистощимую веселость своего друга, Витя замечал, что Отара часто мучает какая-то мысль.

В палату изредка приносили письма. И каждый раз, как тетя Маша заходила в комнату с возгласом: «А ну, кого, родненькие, порадовать? Письма принесла!»—Отар дергался, словно собираясь протянуть руку, но сдерживал порыв и задумчиво смотрел вслед тете Маше.

— Вы от кого ждете письма, дядя Отар? — спросил, не выдержав, Витя.

— Я? — удивился Габлиани. Потом с улыбкой посмотрел на мальчика и пожал плечами. — Ты знаешь — письма от матери мне ребята приносят. А других писем, друг, я не жду.

И перестал после этого смотреть в руки тете Маше.

Другой раз Витя услышал обрывок разговора Габлиани с товарищем. Он лежал, закрыв глаза. Отар, думая, что мальчик спит, попросил товарища говорить потише. Но Витя все же услышал, как студент спросил:

— Не приходила?

— Нет.

— Странно. Я скажу ей.

— Не надо...

Отар заговорил с товарищем по-грузински, и Витя больше ничего не понял. Приподняв веки, он увидел, что Лианозов не отрывает взгляда от Отара и в глазах его горят огоньки.

Последнее время Лианозову стало хуже. В течение многих дней у него была высокая температура, он дремал в забытьи, стонал, просил пить. Говорили, что ему должны сделать еще одну операцию.

Торгомян, которому разрешили вставать, часто подходил к постели Лианозова, садился на стул и виновато посматривал на больного. Как и все добрые люди, Торгомян быстро отходил и теперь раскаивался в своей горячности.

Врачи пропустили к Лианозову жену, но он снова прогнал ее, раскричался и требовал, чтобы ее не впускали в больницу.

Габлиани попробовал поговорить с Лианозовым.

— Послушай, друг, — сказал он задушевно, — давай поговорим, как мужчины. У тебя жена, сын... Твой сын, это и слепому видно, а ты...

— Не твое дело!—прохрипел Лианозов,—не вмешивайся, а то...—он схватил с тумбочки кружку и с ненавистью смотрел на Габлиани.

— Дядя Отар! — вскрикнул Витя.

— Не пугайся, — рассмеялся Габлиани, — этот дядя мне не страшен.

Лианозов швырнул кружку на пол и отвернулся.

В палате примолкли. Молчал, думая о чем-то, и Отар.

Поздно вечером, когда почти все спали, Торгомян встал, подошел к Габлиани и тихо спросил:

— Не спите?

— Нет, дорогой. Садись.

— Нет, спасибо. Я только хотел спросить... Вы извините меня... Вы вполне серьезно решили взять мальчика на воспитание?

— Решил, дорогой. Сперва думал на время взять с собой, в горы, чтоб поправился. А потом решил совсем у себя оставить. Знаешь—мать одна, тоскует, у меня когда дети будут, кто знает... А так и Витие хорошо будет и мать оживет — будет у нее, о ком заботу иметь.

— Я вас уважаю. Очень. — Торгомян крепко пожал руку Отару и направился к своей кровати.

Ночью пошел снег. Проснувшись рано утром, Витя заметил, что вся палата залита призрачным сиянием, взглянул в окно и увидел, что подоконник, деревья и крыши домов стали белыми.

— Снег! Снег! — захлопал в ладоши Витя.

— Кукареку-у-у!—с трудом открыв слипшиеся веки, закричал Габлиани. — Поздравляю, друзья, зима пришла.

Все попросыпались.

— Рано в этом году что-то снег привалил, — покачал головой Торгомян.

— По случаю того, шо я ухожу до дому, — рассмеялся Запорожец.

Ему уже сняли лубки. Только рука еще осталась на перевязи. Вспомнив, что сегодня его должны выписать, Запорожец вскочил и побежал умываться.

Все утро он разгуливал по палате, присел к Вите, погладил его по голове:

— Если шо, — сказал он, — то и до мини можно. Жинка хоть и брехлива, а добра.

— Нет, друг, — погрозил ему пальцем Отар,—не пристраивайся. Я и Витиа один без другого уже не проживем.

После обеда Запорожец ушел и вернулся совсем другим: на нем был добротный серый костюм, он побрился, и усы были закручены так, что концы их рожками торчали в стороны. Перецеловавшись со всеми, он остановился у дверей и заморгал влажными глазами:

— Як из дому ухожу. Привык. А все ж лучше... того... не попадать сюда. А? Ну, бувайте здоровеньки. Да, шо это я...—совсем забыл... Там говорили, шо и пацана выписать хотят. Дня через три, сказали... Ну, бувайте, бувайте.

Запорожец ушел. Витя в ужасе смотрел на Отара и по розовым щекам его катились крупные блестящие слезы.

— Э, брось, — улыбнулся Габлиани, — я скажу Мерабишвили про тебя, не бойся, нас выпишут вместе.

Витя вскочил и спрятал лицо на груди Габлиани.

— Дядя Отар, я очень...

— Хватит, дружок, — сердито-ласково говорил Отар, — ты же не девчонка.

В тот же день Габлиани попросил, чтобы к нему позвали Мерабишвили и долго говорил с ним по-грузински. Когда Мерабишвили улыбнулся Вите и вышел, Отар подмигнул:

— Вот, дорогой, и все в порядке. А ты боялся. Давай, Витиа, сосчитаем, сколько дней мне еще лежать.

Сосчитали. Вышло — двадцать три.

И теперь Витя каждое утро говорил:

— Дядя Отар, осталось двадцать два.

— Дядя Отар, а теперь уже прошло десять дней.

На двадцатый день утром Габлиани сел на постели и разбудил Витю.

— Кричи «ура», Витиа, гулять начинаем,—обрадованно басил Отар. Накинув халат, он опустил ноги на пол и встал.

— Ох, черт, сколько времени не стоял, голова кружится. Поддержика меня, дорогой. Теперь отойди и смотри.

Габлиани, весь лучась улыбкой, сделал три больших шага и вдруг стал падать. Витя стремглав бросился к нему, но не смог помочь — и оба вместе свалились на пол.

Торгомян и тетя Маша подняли Отара.

— Да разве ж так можно, — качала головой санитарка. — Ты же ослабел. Гляди, сколько лежал. Ты потихонечку, потихонечку, а потом — привыкнешь. А ну, помоги ему, Витенька.

Габлиани, опираясь на плечо Вити, добрался до дверей и зашагал по коридору.

Остановились у окна. Габлиани, как зачарованный, разглядывал двор, усыпанный снегом.

— Эх, вот бы на лыжах, друг, побегать. В Бакуриани я, знаешь, как с трамплина прыгал? Я—и еще одна девушка. Хорошая она лыжница... И веселая такая...

Он вдруг закашлялся, достал из кармана пачку папирос и закурил.

— Пойдем, друг, в палату.

Не успели они дойти до дверей, как кто-то из больных остановил их.

— Вы не из пятой?

— Да, дорогой! — кивнул головой Отар.

— Там, внизу, в приемной, женщина спрашивала, просила: пусть кто-нибудь из пятой палаты спустится.

— Я сбегаю, дядя Отар.

— Подожди! — резко остановил мальчика Габлиани. — Я пойду. А какая она, эта женщина?

— Молодая, — пожал плечами больной, — я не рассматривал.

Габлиани побледнел и, ни слова не сказав больше, медленно зашагал по коридору. Витя проводил его растерянным и ревнивым взглядом.

Габлиани долго не возвращался. Витя, с трудом сдерживая слезы, пошел в палату.

— А Отар где? — спросил его Торгомян.

— Вниз спустился, — едва слышно ответил Витя, — женщина какая-то пришла.

Мальчик почувствовал на себе взгляд Лианозова и поежился. Когда, наконец, вернулся Габлиани, Витя впился в него глазами, но лицо Отара было спокойным. Он, вместо того, чтобы подойти к Вите, присел на кровать Лианозова и, не обращая внимания на его изумление, закурил. Мальчик прислушался.

— Там к тебе пришла жена, — сказал Габлиани, — спрашивает о твоем здоровье...

— А т-тебя к-кто просил?.. — начал заикаться от бешенства Лианозов.

— Случайно. Я думал...

— Думал, к тебе пришла, да?.. — тонкие темные губы Лианозова вдруг искривились в насмешке, — думал, твоя девушка пришла, которую ты ждешь, да? Знаем мы таких,— поглаживая черную бородку, Лианозов хихикал.

Зрачки глаз Отара расширились от тайного страдания, губы дрогнули, и все поняли — Лианозов угадал. В палате было так тихо, что далекий городской шум вдруг стал близким и громким. Габлиани покачал головой:

— И почему ты такой злой?

Он встал, отошел к своей кровати.

— Давай, друг, споем, — сказал он Вите. — Знаешь, какую? Ты в опере не бывал? Есть такая ха-арошая опера «Даиси». И там один парень поет:

Таво чемо...[1]

Витя слушал, как пел вполголоса Отар, не понимал слов песни, но чувствовал — это было что-то очень задушевное и печальное. У Вити защипало в носу и когда Габлиани умолк, он попросил:

— А теперь что-нибудь веселое.

— Веселого, дорогой, мне сейчас петь не хочется.

Габлиани долго лежал с открытыми глазами. Витя наблюдал за ним, пока сон не сморил его. А вечером Отар был, как всегда, весел и забавлял всю палату охотничьими рассказами.

Два следующих дня Габлиани с Витей с утра до ночи разгуливали по коридорам, заходили в другие палаты, смеялись, шутили. На шум, поднятый Отаром, прибегала тетя Маша, делала страшные глаза, грозила пожаловаться Мерабишвили, потом добродушно качала головой, приговаривая:

---

[1] Таво чемо (груз.) — голова ты моя.

— Ах вы, разбойники этакие...
На что Отар, смеясь, отвечал песней:

Како, Како — разбойнико,
Шен генацвале.

Перед ужином Габлиани с Витей зашли в кабинет дежурного врача, позвонили одному из товарищей Отара, чтобы тот приехал за ними послезавтра, на такси.

— Не как-нибудь, а на «Победе» поедем завтра с тобой, — ткнул Витю в бок Габлиани, — а теперь пошли спать.

— Дядя Отар, а как же с детдомом? Надо ведь сообщить...

— Уже, друг, все сделано. Мерабишвили договорился с директором детдома. Вот мать удивится, когда я ей внука привезу! Только, дорогой, условие — по-грузински чтобы научился...

— Обязательно, — краснея, ответил Витя.

— Молодец!

И они зашагали рядышком к своей палате.

Долгожданный уход из больницы, который представлялся Вите сложной праздничной церемонией, совершился на другой день как-то очень быстро и просто. Двое друзей Отара привезли с собой букет белых хризантем. Габлиани растерянно повертел букет в руках, решил было отнести его Мерабишвили, но того с утра вызвали на какое-то совещание, и Отар преподнес цветы тете Маше. Она растрогалась, крепко расцеловала Габлиани и Витю, приговаривая:

— Родненькие, миленькие, да какие же вы хорошие.

Принесли одежду. Витя развернул свой сверток и быстро оделся.

Отар надел пиджак, вышел на середину комнаты.

Взгляд его задержался на окне. Сквозь запотевшие стекла было видно, как на подоконник, покрытый снегом, капает с крыши вода. По лицу Габлиани мелькнула мимолетная тень, но он передернул плечами и улыбнулся:

— Прощайте, друзья, поправляйтесь. И главное — бодрости побольше, бодрости! А я скоро за ваше здоровье выпью вина. Как это по-русски говорят? Поднесут родные нам восемь раз по двести грамм.

Габлиани и Витя обошли, пожимая руки, всех лежачих больных, остальные уже собрались в коридоре. Протянув руку Лианозову, Отар заглянул ему в глаза.

— Прощай!

— Прощай, утешитель!—как всегда насмешливо скривился Лианозов, показав вставные металлические зубы.

Отар и Витя вышли в коридор. В палате было слышно, как разноголосый хор загудел:

— До свиданья, Отар!

— Прощай, Витя.

Вернулся в палату Торгомян, походил по комнате, лег и, не оборачиваясь ни к кому, сказал:

— Вот и ушли.

В комнату вошел дежурный врач.

— Лианозов, — сказал он, — собирайтесь. Вас отправляют в научно-исследовательский институт.

— А чего мне собираться? — угрюмо ответил Лианозов. — Я весь тут, ноги вот только не хватает.

Резкие черты лица его еще больше заострились, под смуглой кожей на скулах задвигались желваки.

Пришли с носилками санитары, осторожно переложили на них Лианозова. Он лежал, ни на кого не глядя, полузакрыв глаза.

— До свиданья, Лианозов, — раздался одинокий голос Торгомяна.

— Счастливо оставаться, — буркнул Лианозов.

Когда его вынесли в коридор, кто-то облегченно вздохнул:

— Слава богу, избавились...

На площадке лестницы стояла, участливо глядя на носилки, тетя Маша. Лианозов заметил ее и поманил пальцем:

— Что тебе, миленький? — подошла она.

— Сестра, скажи дежурному врачу — Лианозов просил: жена его с сыном если придут, пусть скажет им, что меня в научно-исследовательский институт перевели. Туда пускай придут. Я ждать буду...

Тетя Маша кивнула головой. Лианозов потер лоб рукой, словно стирая что-то, и закрыл глаза. Санитары стали осторожно спускаться по лестнице.

Вечером на кровать, которую утром занимал Габлиани, принесли нового больного, полного, бледного, как простыня, юношу. Он испуганно смотрел на всех и стонал, схватившись за низ живота.

— Аппендицит? — уверенно спросил Торгомян.

— Да, приступ. Третий уже.

— Ерунда. Вырежут. Главное — не бойтесь.

Пришел Мерабишвили. Присел, ощупал живот новенького толстыми ласковыми пальцами, успокаивающе кивнул головой, спросил, обращаясь ко всем:

— Что-то невесело у вас сегодня?

— Выписался наш Отар, вот и примолкли, — ответил Торгомян.

— А-а, Габлиани... Да, хороший парень. Трое у нас сегодня выписались. А Лианозову, наверное, еще раз ногу будут резать. Долго ему придется лежать.

— Ну и черт с ним! — сердито сказал один из больных.

Хирург встал, пощипывая маленькие седоватые усики и покачал головой:

— А ногу-то он как потерял...

— Пьяный, наверное, был...

— Нет, не пьяный. Не пьяный Лианозов был. Он шел мимо базара, заметил, что девочка улицу перебегает. А тут трамвай. Девочка испугалась, стоит на рельсах. Лианозов бросился к ней, отбросил с трамвайной линии, упал, и передним колесом ему размозжило ногу... Он, что, не говорил?

В палате стояла тишина.

Хирург постоял, задумавшись, сложил ладони рук вместе, хрустнул пальцами и медленно удалился.

Пришли санитары за новеньким, увезли его на операцию. Через полчаса привезли обратно. И, как обычно, у ног его села фельдшерица, внимательно глядя на спящего под наркозом больного своими влажными черными глазами.

Торгомян медленно ходил по палате, о чем-то думая. Он то останавливался, разводил руками, словно удивляясь, то кивал самому себе головой и снова ходил от стены к стене.

За окнами скрипели, покачиваясь от ветра, старые акации. Изредка, с уханьем падали в сугробы снежные комья.

И очень, очень тихо, сливаясь в неясный, далекий шепот, доносились голоса и шаги прохожих...

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Акакию Церетели

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Лепестки, —
Вы, словно снег,
Нападали
Из больших пуховых облаков.
Столько вас,
Что хоть сгребай лопатами,
Хоть лепи снежки из лепестков!
Птицы,
Тихо ветками потрескивая,
Прыгают
И смотрят на цветы...
Вся, как Имеретия апрельская,
Будь, моя любимая, и ты!
Я гляжу в глаза твои агатовые.
Чувствую,
Бессмертием дыша:
Каждый лепесток —
Душа Акакия,
Если чист он, как его душа.
И над зачарованной долиною
В душной и светящейся тиши
Языки трепещут соловьиные,
Словно лепестки его души.
Он мне всюду мнится и мерещится —
Сединой увенчанный старик,
И над белой-белой Имеретией
Белою вершиной он стоит.

Алексей Ласурия

* * *

Перевод с абхазского М. Светловой

Тот счастлив, кого озаряет любовь,
В чьем сердце огонь ее светится.
То думаешь грустно: родиться бы вновь...
То вдруг — молодежь тебе сверстница!

Порою любовь тебя так ослепит,
Что видишь ее лишь сияние.
То вдруг горизонт пред тобою открыт,
Путь к подвигу, к славным деяниям.

То музой придет к человеку она,
Порывов к прекрасному вестница.
То мозг твой туманит парами вина,
Чтоб с горя тебе не повеситься!

Идти по такому кривому пути,
Друзья, никому не советую.
Всегда в себе силы должны мы найти
Дорогу пробить себе светлую.

Тот счастлив, кто вечным огнем опален,
В чьем сердце цветенье весеннее.
Тому ж, кто удачей в любви обойден,
Пусть разум укажет спасение.

Григол Чиковани

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Грек

РАССКАЗ

Перевод с грузинского В. Михайлова

Лавка Грека стояла у моста на краю села Мунчия. Была она наскоро сколочена из неотесанных досок, крыта дранкой и как-то особенно сиротливо торчала на своих коротких ножках—сваях. Ночью, бывало, посмотришь — тоска: ни огонька вокруг, крестьянские усадьбы, разбросанные вдоль дороги, лишь угадываются за стеной кукурузы и тополей.

Покупатели заглядывали в лавку редко. Что могло привлечь их? Соль, тарань, керосин?.. Случалось, за целый день живого слова не слышали эти стены. Зато на дороге, проходившей метрах в сорока от лавки, скрипели арбы, громыхали дилижансы и почтовые кареты, перекликались прохожие, мягко шуршали колесами фаэтоны... На таком бойком месте можно было бы без труда нажиться, но Грек не гнался за барышом. Кто хоть раз побывал в лавке у моста, тот мог заметить, что она мало походила на другие подобные заведения, куда обычно собираются крестьяне, чтоб обменяться новостями, поиграть в нарды. В других лавках их встречает приветливый, добродушный хозяин: он пододвинет стул, вкрадчивым голосом справится о здоровье, будто невзначай, поставит на стол бутылку водки, расскажет что-нибудь или внимательно выслушает вас, нет денег — даст в долг. А Грек... Грек, может быть, и давал кое-кому взаймы, но зато разговорами не баловал: молча отпускал товар и так же молча провожал посетителя...

Некоторые крестьяне видели поздно ночью каких-то людей, выходив-

ших из лавки. «Не темными ли делами занимается Грек?» — подумывали они.

В селе не знали, откуда пришел этот бирюк, какая судьба забросила его сюда — мало ли пришлых людей повидали на своем веку крестьяне! Имени его тоже никто не знал. «Грек» — так называли его взрослые и дети, «лавка Грека» — так говорили о лавке.

Некоторые старались припомнить, сколько времени прошло с тех пор, как вырос домик у моста. Год? Два? И если здесь не было единодушия, то, очевидно, потому, что появился Грек как-то незаметно. Годами он был не стар, но выглядел стариком. Видно, большое горе сломило его. Но попробуй-ка расспросить Грека — все равно ничего не добьешься.

Первые годы Грек все ждал какого-то письма. Задолго до появления почтальона он садился в свой излюбленный уголок на балконе и не спускал глаз с дороги. Он никогда не спрашивал о письме, но, подходя к мосту, почтальон читал в его глазах все ту же надежду. И почтальону становилось не по себе, он ускорял шаг.

Это повторялось много раз — летом, осенью, зимой, повторялось год, два, три. Почтальон уже привык не замечать немого вопроса, а Грек все еще надеялся: шла война — письмо могло задержаться.

И вот настал долгожданный день. Почтальон торопливо шагал по дороге, раздумывая о том, как он вручит Греку письмо, как тот обрадуется... Показался мост, лавка, и письмо из чужого края, с иноземной маркой, ослепительно забелело в смуглых пальцах почтальона.

— Тебе письмо, Грек!

А Грек и без слов все понял. Он стоял, вцепившись большими грубыми пальцами в перила балкона и не мог сдвинуться с места. Почтальон положил перед ним письмо. Четкие буквы расплывались, и Грек ничего не мог прочесть. Наконец, пересилил слабость, взял письмо, вошел в лавку, торопливо запер за собой дверь.

Почтальон в недоумении покачал головой и пошел дальше.

...Целый месяц простояла лавка закрытой, а когда осунувшийся, обросший бородой Грек снова открыл ее, все поразились его виду. «Видно, недобрую весть принесло это письмо», — говорили в селе. Крестьянам было невдомек, что когда-то Грек и не помышлял о торговле таранкой и керосином, что это был сильный и ловкий человек — любимец киприотов. А однажды о нем узнал весь Кипр — Георгиос Моратидис убил английского офицера! «Военные власти разыскивают преступника!» — сообщали в те дни английские газеты.

Но Георгиос не был преступником—он ухаживал за своим виноградником, выращивал кукурузу и хотел только одного — чтобы родной Кипр был свободным. Киприоты сражались против римлян, крестоносцев, турок, а с тех пор, как в 1878 году Кипром завладели англичане, свободолюбивые островитяне начали борьбу с колонизаторами. Она продолжалась долго, особенно усилившись в годы первой мировой войны.

Однажды жители прибрежного селения Элефтера, выведенные из терпения жестокостью оккупантов, напали на английский отряд. В этой-то схватке Георгиос Моратидис и убил офицера. К англичанам быстро подоспело подкрепление, село оцепили. Начались репрессии. Изменники только и ждали этого дня: помещик Никос Закопулос, имевший виды на землю Георгиоса, предал его. В ту же ночь Георгиос с несколькими товарищами бежал в горы. Он уже не видел, как подожгли его дом, как погибла в огне его жена — Афина, а семилетняя дочь Урания, ушедшая за водой к роднику, увидела пламя, солдат и в ужасе бросилась, куда глаза глядят.

На третий день знакомый крестьянин принес повстанцам скорбную весть о гибели Афины. Георгиос двое суток просидел в пещере, а на третью ночь спустился в село. Убив помещика, Георгиос пошел по соседям — узнавать о дочери.

— В тот вечер Уранию видели у родника, — сказали ему. — Когда загорелся дом, мы все бросились спасать несчастную Афину. Вспомнили и о девочке, стали искать ее, да так и не нашли.

Целый месяц метался отец по побережью, но Урания словно канула в воду. Оставаться на острове Георгиос больше не мог: англичане обещали за его голову две тысячи золотых лир, а родственники помещика не только золота — жизни не пожалели бы, чтобы отомстить за Никоса.

И вот, подчинившись уговорам друзей, Георгиос покинул родину. В ушах у него еще долго звучали последние слова товарищей: «Прощай, Георгиос! Мы разыщем Уранию, мы сообщим тебе!»

После целого года скитаний по морю и суше Георгиос попал в Поти. Портовые грузчики познакомили беглеца с надежным человеком, тоже грузчиком, Тариэлом Кардаа, который приютил Грека в своей хижине.

Кардаа руководил подпольным кружком портовых рабочих. Этот худощавый на вид человек отличался богатырской силой. Его умные, внимательные глаза и низкий грудной голос сразу располагали к себе собеседника. Георгиос узнал, что Тариэл и его друзья борются в этом маленьком грузинском городке против царизма, и решил остаться с ними. Он проработал в порту месяца два, но больше не смог: заходившие в порт иностранные суда напоминали ему о родине. «Эти корабли стояли на рейде у берегов родного Кипра, в Кирении или Фамагусте, — думал Георгиос. — Кто знает, может быть моя Урания тоже смотрела на них и вспоминала обо мне!»

Мучительное желание вернуться на родину и сознание невозможности этого не давали ему покоя. Он не мог оставаться у моря и вновь собрался в путь. Одно время Георгиос работал на строительстве Черноморской железной дороги, потом, когда здоровье его сильно пошатнулось, с помощью Тариэла Кардаа открыл недалеко от Поти в селе Мунчия лавочку. И ждал — не придет ли весточка о судьбе Урании? Каждый раз, переезжая на новое место, он писал товарищам, сообщая им свой адрес.

Георгиос все время думал о дочери... Вот он возвращается с поля, отворяет калитку, а Урания бежит навстречу. Он подхватывает ее сильными руками, подбрасывает высоко в воздух и осторожно опускает на землю. А Урания смеется, цепляется за его рубашку, теребит и, как только он сядет, влезает к нему на спину, обвивает маленькими ручонками отцовскую шею.

— Ну, скачи, лошадка! — погоняет Урания.

И Георгиос забывает об усталости, о том, что нужно умыться, переодеться, поесть, — обо всем на свете! Он покорно исполняет волю девочки, носится галопом по всему двору. А Урания заливается смехом, кричит... Потом, притихнув, садится к отцу на колени и просит рассказать сказку... Счастливая, уставшая от шумного веселья, она начинает дремать и засыпает на руках у отца... И вот пришло письмо, в котором говорилось, что ее нет в живых! Хоть бы не дошло до него это письмо!

...Единственным существом, с которым Грек любил перемолвиться словом, была соседская девочка Циру. Она изредка приходила в лавку. На ней всегда было одно и то же платье — все в заплатках. Босая, с развевающимися каштановыми кудрями, девочка подбегала к порогу лавки и, ухватившись за дверной косяк, замирала, робко подняв на Грека большие блестящие глаза. Потом, потупив взор, она начинала пристально разглядывать большой палец своей ноги. Циру чувствовала, что Грек смотрит

на нее и ждет, когда она заговорит. Это еще больше смущало девочку. Но увидев, что Георгиос улыбается, а в глазах его светится сочувствие, Циру говорила:

— Дядя, мама сказала, чтобы вы дали нам еще полфунта соли в долг... А деньги — когда приедет папа...

Выпалив все это одним духом, девочка опускала голову и яростно начинала сверлить пальцем ноги злополучный пол.

Георгиос вставал со своего места, отвешивал соль.

В придачу Циру получала несколько конфеток в цветной обертке с кисточками да фунта три сушеной тарани. Погладив маленькую покупательницу по голове, молчаливый хозяин провожал ее до порога.

Выйдя из лавки, Циру шла робко, точно ее сковывал взгляд стоявшего на балконе Грека, но, дойдя до поворота дороги, она вдруг срывалась с места и вихрем летела домой.

— До чего же она похожа на мою Уранию! — задумчиво говорил Георгиос. — И движения те же, и взгляд тот же — все как у моей девочки.

И каждый раз он с удивлением открывал в походке Циру, в ее улыбке, голосе новые, дорогие черты. В его отцовском сердце образ Циру постепенно сливался с образом Урании, и Грек радовался, когда девочка переступала порог лавки.

Если Циру не приходила слишком долго, — а это могло означать и отсутствие денег и стыд ее матери за постоянно растущий долг, — Грек завязывал в платок все, что могло порадовать девочку, и поздно вечером подходил к ее дому. Позвав Циру, он отдавал ей принесенные гостинцы.

Циру была дочерью бедного крестьянина. Ее отец, Гаху Гвинджилия, всю свою молодость провел на заготовке самшита в Очамчири. Заработав немного денег, он приобрел в Мунчии крохотный участок земли, выстроил однокомнатный домик, амбар для кукурузы, свинарник, купил корову и упряжку волов.

Из Очамчири он приехал щеголем, ходил по деревне красивый, статный и высматривал невесту. Что за хозяйство без хозяйки? Он не пропускал ни одного праздника, ни одних похорон. Жену хотел взять из зажиточной семьи, чтобы легче было бороться с нуждой. «Как бы ни любили друг друга молодые люди, они не могут быть счастливы, живя в тесной лачуге», — думал Гаху и далеко обходил бедных невест.

Недолго пришлось ему ждать: однажды на ярмарке в Хоби он встретился с Татией, единственной дочерью помещика Ипполита Шушания. Не один юноша вздыхал по ней. Дворяне и богатые купцы сочли бы за честь породниться с семьей Шушания. Но Татии понравился Гаху, а Гаху понравилась Татия.

«Вот и счастье пришло, — радовался Гаху, — красавица-невеста, богатое приданое... О чем еще может мечтать человек? Видно, я родился под счастливой звездой!»

Но когда Ипполит Шушания узнал о решении Татии, он точно взбесился:

— Если она посмеет выйти за сына свинопаса, собственной рукой убью ее! — кричал он, осыпая дочь бранью. И, в конце концов, посадил ее под замок. Девушка не испугалась и при первой возможности сбежала из дому... На следующий день, когда Ипполит узнал о побеге, Татия была уже обвенчана с Гаху.

Старый Шушания не исполнил своих угроз, не убил дочери, но навсегда вычеркнул ее из своего сердца.

— Опозорила она меня! Пусть сдохнет теперь — не запла́чу! — клялся оскорбленный Ипполит, и никто не сомневался, что клятву эту он сдержит.

И все же Гаху не терял надежды получить приданое: «У Ипполита водянка, — рассуждал он, — человек одной ногой в могиле стоит, не сегодня завтра отправится на тот свет, а дом и сад останутся нам с Татией».

Но «стоящий одной ногой в могиле» Ипполит преспокойно ходил по земле и вовсе не собирался в «царство небесное».

«Никакая водянка не берет старого черта! — сокрушался Гаху, но тут же раскаивался: — Грех какой беру на душу! Смерти желаю, да еще кому? Отцу моей Татии. Тьфу, дьявол! Господи, прости мне мои прегрешения! Пусть Ипполит Шушания живет хоть сто лет, мне от него и гроша ломаного не надо».

...Прошел год. В семье Гаху родилась девочка. Деньги, заработанные в Очамчири, давно вышли. Гаху не ходил больше щеголем по деревне: не до щегольства было ему, когда на Татии разлезлось единственное платье. Гордость не позволила ей взять свои вещи из отцовского дома. И теперь она стеснялась показываться на улице, не выходила даже за ворота.

Пересуды соседок и подруг отравляли жизнь молодой женщине.

— Выскочила за голодранца, всех на него променяла! А ведь любой дворянин с радостью взял бы в жены дочь Ипполита Шушания!

— И отцу отравила жизнь, и себе!

— Пусть теперь сидит в своей продымленной хибарке голая и босая, жует кукурузные лепешки!

Так измывались над ней злые языки.

Татия, стараясь не показывать своих мучений ни мужу, ни окружающим, держалась весело, будто была довольна жизнью, будто ни в чем не испытывала нужды, но от внимательных глаз Гаху не укрывались ее тоска и страх перед будущим. Но что он мог сделать — ведь в деревне можно только обрабатывать землю, а земли у них было мало, да и кукуруза все время падала в цене. Тут-то Гаху и решил вернуться в Очамчири на заготовку самшита.

В первый год он частенько наведывался домой. Приезжал веселый, добрый, полный надежд, привозил жене платья, туфли, украшения... Но шло время, и подарков становилось все меньше и меньше. Изменился и сам Гаху: он похудел, опустился, реже навещал семью, а в последнее время даже не присылал ни денег, ни писем.

— Должно быть, завел себе любовницу, — шипели соседки. — Тебе, Татия, лучше вернуться к отцу. Не прогонит же старик! Что ни говори — родная кровь!

Но Татия и слышать не хотела о возвращении, к тому же отец все имущество переписал на своего племянника. Легче с сумой идти по дворам, чем в отцовский дом на горькие попреки.

Наконец, Татия решила поехать на розыски мужа. В Очамчири ей сообщили, что иностранцы давно вырубили в Абхазии весь самшит и распустили рабочих. Один знакомый сказал, что Гаху в последнее время грузил кукурузу на фелюги и баркасы лазов, от непосильной работы слег и, не желая огорчать семью, просил не писать домой о его болезни. «Может, выздоровею, — говорил он, — а если нет, то лучше и не возвращаться». Один сердобольный лаз взял его с собой в Турцию — с тех пор о нем ни слуху, ни духу. И баркас того лаза больше не показывался в Очамчири...

Татия вернулась домой. Деревня была потрясена случившимся. Как свое собственное горе, переживал молчаливый Грек несчастье, которое обрушилось на семью его любимицы Циру.

Татия не стала причитать и плакать, не замкнулась в себе, подобно Греку, не отдалилась от людей. Она не имела права считать свою жизнь оконченной. Печальные, полные тревоги глаза Циру заставили ее взять в руки тяпку и выйти в поле. Теперь, вспоминая о Татии, люди сокрушенно

качали головами, проклинали жестокость Ипполита, а некоторые осмеливались бросать упреки прямо в лицо строптивому помещику.

— Не произносите при мне ее имени! — кричал вконец обезумевший старик. — Мало того, что эта девка опозорила мою голову, теперь она срамит весь род Шушания! Жены наших крепостных—и те не работали в поле. Чтоб она провалилась со своей тяпкой!

И небо словно услышало проклятья отца. Однажды Татия вернулась с поля совсем разбитая. Она едва добралась до постели и тут же потеряла сознание. Начался бред.

В ужасе Циру выскочила на балкон и пронзительно закричала. Вся деревня мгновенно сбежалась к их домику.

— Должно быть, несчастная узнала о смерти Гаху!

— Но почему плачет только одна Циру? — громко переговаривались соседи. Отворили калитку, заполнили маленький дворик... До тех, кто не смог попасть в тесную комнату, донеслись причитания женщин:

— На ней лица нет!

— Кончается, несчастная!

— Как скрутило ее! А утром была совсем здоровая...

Ведь никто не знал, что последние три — четыре дня у Татии сильно ломило все тело и болела голова. Раньше ей не приходилось болеть, поэтому свое недомогание Татия объясняла усталостью, а жаловаться она не привыкла. Да и кому было жаловаться!

Как только Татия приходила в себя, она искала глазами дочь и стонала:

— Циру, девочка моя!.. На кого я тебя оставлю, сироту несчастную?.. Где ты? Я не вижу тебя... не вижу, родная... Не оставляйте, христа ради, не оставляйте мою бедную девочку, — молила она соседей.

Однажды, когда жар спал и сознание возвратилось к больной, она узнала окружающих.

— Ой, горе мне, несчастной! — закричала Татия. — Уходите, уходите все! Не губите себя... Я знаю, что со мной. Меня сам черт не вылечит... В Очамчири тиф косит людей. Говорят, из Турции его к нам занесли, на мою беду... Спасите девочку, уведите ее и сами уходите!..

Тиф!.. Это страшное слово наводило в то время ужас. Комнатка вмиг опустела, и с тех пор никто не решался зайти проведать больную. Перепуганные соседи шарахались от Циру. Единственный человек, отважившийся заходить к ним, был Грек. Узнав , что соседи оставили Татию без присмотра, он закрыл лавку и сам стал ухаживать за больной. Но ни врач, приведенный Греком, ни лекарства, купленные им, уже не могли помочь несчастной женщине.

— Тебе оставляю Циру, — шептала она запекшимися губами. — Тебе... Если есть царство небесное, господь не забудет твоей доброты... Еще прошу... отца моего... не пускайте...

Народу на похороны собралось много. Пришли и те, кто еще вчера боялся заразы. Пришел и Ипполит, но его даже в ворота не пустили — народ встретил бранью и упреками.

— Не Татию, а тебя, окаянного, схоронить надо бы!

— Ты еще поплатишься за свои грехи, скоро и сам вслед за ней отправишься!

— Злодей проклятый, посмел придти еще! — неслось ему вслед.

На другой день после похорон слегла Циру. Ее болезнь повергла в ужас всю деревню.

— Наверное, все мы заразились! Все обречены на гибель! — шептались в крестьянских домах.

Только Грек не обращал внимания на эти толки. Дни и ночи проводил он у постели больной. Циру металась, плакала, звала мать... Беспамятство не покидало ее ни на минуту.

— Умрет, — говорили соседи. — И Грек не жилец!

Но вот, к удивлению односельчан, девочка начала быстро поправляться: ее болезнь была только следствием тяжелого нервного потрясения.

Грек был вне себя от радости. В эти дни он не мог понять, что с ним делается... Одна мысль: Циру спасена, она нуждается в его помощи — заслонила все остальное. Словно солнце осветило мрачные стены лавки. Усталый, надломленный человек на глазах у всей деревни превращался в энергичного, рачительного хозяина...

Сельчане поражались переменам, происшедшим в домике у моста. Лавка выглядела теперь гораздо приветливей и уютнее. Маленькая хозяйка прибирала здесь, готовила пищу, а когда Грек копался в своем огороде, стояла за прилавком. Она так привязалась к Георгиосу, с такой любовью произносила слово «отец», что он невольно вздрагивал.

Циру спала одна в лавке, на широкой деревянной скамье. Иногда ночью девочка просыпалась и слышала приглушенные голоса, доносившиеся из-за перегородки. Особенно запомнился ей один низкий грудной голос. И слова: «Нужда... свобода... революция...»

Однажды, услыхав, как заскрипели половицы в соседней комнате, а затем хлопнула дверь, Циру, соскочив со скамьи, прильнула к окну. Какие-то люди бесшумно уходили от домика и скрывались в темноте. Только один — худощавый, в башлыке, остался подле Грека.

— Георгий, твоя лавка стала слишком людной... Теперь нам опасно собираться у тебя, — сказал незнакомец. И Циру сразу узнала этот низкий приятный голос.

— Да, Тариэл...

— Ну, что ж, прощай, — тихо сказал человек в башлыке.

— Прощай, — так же тихо ответил Грек.

Раньше Грек запирал двери, чуть начинало темнеть. Теперь же лавка не закрывалась до поздней ночи. На стойке всегда красовался кувшин с вином и бутылка с водкой. Из-под чистого полотняного лоскута выглядывали жареный поросенок и вареная курица. На прилавке с одной стороны были разложены жареные тарани и завернутые в ореховые листья сомы, с другой — сулугуни. Здесь можно было найти ароматные подливки и соусы, горячее гоми и мчади, зелень, соленья, зеленое лобио. Все это готовила Циру.

Ни один фаэтон или дилижанс не проезжал мимо лавки без того, чтобы не остановиться на несколько минут, пока пассажиры не перекусят чего-нибудь и не выпьют по стаканчику вина. «Медовая водка Грека», «тарань Грека», «подлива Грека» стали известны далеко за пределами села Мунчия.

Лавочника радовала эта добрая слава, и он изо всех сил старался угодить покупателям. В других лавках и половины той закуски и выпивки не получишь за те деньги, которые брал Грек. А ведь ему дорога была теперь каждая копейка. После похорон Татии, на которые ушли его скудные сбережения, лавочник часто задумывался, что будет с Циру, если он вдруг заболеет, а то, не дай бог, и умрет. На следующий год нужно во что бы то ни стало отдать ее в школу. Образованный человек никогда не пропадет! И Татия мечтала об этом, но не дожила. Как загорались глаза Циру при виде детей, бегущих в школу! С какой завистью смотрела она на школьников, спрятавшись за дверью или за углом дома!

— Ты будешь учиться! — все чаще и чаще говорил ей Георгиос.

Приближался день успенья богоматери. В Хобском монастыре готовились к встрече гостей. Из самых отдаленных уголков Мегрелии собирался сюда народ молиться, веселиться, торговать. Хобская ярмарка славилась по всему Зугдидскому и Сенакскому уездам. Длилась она обычно более двух недель.

Раньше Греку и в голову не пришло бы поехать в Хобский монастырь, а теперь он заранее накупил самых ходовых товаров и поставил свой ларек в таком выгодном месте, что ни один покупатель не мог пройти мимо.

Лавочник был очень доволен, и только одно печалило его: Циру еще не сняла траура по матери, и ее пришлось оставить дома.

— Со мной ничего не случится, отец, — успокаивала его девочка. — Мне только жаль, что я не смогу помочь тебе... За меня не бойся, я ведь не маленькая.

Но разве он мог быть спокоен! Все время, пока шла ярмарка, он не находил себе места, беспокоясь о Циру. И хотя с утра до вечера к нему без конца шли покупатели, мысль о девочке ни на минуту не покидала его.

Ярмарка подходила к концу. Грек решил больше не задерживаться.

Утром один знакомый купец обещал привезти из Поти книги, тетради и сумку для Циру, но вот уже полдень, а его все нет.

В монастырском дворе раздавались веселые песни и прихлопывание в ладоши. С берега Хоби доносились выкрики и громкое гиканье играющих в мяч. На поляне перед монастырем молодежь состязалась в джигитовке, борьбе, стрельбе в цель. Акробаты бегали по канату. Визжали ряженые.

Тысячи людей беспорядочно сновали взад и вперед на небольшой площади ярмарки.

— Седла! Седла княжеские!

— Побойся бога, креста на тебе нет! Где ты дешевле купишь? Я же не на дороге товар нашел — из Варшавы привез!

— Глиняные сковородки! Огня не надо — сами пекут!

— Не кукуруза — золото, червонное золото! Взгляните, какой цвет у нее, на зерна взгляните!

— Пиявки! Пиявки!

Только Грек не зазывал покупателей. Он сидел перед своим ларьком, уставший, разбитый, разморенный палящими лучами солнца. Ему давно надоели этот шум и сутолока.

Сегодня утром Георгиос мельком видел Тариэла. «В толпе меньшевистские гвардейцы рыщут, наверное, за ним охотятся», — с тревогой подумал Грек. Но вскоре он забыл о Тариэле, представив, какой радостью загорятся глаза Циру, когда он разложит перед ней книги и тетради, повесит на стену новую сумку. И вот, наконец, наступит самый счастливый день — Циру со своими сверстниками пойдет на первый урок... А Урания уже закончила бы школу. «Кто знает, может она жива! Ведь рассказывал же один беженец из Индии, что детей расстрелянных иногда увозят в Англию и там воспитывают на свой лад. Может быть, и Уранию увезли англичане? Бог с ними, как там ее воспитали, лишь бы она была жива!.. Наверное, она действительно там! Возможно, потому наши ничего не смогли узнать о ее судьбе... А я поверил письму и потерял надежду!»

Будто теплая искра засветилась в его сердце, он закрыл глаза, представил свою дочь взрослой... И задремал...

Какой-то шум и крики разбудили его. Где-то неподалеку грянул выстрел, другой.

— Спасайся! — истошно закричал кто-то. Крик потонул в топоте множества ног. Люди разбегались, прячась за ларьки, навесы, арбы.

Грек тоже юркнул в лавку. А когда он выглянул — площадь, которая за минуту до этого кишела людьми, была пустынна. Мертвая тишина царила на ней. Землю усеяли осколки кувшинов и другой посуды. Среди этого хаоса стояли, держась за руки, Циру и незнакомая девушка в европейском костюме. Грек провел рукой по глазам. Нет, зрение не обманывало его: это — Циру, а рядом...

С противоположной стороны площади бежал человек в разорванной рубахе. Его преследовал гвардеец с револьвером в руке.

— Тариэл? — прошептал Грек.

Кардаа бежал, тяжело дыша.

— Стой, стрелять буду! Стой, сукин сын! — кричал гвардеец.

Тариэл поравнялся с Греком. На мгновение взгляды их встретились. Грек увидел бледное лицо, окровавленный лоб... Еще немного, и Тариэл скроется за ларьком.

— Стой, стрелять буду! — гвардеец поднял револьвер, прицелился. Он уже спускал курок, когда перед его глазами метнулась, будто из земли выросшая, сутулая фигура старика.

Негромко хлопнул выстрел.

Грек упал, словно подкошенный. Гвардеец с изумлением смотрел на старика, не понимая, откуда он взялся.

К Греку подбежали люди. Гвардеец скрылся в суматохе. Циру задыхалась от слез и, чтобы не разрыдаться вслух, кусала кулачки. Незнакомка с недоумением смотрела то на нее, то на окровавленного, лежащего на мешках человека.

— Отец... это твой отец, — сказала, наконец, Циру своей спутнице и тут же, испугавшись своих слов, зажала рот ладонью. Крупные слезы катились по ее щекам, по маленьким дрожащим пальцам.

Девушка медленно подошла к умирающему. Она не вскрикнула, не упала перед ним на колени. Очевидно, до нее еще не дошел смысл сказанных Циру слов. Несколько мгновений она бессмысленно смотрела на отца, которого искала так долго... Потом поняла все. Она хотела заговорить, сказать, что она здесь, с ним! «Но зачем? Зачем тревожить его душу перед смертью?» Так она думала, но разве в такие минуты сердце подчиняется разуму? Ее губы дрогнули.

— Отец!

Георгиос с трудом приоткрыл глаза и тотчас же снова закрыл их. Урания бережно взяла его руку. Ей показалось, что безжизненные пальцы отца слегка пожали ее кисть.

— Отец, это я — Урания...

На его лице отразилась мучительная боль. Он слышал голос дочери, но не мог увидеть ее. И чудилось ему: вот он возвращается домой с поля, отворяет калитку, Урания бежит навстречу... «Ну, скачи, лошадка!» — звонко смеется Урания.

И снова: «Мама просила еще полфунта соли в долг...» Красивая девушка идет через площадь. Ближе. Ближе. Но темный туман застилает глаза, и ему никак не удается рассмотреть лица девушки. Он хочет сказать что-то важное. «Урания! Циру!.. Дочь моя!» Но его челюсти свела судорога.

Стоявшие вокруг сняли шапки.

* * *

Нынешней весной, незадолго до моей поездки в Мунчию, газеты сообщили, что на Кипре англичане расстреляли пятерых патриотов. Среди

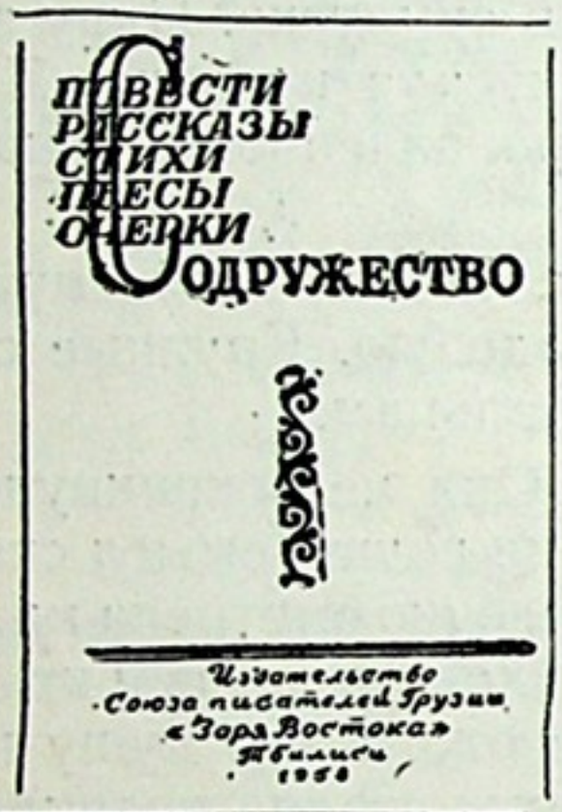
расстрелянных была и Урания Моратидис. Перед моим взором вдруг возникло печальное лицо девушки, склонившейся над умирающим.

...Могила Георгиоса заросла травой и папоротником. Очищая ее, я нащупал небольшую мраморную плиту. Вверху можно было прочесть имя, фамилию, даты рождения и смерти. Нижняя часть плиты вросла в землю. Я отгреб немного земли, потом еще немного... На мраморе открылась четкая строчка:

«Спи спокойно, отец, Кипр не покорится!»

Долго смотрел я на потемневшие буквы, и мне казалось, что простые слова этой клятвы вместе с Уранией подписали и те четверо расстрелянных.

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ



«Содружество» — первый коллективный сборник произведений русских писателей, живущих и работающих в Грузии.

В его создании приняли участие как писатели, много лет работающие в литературе,— А. Агладзе, Р. Канделаки, А. Кузьмичев, Э. Фейгин, В. Эльснер и др., так и молодые литераторы, с первыми произведениями которых лишь недавно познакомился читатель. Хорошую оценку критики, например, получила книга рассказов М. Лохвицкого «Встречи в пути» (в «Содружестве» печатается его новая повесть «Возвращение Георгия Арчвадзе»), с интересом были встречены изданная в Сухуми книга стихотворений Ф. Искандера, а также стихи Л. Магистровой, Г. Онаняна, С. Стаценко, В. Хацкевича, С. Футоровича, опубликованные на страницах центральных и республиканских газет и журналов. Несколько книг русских писателей живущих в Грузии было выпущено «Зарёй Востока» накануне Декады грузинской литературы и искусства («Маленькие новеллы» А. Зурабова, сборник сатирических стихов А. Левита, «Дороги и мечты» поэта Г. Мазурина, роман Ю. Рышкова «Капитан Быстрова», исследование Б. Пирадова «Максим Горький в Грузии» и др.).

Следует подчеркнуть, что в сборник «Содружество» включены лишь новые произведения.

Отметим и жанровое разнообразие сборника. Помимо рассказов, повестей и пьес, читатель найдет в «Содружестве» также интересные воспоминания одного из старейших советских кинорежиссеров И. Перестиани, очерки Н. Новицкого и И. Дубинского, очерк - хронику ученических лет Вл. Маяковского, написанную Г. Бебутовым, и другие произведения.

Мамия Варшанидзе

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Песня дружбы

Перевод с грузинского **Е. Ильина**

Моих друзей не перечесть:
Грузин, абхазцев, осетин...
Есть девушки, и парни есть,
Есть старцы в серебре седин.
Ты садовода встретишь здесь,
Пилота и творца турбин...
Моих друзей не перечесть:
Грузин, абхазцев, осетин...
Все шире, шире дружбы круг,
И голос дружбы все слышней,—
Китаец — друг, индеец — друг,
И русский — первый из друзей.
Все шире нашей дружбы круг —
Входи, товарищ, не робей! —
Найдешь ты много братских рук
Под небом Родины моей.
Что ж, что простился я с весной
И осень тихая близка,—
Не оплетет меня покой
И не возьмет меня тоска.
О дружбе песню, чанги', пой!
Пусть свежий иней у виска —
О братстве песню, чанги, пой,
О нашем братстве на века!
Есть возраст у морей и гор,
Дряхлеет и могучий дуб,
Мелеет глубина озер,
И тигр становится беззуб.
Но не стареет братства хор —
Призывы труб и песня с губ —
Как дорог ей земли простор,
Как путь от сердца к сердцу люб!
Да, песня дружбы молода,
Бессильно время перед ней,
В ней зов любви, в ней гром труда,
В ней поступь наших звонких дней!
Что ж, что прошла моя весна,
И осень уж недалека —
Моя любовь, моя страна,
Ты будешь юной на века!

●

Харитон Вардошвили

Перевод с грузинского А. Межирова

Случается,
что море иногда
Под вечер вдруг прикинется пустыней —
И сразу желтой кажется вода,
Которая была недавно синей.

Предчувствием недобрым смущено,
И в ожиданье превратясь немое,
Почти совсем не движется оно,
Окутанное маревом, как тьмою.

Но вдруг встает пустыня на дыбы, —
И море морем делается снова,
И, расшибая волн крутые лбы,
От ветра задыхается сквозного.

Закидывает чаек в облака,
По палубе с шипеньем пробегает,
И рвет штурвал из рук у моряка,
И мачту гнет, и парус прогибает.

И рушится свинцовый небосвод
Всей тяжестью своей на грудь морскую,
И, как бугай, в слепую ночь ревет
Пустой причал, по кораблям тоскуя.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Друзья-деревья

Перевод с осетинского В. Луговского

Привет, привет
дубам страны моей,
привет семье лесных богатырей!
Я даже с мускулом единым вашим
сравниться не могу,
но вы
меня рукоплесканьями листвы
встречаете:
«Тебе ветвями машем!
Тебе мы шлем, приятель, свой привет:
взгляни,
какой нас озаряет свет!»

Дубы мои!
Сравнюсь ли с вами в силе?
Под вашей сенью вырос я, дубы!
Когда-то вы меня любить учили
всей силой сердца,
крови и судьбы, —
любить все то,
что только есть на свете:
и зелень луга и хребты в снегу,
любить природу, лес, деревья эти, —
в любви им не признаться не могу!

Дубы, дубы!
Густых лесов пространства,
где верных сосен полчища стоят, —
их зелень — словно признак постоянства,
зимой и летом зелен их наряд, —
я видел:
соснами покрыт пригорок,
и гуд, и скрип, и янтари ствола,
и сотни ветровых скороговорок,
и ветви,
словно крылья у орла!
Я думал, —
вот сейчас они воспрянут
и оторвутся,
и увижу сам,
как полетят,
нестись на помощь станут
к другим — оскудевающим — лесам!
Деревья!
В них единство и сплоченье;
они сбирают влагу в знойный день —
плечом к плечу, под ветровою сенью
ждут гневных бурь, встречая тучи тень!
Деревья вместе —
вместе —
в стужу, в грозы, —
у них едины свет, и смех, и плач,—
и русскую красавицу-березу
взять в жены хочет
горный карагач!
Кавказец-карагач!
Я поздравляю
моих друзей, —
пусть крепнет их семья:
я родственность деревьев прославляю,
содружество лесное славлю я!

Мои дубы, вы много повидали,
немало довелось вам испытать, —
вот юные деревья рядом стали,
нежны и гладкокожи, —
их нельзя ли
как ласковых любимых целовать?
Дубы!
У вас морщинистая кожа,
как мудрый лоб седого старика,
кора у вас
с челом разумным схожа,
над головою,
мой покой тревожа,
шумит листва,
как долгие века!

Михаил Давиташвили

Чудесный напиток

Много на свете разных напитков, и каждый из них по-своему хорош, по-своему знаменит. Но есть среди них один, со славой которого не сравнится никакой другой: его знают, его любят миллионы людей во всех странах мира, его употребляют как пищу и как воду, как лакомство и как лекарство, пьют зимой и летом, утром и вечером, за дружеской беседой и за рабочим столом. Без этой горячей, темноватой, ароматной жидкости, кажется, ни один человек не может обходиться. Читатель, конечно, уже догадался, о каком напитке ведем мы речь. Да, это разговор о чае. Ведь ни один напиток так часто не употребляется нами, как чай.

Популярность чая неслучайна. Он утоляет жажду, поддерживает энергию и трудоспособность. Современная медицина считает, что чай положительно действует на нервную систему человека. Недаром китайская пословица говорит: «Выпить чай — прибавить силы».

В древних китайских книгах сказано:

«Чай усиливает дух, смягчает сердце, удаляет усталость, пробуждает мысль и не позволяет поселиться лени, облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость... Сладкий покой, который ты обретешь от употребления этого напитка, можно только ощутить, но описать его невозможно... Пей медленно этот чудесный напиток, и ты почувствуешь себя в силах бороться с теми заботами, которые обыкновенно удручают нашу жизнь».

Родиной чая является Китай. Возделывать чайный куст начали за несколько тысячелетий до нашей эры. Добрый обычай этой страны предписывает каждому, кто принимает гостя, обязательно предложить ему чашку ароматного чая. Китайский банкетный стол, известный во всем мире разнообразием и изысканностью блюд, как правило, открывается чаем, к которому подаются засахаренные зерна арахиса, арбузные и тыквенные семечки и другие сладости.

Советские ученые разработали среднесуточную норму приема чая. Институт питания Министерства здравоохранения СССР рекомендует для взрослого человека — четыре стакана чая при заварке в один грамм и для детей — четыре стакана при заварке в полграмма.

В глянцевитых, темно-зеленых листьях чайного куста содержатся ценные, редкие вещества, активно действующие на человеческий организм, — кофеин, танин, эфирные масла. Танин придает напитку характерный терпкий вкус и цвет, эфирные масла — свой тонкий аромат, кофеин возбуждает нервную систему. Кроме того, чай содержит различные витамины, в том числе «С» и «Р», которые усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям, способствуют излечению цинги, укрепляют стенки кровеносных сосудов.

Древнейший напиток мира стал известен в России и в Европе каких-нибудь триста—четыреста лет назад. Считавшийся раньше в Европе чужестранной диковинкой, изысканной забавой королей, чай теперь самый распространенный, подлинно народный напиток.

Любопытна история проникновения чайного растения в Россию. В 1638 году от Алтынского хана было прислано в Москву в подарок царю Михаилу Федоровичу четыре пуда диковинного сушеного листа в маленьких, по четверти фунта, пакетиках — «ради варения чая». Царю и боярам новый напиток понравился. «Питие доброе и, когда привыкнешь, гораздо укусно», — говорили они.

В 1696 году из Москвы в Пекин отправился за чаем первый караван. Долгим путем шел чай из Китая в Россию. Почти год везли его на верблюдах и в санях, в телегах и на плотах.

Популярность чая росла из года в год. Миллионы рублей золотой валюты шли за границу в обмен на чай, который бесконечными караванами, а затем и в трюмах специально оборудованных кораблей доставлялся в знаменитую Кяхту и морские порты страны. Чаепитие в городах России распространилось в XVIII веке, а в деревню оно проникло в начале прошлого века.

На родине чая — в Китае — он был известен 4.600 лет тому назад. Но особенное распространение чай получил в VI веке, когда китайцы-буддисты стали считать его священным и целебным напитком.

Народ ценит чай за вкус, аромат и теин, или, как обычно его называют, кофеин — вещество, отгоняющее сон.

* * *

Проезжая вдоль Черноморского побережья Грузии, можно видеть убегающие вдаль, прочь от моря, ровные ряды невысоких шарообразных кустов, то взбирающихся на холмы, то спускающихся в равнины. Это и есть чайные плантации. Здесь круглый год все зелено; а поздней осенью или в начале зимы кусты покрываются небольшими цветами, похожими на цветы жасмина.

Чайный куст! Какой внешне он простой, скромный, обыкновенный! Кажется, ничем не отличается он от тех аккуратно подстриженных вечнозеленых кустарников, которые есть в городском саду. Но это только кажется.

Аккуратные миндалевидные листики на тонких веточках таят в себе тот своеобразный вкус и аромат, каких не имеет ни одно растение в мире. Среди 18.000 цветковых растений дикой флоры нашей Родины нет других, листья которых содержали бы хоть в ничтожном количестве кофеин — главное богатство чайного листа.

Это драгоценное растение — довольно прихотливая культура. Оно требует от человека много внимания, знаний и труда. Чайный куст — предмет постоянных забот, около него круглый год хлопочут люди; по несколько раз мотыжат вокруг земли, окапывают, лечат куст специальными химическими препаратами. Заботливые руки чаеводов следят за тем, чтобы вокруг куста не было ни одной сорной травинки, окружают плантации специально посаженными ветрозащитными полосами.

Чайное растение обычно живет от пятидесяти до семидесяти лет. Свободно растущий куст достигает трех метров высоты. Чтобы облегчить сбор и ускорить появление нежных

побегов, чайные кусты ежегодно подрезаются, им придается полуовальная форма, а высота допускается не более 80 сантиметров.

Самой трудоемкой и ответственной работой в чайном хозяйстве является сбор листа. Нежные побеги, называемые флешами, идущие на производство чая, появляются на кустах не всегда. Есть период, когда чайный куст, так сказать, отдыхает. Сезон уборки длится шесть месяцев — с мая до октября, и в течение всего этого времени сбор идет непрерывно. Молодой лист надо срывать сейчас же, как только он появится. Тут уже зевать нельзя. Если не собрать нежные побеги до заката солнца, — к утру они огрубеют и станут непригодными для производства чая высших сортов. Спустя еще немного времени они становятся совсем огрубевшими и тогда вовсе не годятся для изготовления чая. Поэтому ежедневно в колхозах и совхозах бригады сборщиков обходят с корзинами чайные плантации, и, словно челноки, движутся среди серебристо-зеленых листочков проворные руки сборщиц...

* * *

О возделывании чая европейцы долгое время не имели никакого представления. Это был «китайский секрет», который стал известен только в XIX веке.

Первые попытки создания в России плантаций чая относятся к сороковым годам прошлого столетия, когда на Черноморском побережье Грузии с его теплым и влажным климатом было высажено несколько чайных кустов, привезенных из Китая (до этого один чайный куст, как диковинка, был посажен в 1818 году, в Крыму, в Никитском ботаническом саду). В шестидесятых годах прошлого столетия землевладелец Михаил Эристави провел удачные опыты по широкому культивированию чайного растения в Озургетском уезде. Он представил Кавказскому обществу сельского хозяйства первые образцы чая из урожая собственной плантации за 1862—1864 годы.

Однако попытки расширить отечественное чаеводство долгое время не имели успеха: то оказывались недоброкачественными семена, то царские чиновники, подкупленные купцами, чинили этому всяческие препятствия. Ко всему этому следует добавить тупость и равнодушие царских властей, заглушавших инициативу передовых русских ученых. Возделывание чая в Западной Грузии, несмотря на богатейшие для этого условия — обилие тепла и влаги, наличие соответствующих плодородных почв, — власти считали делом «бесполезным».

Весьма любопытен в этом отношении один архивный документ. Кутаисский гражданский губернатор в своем донесении писал: «Развитие чайных деревьев едва ли когда-нибудь осуществимо в Грузии: географическое положение этой страны и влажная почва не могут ручаться за успех этого предприятия; правда, быть может, в теплицах, при искусственных условиях и поддержании высокой температуры это растение и способно к произрастанию, но разводить его на открытом воздухе бесполезно».

А вот и другой, не менее характерный документ:

«...Считаю долгом прибавить, что хотя по мнению моему (это писал наместник Кавказа Воронцов министру государственных имуществ Киселеву) чайное дерево никогда в здешнем крае полезно не будет, но если угодно, чтобы еще были сделаны пробы, то нужно выписать из Китая другие семена, совершенно годные, и мы оные немедленно посадим».

Киселев ответил Воронцову, что министерство уже трижды выписывало семена, и все они оказались «непригодными». Солидаризируясь с мнением наместника «о бесполезности разведения чайного дерева», он высказался против приложения «дальнейших к этому усилий, тем более что это растение разводится с выгодой только в некоторых местностях Китая и, будучи пересажено в

другие, равно благоприятствующие климатом страны, перерождается и не приносит ожидаемых выгод, как это доказали опыты, сделанные в Бразилии».

Все же, благодаря стараниям отдельных энтузиастов — академика Бутлерова, профессора Краснова, агронома Клингена, чаепромышленника Попова, практика-новатора Накашидзе и других, удалось в конце XIX и в начале XX столетия заложить в Грузии небольшие чайные плантации.

Занималось чаем и так называемое Удельное ведомство, управлявшее в царской России землями и имуществом, доходы от которых шли на содержание императорской фамилии. Но организованное царскими чиновниками в Чакве субтропическое хозяйство развивалось очень медленно. За шестьдесят семь лет, с 1848 года по 1915 год, то есть за весь период с начала появления первого чайного куста на Черноморском побережье, было заложено всего 917 гектаров чайных плантаций и построено несколько крошечных полукустарных фабрик.

Когда мы говорим о чаеводстве Грузии, мы не можем не упомянуть добрым словом крупного специалиста Лау Джон-джау, посвятившего лучшие годы своей жизни созданию у нас чайного хозяйства. Лау Джон-джау прибыл в Грузию в 1893 году во главе группы китайских мастеров чайного дела по приглашению московского чаепромышленника К. С. Попова. Китайцы должны были внедрить в имениях Попова в окрестностях Батуми культуру чая и наладить его производство. Лау Джон-джау с юных лет специализировался в чайном деле, работая на чайных предприятиях Китая. В первые же годы пребывания китайских специалистов на Черноморском побережье Аджарии, являющемся благодатным местом для разведения ценных субтропических культур, были заложены десятки гектаров чайных плантаций. Вскоре под руководством Лау-Джон-джау в Чакве появилась построенная по китайскому образцу первая чайная фабрика. Когда же эта фабрика перешла в ведение Чаквинского удельного имения, ее заведующим стал Лау Джон-джау.

Чайный куст прекрасно прижился на новом месте, а готовая продукция, демонстрировавшаяся в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, получила Большую золотую медаль.

В первых успехах чаеводов Грузии была большая заслуга китайских специалистов и особенно их руководителя Лау Джон-джау. Они прививали грузинам навыки возделывания культуры чая, ставшей сейчас для многих колхозов и колхозников республики источником высоких доходов.

Покинув Грузию в 1926 году, на шестом десятке лет своей жизни, Лау Джон-джау оставил по себе добрую память.

Перед отъездом в Китай «друг из далека» побывал в Батуми и в память о времени, проведенном в Грузии, а также в знак своей горячей признательности гостеприимному грузинскому народу передал Государственному музею Аджарии изготовленные в Китае художественные вещи из слоновой кости: седло, обрамленное тонкими изящными орнаментами, и шар с шариками внутри, сделанный с виртуозным мастерством. Вместе с уникальными подарками Лау Джон-джау передал музею свой фотоснимок, на полях которого написал трогательные слова:

«Мне тяжело расставаться с друзьями, которых я приобрел здесь. Все лучшие молодые годы я посвятил работе в Аджарии... Я никогда не забуду этот дорогой для меня край!..»

* * *

Лишь в годы Советской власти отечественный чай получил полные права гражданства, а затем почти вытеснил с рынка импортные сорта. Заботами Коммунистической партии и Советского правительства районы Черноморского побережья Грузии превратились в основную чайную

базу страны. Еще в годы первых пятилеток, когда социалистическая держава выковывала свою экономическую независимость на всех участках народного хозяйства, Советский Союз окончательно отказался от импорта чайных семян и значительно сократил ввоз готовой продукции.

Чаеводство Грузии, ставшее гордостью нашего социалистического земледелия, является одной из основных и ведущих отраслей многогранного сельского хозяйства республики. Сейчас в западных районах Грузии, в прибрежной низменности и по склонам гор красуются обширные плантации чая, приносящие лучшие в мире урожаи. Они занимают свыше 66.000 гектаров — в 73 раза больше, чем было в дореволюционной России.

Чаеводство — сравнительно молодая отрасль социалистического сельского хозяйства, однако наша страна, благодаря достижениям передовой советской агробиологической науки, опередила те страны, где возделывание чая имеет многовековую историю. Нигде в мире не собирают такие высокие урожаи чайного листа, как в Грузии.

В дореволюционное время сбор листа на лучших участках едва достигал 300—400 килограммов с гектара. В наше время эта цифра повышена во много раз. Так, средний сбор чайного листа по республике составил в 1957 году 2.220 килограммов. В 1960 году средняя урожайность должна превысить 3.000 килограммов листа с гектара (отдельные колхозы и совхозы республики уже получают с гектара по 5.000 килограммов чайного листа). Уже через десять лет, к 1967 году, средняя урожайность плантаций составит 3.500 килограммов листа с гектара, а площадь плантаций будет расширена до 71.000 гектаров. Это значит, что колхозы и совхозы Грузии будут давать стране ежегодно свыше 200.000 тонн чайного листа, то есть столько, сколько потребуется для полного удовлетворения нужд населения Советского Союза в чае отечественного производства.

За годы Советской власти в Грузии появились мастера высоких урожаев чая, смелые новаторы, творцы новых методов обработки плантаций и сбора листа. Они прочно закрепили за собой мировые рекорды. Широко за пределами республики известны имена сборщиц Дареджан Такидзе и Тамары Купуния, Татьяны Чхаидзе и Нателы Булискерия, Лолы Гоготишвили и Нателы Квачадзе, Татьяны Зубченко и Татьяны Ткебучава, Гули Джинчарадзе и Асмат Джиджавадзе и многих других, достигших в своем деле подлинной виртуозности.

* * *

Из прибрежной зоны Грузии культура чая сейчас продвигается на север. Раньше многие сомневались даже в том, что эта культура привьется в северо-западных районах Грузии, в частности, в Зугдидском, где преобладают подзолистые почвы. Известно, например, что группа иностранных специалистов во главе с доктором Манном категорически возражала против разведения чая в Зугдидском районе.

Наиболее авторитетный для того времени ученый эксперт по чаю Гарольд Манн и другие специалисты были приглашены в Советский Союз для того, чтобы наши чаеводы могли проконсультироваться у них, возможно ли возделывать чайное растение в северных районах субтропической зоны Грузии. Что же касается южных районов — Аджарии и Гурии, — чай там шел хорошо.

Доктор Манн долго ходил по молодым чайным плантациям Зугдидской опытной станции, обрывая с кустов побеги, растирая на ладони комки земли, расспрашивал о здешнем климате, но сам предпочитал сохранять молчание.

Советские специалисты - чаеводы рассказали иностранцу, что, вопреки «теории», чайное растение хорошо принимается в Мегрелии, на бедной, подзолистой почве. Обычно несловo-

охотливый иностранец не выдержал и небрежно проронил:

— Ничего не выйдет!.. — и после небольшой паузы с подчеркнутой английской надменностью и самоуверенностью заявил: — Почва, на которой находится Зугдидская опытная станция, — низкого качества. Ее недостатки настолько сильно выражены, что я не решился бы занимать под чай большие площади с почвой такого типа.

Тогда иностранцев отвезли в окрестности Ингири, что неподалеку от районного центра, и сказали, что здесь предполагается заложить чайный совхоз. Доктор Манн отрицательно отозвался и о почвах этого участка и советовал воздержаться от «затеи» с чаем. Но, как известно, советские специалисты не послушались этих «советов», и теперь Ингирский совхоз — одно из лучших чайных хозяйств в республике.

Молодые советские чаеводы, охваченные стремлением научиться выращивать чайный куст и прекратить ввоз чая из-за границы, не согласились с доводами английских специалистов и показали им плантации Ксении Сарсания в колхозе «Ингири», где она еще тогда собирала по 4.000—5.000 килограммов с гектара.

В своем благородном стремлении советские чаеводы, вопреки слепому английскому раболепию перед догмами науки, упорно и настойчиво осуществляли задуманное. Глубокое изучение субтропиков позволило советским ученым определить характерные особенности зугдидских почв и наметить пути их улучшения.

Многое сделала для этого в частности научный работник Зугдидского филиала Анасеульского научно-исследовательского института чая и субтропических культур, ныне кандидат сельскохозяйственных наук, Нина Калистратовна Дгебуадзе. Благодаря предложенному ею способу удобрения почвы калием, урожайность чайных плантаций повысилась на 20 процентов.

Сейчас зугдидские почвы дают высокие, нередко рекордные урожаи чайного листа. Характерно, что колхоз села Ахали Сопели ежегодно получает со своих плантаций, расположенных в нескольких километрах от Зугдидского филиала, по 5 — 6 тонн чайного листа с гектара.

Разве мало значит и тот факт, что именно здесь, на признанных иностранцами непригодными подзолах, Ксения Сарсания установила мировой рекорд сбора чая. Она ежегодно собирает с закрепленного за ней участка в 0,8 га не менее 12—16 тонн чайного листа. Таким образом рядовая колхозница открыла путь к небывало высоким, не виданным нигде за рубежом урожаям. Наше правительство по заслугам удостоило ее за это званий Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии.

* * *

Расширение границ советских субтропиков на этом не останавливается. Постепенно промышленная культура чая из Грузии продвигается на север.

В магазинах на пакетиках с чаем мы читаем: «грузинский», «азербайджанский», «краснодарский». Эти названия говорят о том, что, благодаря работе советских ботаников и агрономов, посевы чая продвигаются с Черноморского побережья Грузии в предгорные районы Кавказа. Чайные плантации перебрались через горы на Кубань и даже в Крым. В Армянском районе Краснодарского края сейчас находится самая северная в мире плантация чая. Чайные кусты выдерживают под снегом морозы в 35 градусов. «Северный чай» хорошо растет на северных склонах Кавказского хребта и в предгорных районах Кубани.

И все-таки осуществление намеченного роста чайного хозяйства связано с большими трудностями. Производство чая в нужном для страны количестве потребует огромной армии сборщиков листа. Уже сейчас в чаеводческих колхозах и совхозах в период сбора чувствуется большая

нехватка рабочих рук, а что же будет дальше? Ведь сбор сырья будет возрастать с каждым годом и за ближайшее десятилетие должен быть удвоен. Дополнительной рабочей силы ждать неоткуда. Значит, «гвоздь» решения чайной проблемы — в механизации всех трудоемких процессов возделывания чая.

Наши специалисты ведут в этом направлении серьезную работу, они сконструировали замечательные машины для обработки почвы, подрезки и лечения чайных кустов. Эти машины позволяют механизировать такие трудоемкие процессы чаеводства, как культивация почвы в междурядьях, внесение удобрений, формовка кустов, борьба с вредителями. Сейчас часть работ на плантациях, особенно в низменной зоне, механизирована. Но чаеводы озабочены тем, чтобы наша промышленность обеспечила их машинами повсеместно и в нужном количестве: пока что машины поступают на плантации в «аптекарских дозах». Чаеводы вправе надеяться, что Министерство сельского хозяйства и Совнархоз Грузинской ССР без промедления наладят массовый выпуск машин для комплексной механизации чаеводства. Значение этой задачи характеризуют такие цифры: машинная подрезка кустов по сравнению с ручной экономит на каждом гектаре двадцать человеко-дней; на ручном четырехкратном мотыжении междурядий одного гектара плантаций затрачивается свыше пятидесяти человеко-дней, а при выполнении этой работы с помощью новых самоходных машин (с последующей ручной обработкой почвы в рядах) — в три раза меньше. Грузинские колхозы от широкого применения машин в чаеводстве смогут экономить свыше 7.000.000 человеко-дней в год; эта цифра прозвучит особенно внушительно, если указать, что в 1957 году на производство чайного листа во всех колхозах республики было затрачено 9.690.300 трудодней. Вот где сила механизации!

И самым важным, самым главным для решения чайной проблемы является механизация сбора листа, как наиболее трудоемкого процесса, поглощающего до 60 процентов труда, затрачиваемого на возделывание зеленого сырья. Сейчас решается и эта задача: машина для сбора листа уже создана. В сезон 1958 года на наши плантации выйдет первая партия этих чудесных машин, которые будут «выбирать» из общей массы листьев их «лучшую» десятую часть — верхушечные побеги в нужной стадии зрелости.

...Между ровными рядами чайных кустов неторопливо, спокойно и размеренно движется машина, похожая издалека на комбайн. По поверхности кустов плавно скользит дугообразная гребенка, захватывая обильные флеши. То и дело, через каждый час приходится опорожнять приделанный к машине вместительный бункер. Чаеуборочная машина! Люди веками мечтали об облегчении тяжелого труда сборщиков чайного листа, однако никому не удавалось решить эту проблему. В Англии десятки лет бились над созданием чаеуборочной машины, но безуспешно.

Чайные плантации — это ведь не ровное пшеничное поле, где комбайн срезает прямые стебли. Под выражением «сбор листа» в чаеводстве понимается сбор не всяких листьев, а только верхушечных частей молодого прироста. На квадратном метре чайного куста 3.000—4.000 листьев, а годных для сбора лишь 300 — 400!

Вот почему чаеуборочная машина должна «видеть» и «осязать» только подошедшие листья, производить выборочный сбор. Советские конструкторы нашли оригинальное решение этой задачи: созданная ими машина как бы «чувствует», какой лист сорвать, какой оставить. Придумали эту «умную» машину работники Грузинского государственного специального конструкторского бюро.

Но прежде, чем заводы сельскохозяйственного машиностроения начнут выпуск новой машины, она проходит длительную и всестороннюю проверку на базе Грузинской зональ-

ной машиноиспытательной станции Министерства сельского хозяйства СССР в Лайтурском чайном совхозе. Специалисты придирчиво «экзаменуют» машину, всесторонне проверяют ее в сложных и разнообразных условиях работы.

Много бессонных ночей пришлось провести конструкторам, прежде чем им удалось создать механический сборщик чайного листа и довести его до государственных испытаний. Не все давалось сразу, упорные искания не всегда получали поддержку. Были среди руководителей и такие, которые не понимали, какой переворот в чайном хозяйстве может совершить внедрение техники. Одни не верили в возможность создания чаеуборочной машины, считая это фантастичным, пренебрежительно называли первый образец машины «косилкой», другие считали машину ненужной затеей и если открыто не выступали против нее, то фактически мешали конструкторам, всячески охаивали их большую работу.

Но советские конструкторы, смелые мечтатели-новаторы, непримиримые враги застоя, не отступали, продолжая упорно изыскивать пути, позволяющие создать машину, которая собирала бы только нежные флеши и не повредила бы оставшиеся на кусте листья.

И вот плод многолетней работы конструкторов перед нами: машина собирает чайный лист.

Как решена эта, казалось бы, неразрешимая задача?

Дугообразная гребенка, осуществляющая сбор, состоит из ряда небольших подвижных и неподвижных пластинок, выполняющих функции пальцев. Подвижные «пальцы» совершают гармонические колебания между неподвижными «пальцами», прощупывая и сламывая своими эластичными резиновыми плавниками нежные побеги.

Каким же образом механические «пальцы» прощупывают, выбирают из огромной массы на первый взгляд однородных побегов — недозревших, полнозрелых, огрубевших и грубых — только полнозрелые побеги, годные для получения качественного чая? Эластичные плавники подвижных «пальцев» подобраны таким образом, что при зажиме огрубевшего побега между резиновыми и неподвижными «пальцами» происходит смятие плавников, и побеги не сламываются. Не сламывается и недозрелый побег — расстояние между неподвижными «пальцами» такое, что в этом случае зажим, и, следовательно, сламывание не происходит. Когда же «пальцы» зажимают хрупкий полнозрелый побег, плавники не сминаются и сламывают его. Но механические пальцы «выбирают» подошедшие флеши не только с самой поверхности чайного куста. Ведь побеги растут и в глубине кустов, и их тоже надо собрать. Конструкторы учли это. Благодаря своему расположению, «пальцы» прощупывают кусты на глубине, собирая подошедшие побеги и здесь.

Это еще не все. Побеги надо быстро, но бережно, без малейшего повреждения подобрать и перенести в бункер. И здесь человека заменил пневматический транспортер, установленный над уборочной гребенкой. Как и сламывающий аппарат, он совершенно новой конструкции. Подсасываемые им флеши прилипают к сеточному транспортеру, с которого они воздушным потоком доставляются в бункер...

Так смелая новаторская мысль советских конструкторов заставила металлические и резиновые части машины выбирать годные к переработке побеги, деликатно, бережно обращаться с живыми растениями, с нежными чайными флешами.

Но успех этот пришел не сразу. Конструкторы покажут вам десятки образцов созданных ими механических пальцев, из которых нужно было подобрать такие, которые обладали бы не только «осязанием», но и способностью «видеть», выбирать. Для этого нужно было долго и основательно изучать физико-механические свойства чайных флешей,

чтобы придать эластичным пальцам требуемую упругость.

Новая машина обеспечивает сбор не всякого, а только сортового чайного листа. Обслуживаемая двумя человеками, она выполняет работу 30—40 сборщиков. При этом качество листа не уступает качеству листа, собранного руками.

В дни нашего пребывания в Лайтурском совхозе соседнее село посетила гостившая в СССР делегация китайских крестьян. У председателя натанебского колхоза Гиви Цитлидзе было что показать гостям, о чем рассказать им.

— У нас многоотраслевое хозяйство, — сказал он. — Но вас, наверное, больше всего интересует чай.

Китайских крестьян привели в восхищение любовно возделанные чайные кусты, старательный, умелый труд сборщиц.

— Нашим крестьянам, — заявил председатель кооператива из деревни Люйцзяцзо Ли Хан-би, — нужно многому поучиться у грузинских чаеводов.

На плантации гости познакомились с депутатом Верховного Совета Грузинской ССР колхозницей Дареджан Такидзе.

— Сейчас, — рассказывала гостям Дареджан, — наш колхоз получает с каждого гектара 5.000 килограммов зеленого чайного листа. Скоро к нам на плантации придут машины, с помощью которых мы будем собирать чайный лист, и тогда урожайность возрастет еще больше, а значит — и доходы колхоза увеличатся.

— Машина для сбора чая? — удивились гости.

— Да. Грузинские конструкторы уже создали такую машину. Сейчас она проходит испытания. Таких машин, насколько я знаю, в зарубежных странах нет.

— Значит, и у нас будет чаеуборочная машина, — произнес, улыбаясь, Ли Хан-би. — Советские друзья позаботятся об этом.

—Правильно, будет и у вас чаеуборочная машина. А как же иначе! — ответила Дареджан.

* * *

Лайтурский чайный совхоз, в котором находится полевая экспериментальная база Специального конструкторского бюро, — это своеобразная лаборатория, где проходят производственные испытания различные машины и механизмы для чайного хозяйства. Недавно здесь была смонтирована первая канатная дорога для транспортировки чайного листа с плантаций на фабрики.

Как известно, перевозка чайного листа с плантаций на фабрики осуществляется, главным образом, на автомашинах. Но такая транспортировка уже не удовлетворяет нашу чайную промышленность. За время перевозки лист зачастую теряет в качестве. Чем быстрее свежесобранный лист будет доставлен на фабрики, тем больше гарантий для выпуска высококачественной готовой продукции. Есть и другой серьезный недочет в существующей ныне системе транспортировки листа. Автомашины нередко подходят к фабрикам почти одновременно, «пачками». Создается чрезмерное накопление сырья, нарушается ритм работы предприятий. И в конечном счете — опять потери качества. К этому надо добавить и низкий коэффициент использования машин: нередко они приходят недогруженными.

Общая протяженность канатной дороги, действующей в Лайтурском чайном совхозе, — около одиннадцати километров. Начинаясь на самых дальних плантациях совхоза, канатная дорога кончается прямо в корпусе чайной фабрики. Это — одноканатная дорога. Канат здесь является и несущим и тяговым. К нему прикрепляются крюки, на которые сборщик подвешивает — прямо на плантациях — корзину с чаем. При этом подвешивание корзин производится при непрерывном движении каната. А движется он со скоростью одного метра в секунду. Таким образом, как только корзина наполнится листом, сборщик может тотчас же отправить ее на фабрику, и через са-

мое короткое время она уже разгружается в приемочном пункте предприятия. Для обслуживания дороги требуется всего один — два механика и столько же обходчиков.

* * *

Зеленая лента Черноморского побережья Аджарии коротка, но добрая слава этого самого южного уголка Советского Черноморья широко известна. Есть в этом чудесном крае замечательное место — поселок Чаква, родина советского чая. Так называют Чакву не потому, что семьдесят лет назад здесь была заложена первая в нашей стране чайная плантация. Причина широкой популярности этого поселка в том, что в нем в наши дни была одержана большая творческая победа советских чаеводов — выведены первые в мире устойчивые гибридные сорта чая, затмившие всех своих предков урожайностью и качеством листа. Героиня этой победы — Ксения Ермолаевна Бахтадзе.

Люди возделывают культуру чая более трех тысячелетий. В разное время, в разных уголках мира они пробовали скрещивать цветки двух сортов, пытаясь вывести третий, улучшенный сорт. Больше пятидесяти лет терпеливо искали решения этой задачи ученые-чаеводы Цейлона и Явы, руководствующиеся положениями буржуазной науки о наследственности — генетикой Вейсмана — Моргана. Они ставили десятки, сотни, тысячи самых тщательных опытов, и все эти опыты давали результаты до того противоречивые, что даже у самых упорных исследователей опускались руки. Гибрид получался, но не получалось сорта: «дети» упорно не желали быть похожими на «родителей», «внуки» — на «дедов». Проблема казалась неразрешимой.

Советский ученый Ксения Бахтадзе, опираясь на передовое мичуринское учение, в итоге двух десятилетий неустанного творческого труда нашла тайну селекции чая, омолодила, если так можно выразиться, это древнее растение...

Это трудное дело требовало бесконечных исканий, терпения, упорства. На старой семенной плантации пестрели разновидности индийского и китайского чая, каждый со своими достоинствами и недостатками. Были здесь растения с высоким качеством листа, но малоурожайные, были урожайные, но неморозостойкие, были относительно морозостойкие, но с низким качеством листа.

Перед молодым агрономом стояла задача: вывести на их основе новый сорт — со всеми достоинствами «родителей» и по возможности без их недостатков, сорт высокоурожайный, зимостойкий, с отличными вкусовыми качествами.

Ксения Бахтадзе с увлечением принялась за работу.

Искусно отбирая лучшие экземпляры исходных родительских растений, подбирая для гибридных сеянцев соответствующую почву, удобрения, температуру и влажность воздуха, она добивалась от нового сорта яркого проявления желаемых качеств и таким же направленным «воспитанием» закрепляла эти качества во многих поколениях. Работа продолжалась до тех пор, пока не получался сорт со стойкими закрепленными свойствами «родителей» и своими собственными новыми качествами. Так были выведены первые советские селекционные сорта чая — «Грузинский № 1» и «Грузинский № 2».

Тому, кто бывал в субтропических районах Грузии, вероятно, довелось видеть на новых плантациях чайные растения селекционных сортов. Это высокие кусты с густой зеленой листвой, отливающей глянцем. По урожайности они на 30 — 35 процентов превосходят обычный чай, отличаются более высоким содержанием танина и экстрактивных веществ. Такой чай собирать удобнее и быстрее: чтобы собрать килограмм листа с обыкновенных кустов, сборщице нужно сделать 2.500—3.000 срывов,

а с крупнолистых селекционных — только 1.500 — 1.700.

Эти сорта чая были предназначены для южных субтропических районов республики. Сейчас они переданы в сельскохозяйственное производство, занимают в колхозах и совхозах десятки гектаров и выращиваются одновременно для получения семян и листа. Это значит, что в ближайшие годы появятся сотни и тысячи гектаров высокосортных улучшенных плантаций, и урожай широколистого грузинского чая вольется в общий поток продукции грузинских чаеводов.

Партия и правительство решили продвинуть чайное растение за пределы Грузии, создать большие промышленные плантации в других районах страны. Этот новый этап борьбы за селекционный чай возглавляет чаевод-селекционер Ксения Бахтадзе.

Во многих пунктах страны — в Азербайджане и Краснодарском крае — заложены опытные чайные плантации. Во всех этих пунктах Ксения Ермолаевна имеет помощников, часто навещает своих зеленых питомцев, непосредственно руководя работой по созданию сортов чая с повышенной морозостойкостью и устойчивостью против летней засухи...

Каковы же первые результаты работы по расширению границ чаеводства в СССР?

Ответ на этот вопрос мы услышали в Чакве, в утопающем в субтропической зелени белом двухэтажном здании филиала Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур. Заместителем директора здесь работает академик, лауреат Сталинской премии Ксения Ермолаевна Бахтадзе. Она охотно рассказывает о том, что для новых чаеводческих районов страны в институте уже созданы сорта чая под номерами 3 — 12. Сейчас эти зимостойкие гибриды проходят государственные испытания. Предварительные итоги говорят о новой большой удаче ученого-новатора.

Но Ксения Бахтадзе этим еще не удовлетворена. В творческих планах этой энергичной женщины с горячей душой и несгибаемой волей — улучшение качества чая, выведение морозостойких сортов цитрусовых.

* * *

В дни сбора урожая с утра до вечера от чайных плантаций по шоссейным и проселочным дорогам несутся машины с «зеленым золотом», как называют у нас чайный лист, приносящий колхозам миллионные доходы. Долог путь нежного свежего листка до бумажного пакетика с этикеткой.

Сорванный проворными руками сборщицы лист нужно подвергнуть сложной переработке, чтобы получить тот продукт, который мы употребляем для настоя.

Чай, который мы обычно пьем, именуется «байховым» — от слова «байхоа» («белая ресничка»), как называют китайцы серебристые ворсинки, покрывающие нижнюю поверхность самых молодых листочков. Из этих листочков изготовляются наиболее вкусные и ароматные сорта чая. Однако в обиходной терминологии слово «байховый» давно потеряло свой первоначальный смысл, и теперь так называют все сыпучие чаи в отличие от прессованных — плиточных.

Кроме распространенного у нас черного байхового чая, фабрики вырабатывают еще зеленый байховый чай, зеленый кирпичный, черный плиточный и зеленый плиточный. В зеленом байховом чае танина значительно больше, чем в черном, и действие его выражено сильнее. Зеленый байховый чай имеет приятный вкус и тонкий аромат, прекрасно освежает и утоляет жажду. В напитке из зеленого байхового чая содержатся вещества: танин, кофеин, витамины «С», «В» и «Р», которые благотворно действуют на организм человека, повышая его жизнедеятельность.

Переработка зеленого листа производится на специальных чайных фабриках. Количество этих фабрик в Грузии, в связи с ростом площадей и повышением урожайности плантаций, ежегодно увеличивается. Сейчас их насчитывается шестьдесят семь. Это — окруженные сплошными чайными плантациями крупные первоклассные предприятия, на которых основные процессы работы механизированы. Чайные фабрики оснащены новейшими сложными машинами, производство которых успешно освоила наша промышленность, в частности, Тбилисский и Батумский машиностроительные заводы. Общая мощность фабрик выросла за послевоенные годы более чем в два с половиной раза.

В центре внимания работников чайной промышленности Грузии — борьба за повышение качества грузинского чая. Используя накопленный годами богатый опыт, рабочие, работницы, инженерно-технические работники чайных фабрик добиваются неуклонного увеличения удельного веса высших сортов в продукции чайных фабрик.

Как же из зеленого листа получается вкусный и ароматный напиток, который мы так любим?

Поступившие на фабрику молодые чайные листочки подвергаются сложной и длительной обработке. Прежде всего их завяливают: под действием горячего воздуха лист высыхает, теряет излишнюю влагу и делается более мягким и эластичным. Затем он проходит процесс скручивания и раздавливания на сложных машинах — роллерах. Полученная масса подвергается ферментации, в процессе которой и образуются элементы, определяющие товарные качества чая — его вкус, аромат, настой.

Один из последних этапов переработки листа — сушка. После пребывания в специальной печи, где температура все время находится на уровне 85 — 95°, лист становится «чаинкой», которая потом будет оседать на донышке чайника.

Но чай еще не готов. Впереди — сложные процессы купажа (смешивания), сортировки, подбора однородных по аромату, настою и вкусовым качествам сортов.

При выработке зеленого байхового чая лист не подвергают завяливанию и ферментации, как черный байховый чай, а только пропаривают, подсушивают, скручивают, снова сушат и сортируют.

Для расфасовки в специальных ящиках полуфабрикат отгружается на чаеразвесочные фабрики. Такие фабрики имеются в Москве, Рязани, Тбилиси, Одессе, Иркутске, Владивостоке, Уфе, Алма-Ате, Самарканде и Баку. Здесь разные чаи смешивают по специальным рецептам, развешивают на чаеупаковочных автоматах по 25, 50, 100 и 200 граммов и рассылают по всей стране в изящных коробках, баночках, чайницах со знакомой этикеткой «Грузинский чай».

Чай с этой этикеткой пользуется заслуженным признанием советского потребителя. Особенно высоким качеством отличаются «Букет Грузии» и высшие сорта грузинского чая, вырабатываемые из наиболее нежного молодого листа и почек. У них тонкий, нежный аромат, очень приятный, несколько терпкий вкус, яркий, прозрачный настой...

Чай — поистине чудесный напиток. Подаренный нам когда-то народом Китая, он служит живым напоминанием о той братской дружбе, которая навеки спаяла трудящихся Советского Союза с народом нашего великого восточного соседа.

Шалва Абхаидзе

Оглядываясь на пройденный путь...

(Краткий обзор грузинской советской драматургии)

Грузинский театр прошел большой и сложный путь. Носитель передовых общественных и художественных традиций, он к моменту установления Советской власти в Грузии переживал глубокий кризис, вызванный, прежде всего, отсутствием идейно-насыщенных и художественно совершенных пьес.

Возрождение грузинского театра, начатое выдающимся режиссером и театральным деятелем К. Марджанишвили, определило, естественно, и зарождение оригинальной грузинской советской драматургии, ибо вне национальной драматургии не мог расти и развиваться национальный грузинский театр.

В первой оригинальной грузинской советской комедии «Дезертирка» Н. Азиани нарисовал крушение старого строя и людей, отживших свой век, — последышей дворянско-княжеского общества, буржуазной интеллигенции и царских чиновников. Комедия зло высмеивала врагов, объятых звериным страхом перед рабочим классом, взявшим власть в свои крепкие руки. В комедии, правда, отсутствовали герои новой советской закалки, которые олицетворяли бы революционную действительность, но, как первая проба, эта пьеса сыграла свою роль, особенно в обличении представителей отживающего мира.

Одним из зачинателей грузинской советской драматургии является известный драматург и общественный деятель Ш. Дадиани, постановка первой комедии которого «Прямо в сердце» была блестяще осуществлена К. Марджанишвили.

В этой комедии Ш. Дадиани, автор многих популярных пьес, выступил как смелый обличитель пережитков старого, людей вчерашнего дня, закоренелых бюрократов и болтунов. Автор сорвал маски с примазавшихся к новому строю приспособленцев и показал их моральное ничтожество. Драматург зло высмеял всех этих склочников и тунеядцев, потерявших человеческий облик.

Ш. Дадиани в своей первой советской комедии выступил как непримиримый враг всего того косного, отсталого, что мешало строительству новой жизни. Но нужно заметить, что высмеивая, отрицая отжившие свой век устои жизни, автор, к сожалению, не поставил перед собой цели показать те новые отношения, которые только что зародились в нашей общественной жизни. В этой интересной по замыслу комедии оказалось слишком мало света и почти отсутствовала та борьба света с тьмой, которая еще больше усиливает красоту и художественную ценность произведения. Отсутствие позитивных сторон новой жизни — это черта, которая вообще характерна для первых оригинальных советских пьес грузинских драматургов.

В эти же годы написано одно из лучших драматических произведений тех лет — комедия П. Какабадзе «Кваркваре Тутабери», которая вошла в золотой фонд грузинской драматургии.

Автор комедии П. Какабадзе — один из выдающихся представителей грузинской советской драматургии, мастер острого диалога, — обратившись к сокровищнице народного творчества, умело использовал фольклорный материал и на его основе создал образ Кваркваре Тутабери, образ пройдохи, который волей случая оказался в центре развернувшихся событий.

Сюжет пьесы построен, казалось бы, на недоразумении: еще во времена царского самодержавия вместо видного революционера был арестован по ошибке Кваркваре Тутабери. В период Февральской революции, в годы господства меньшевиков хитрый, дошлый Тутабери использует это обстоятельство, притворяясь пострадавшим якобы за революционную работу. Выйдя из тюрьмы, уже в дни господства меньшевиков он с молниеносной быстротой делает блестящую карьеру — оказывается на самой вершине власти. Но после установления Советской власти в Грузии Кваркваре Тутабери и подобные ему карьеристы теряют под ногами почву. Народ срывает маску с этого бездельника, хитрого врага.

В образе Кваркваре Тутабери П. Какабадзе дал острую критику меньшевистской власти, создал типический образ карьериста и бездельника, который не может долго преуспевать в условиях народной власти. Комедия «Кваркваре Тутабери» была крупным и знаменательным успехом грузинской комедиографии.

Пьеса эта отличается богатством комедийных ситуаций, мастерски построенным диалогом, плавно и свободно развивающимся сюжетом и ярко нарисованными характерами действующих лиц. Она и по сей день не сходит со сцены грузинского театра. Примечательно, что само имя Кваркваре Тутабери сделалось нарицательным.

Итак, грузинская советская драматургия свое развитие начала с комедий «Дезертирка» Н. Азиани, «Прямо в сердце» Ш. Дадиани и «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе. Эти первенцы грузинской советской драматургии отрицали и разоблачали пороки старого, уходящего в прошлое мира, людей, отживших свой век, но пытающихся примазаться к Советской власти, карьеристов и бюрократов, последышей разгромленных реакционных сил, которые мешали построению нового, социалистического общества.

Но следует еще раз сказать, что выведенные в этих комедиях положительные герои были во многом схематичны, им, порой, не хватало крови и плоти и, естественно, они оказывались лишенными подлинной притягательной силы и не могли по-настоящему воздействовать на формирование эстетических вкусов нового зрителя. В названных комедиях, как и в комедии драматурга Ионы Вакели «Апракуне Чимчимели», упор делался в сторону отрицательных явлений действительности, а героическим подвигам людей, только что вышедшим на арену общественной жизни, уделялось недостаточно внимания.

И все-таки именно этим комедиям выпала честь наметить во многом общие линии развития грузинской советской комедии. Не случайно грузинская сцена обращается к ним и поныне. «Прямо в сердце» Ш. Дадиани, недавно восстановленная на грузинской сцене в постановке основоположника грузинского советского театра Котэ Марджанишвили, вновь

прозвучала как острая сатира, зло бичующая бюрократов. То же самое следует сказать и о комедии «Апракуне Чимчимели» И. Вакели, которая в переработанном виде заняла прочное место в современном репертуаре грузинского театра.

Работая над названными комедиями, грузинские драматурги одновременно делают первые, хотя еще и робкие шаги в деле создания пьес на историко-революционные темы. Молодые авторы ставят своей целью создание образов положительных героев, высоко несших знамя борьбы за свержение темного старого мира и установление нового, социалистического строя, свободного от эксплуатации. В этих пьесах была сделана попытка нарисовать образы созидателей нового общества, формировавшегося в острых социальных боях. Мы имеем в виду первые драмы тогда молодого поэта Карло Каладзе — «Хатидже» и «Как?», тогда молодого прозаика Д. Шенгелая — «Белые» и др. В них чувствовалось свежее дыхание нового, проникающего во все сферы нашей жизни, чувствовалась острая борьба нового мира со старым. Авторы указанных — да и многих других появившихся в те же годы — пьес были захвачены одним стремлением: заглянуть в глубь развернувшихся исторических событий и, став на уровень этих событий, нарисовать портреты новых людей, вышедших из гущи народа. Поэтому можно сказать, что проблема положительного героя в грузинской советской драматургии была поставлена уже в пьесах, появившихся на самой заре ее развития.

Грузинская советская драматургия прошла те же этапы, что и вся грузинская литература. Она стремилась отразить те переломные моменты, те сдвиги, которые происходили в процессе построения социалистического общества, в строительстве социализма.

Одним из таких этапов, знаменующих глубокий перелом в нашем обществе, была социалистическая реконструкция сельского хозяйства, коллективизация деревни. Понятно, что драматургия не могла пройти мимо такой актуальной, ставшей в порядок дня темы, какой была коренная перестройка деревни. Грузинская советская драматургия вовремя откликнулась на это историческое событие. Видный грузинский поэт А. Мирцхулава (А. Машашвили) создал первую пьесу на колхозную тему — «Тревога». Поэт П. Самсонидзе на ту же тему написал пьесу «Обруч». В ней были нарисованы образы не только тунеядцев, лентяев, двурушников и явных врагов колхозного строя, но — и это главное — привлекательные образы колхозников, которые честным трудом пробивали дорогу новой жизни.

К. Каладзе, Д. Шенгелая, А. Мирцхулава, П. Самсонидзе и другие впервые пробовали свои силы в драматургии. Их поиски оказались плодотворными — эти писатели, безусловно, сыграли свою положительную роль в создании молодой грузинской советской драматургии. Их пьесы воспитывали у зрителя социалистическое сознание, творческое отношение к труду. Большой заслугой первых грузинских советских драматургов, повторяем, было то, что они вовремя откликались на животрепещущие вопросы, поставленные действительностью, что они шли по живым следам событий.

В эти же горячие годы свой вклад в дело развития оригинальной драматургии внесли писатели А. Кутатели, написавший пьесу «Полночь прошла», и драматург Г. Бухникашвили, создавший несколько пьес агитационного характера.

В развитии грузинской советской драматургии почетное место занимает крупный драматург, представитель старшего поколения литераторов — С. Шаншиашвили. Ему принадлежит большая заслуга в деле возрождения и дальнейшего формирования грузинского советского театра. С. Шаншиашвили своими пьесами обогатил репертуар грузинского театра. Одна из его пьес — «Анзор» была создана им по мотивам драмы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». С. Шаншиашвили перенес действие пьесы в Дагестан, в соответствии с этим несколько изменив и характеры героев. Пьеса была насыщена большим революционным пафосом, боевым темпераментом. Она отображала волнующие

картины гражданской войны, развернувшейся на Северном Кавказе, утверждала ленинские принципы нерушимого союза между рабочим классом и крестьянством. Пьеса «Анзор» стала этапной пьесой для грузинской драматургии, она сыграла большую роль в становлении и укреплении позиций грузинского советского театрального искусства.

Необходимо упомянуть и о другой пьесе С. Шаншиашвили, написанной им в тридцатых годах. Пьеса «Трое», о которой идет речь, в смысле драматургического мастерства, развития характеров действующих лиц, не выделялась высокими качествами. Но она представляла интерес по своему тематическому размаху. Средствами сценического искусства она пропагандировала идею незыблемой дружбы между азербайджанским, армянским и грузинским народами. Пьеса призывала зрителя к преодолению той национальной розни, которую в прошлом разжигали царизм и буржуазные партии Закавказья. На долю спектакля, созданного по этой пьесе театром имени Руставели, выпал большой успех.

Тематическому и жанровому обогащению грузинской драматургии тех лет (30-е годы) помогло и появление новой пьесы Ш. Дадиани «Тетнульд». В ней автор впервые попытался наметить пути создания грузинской советской трагедии.

В своей пьесе Ш. Дадиани запечатлел острую борьбу нового общественного строя со старыми представлениями, с патриархальным бытом. Автор исходил из верного положения о закономерностях развития общественного строя: в борьбе нового со старым побеждает новое, прогрессивное, именно те силы, которые двигают общество вперед, которые содействуют утверждению справедливых социальных взаимоотношений между людьми.

А старый быт, старые традиции наиболее устойчивыми в те годы были в отсталой в хозяйственном отношении Сванетии. Именно здесь, на фоне электрификации Сванетии, по мысли драматурга, борьба передового, прогрессивного с пережитками старого, с религиозными предрассудками должна была обрести наиболее четкие и острые очертания.

В своей пьесе автор вывел на сцену молодежь, символизирующую торжество света разума и торжество нового социального уклада в Сванетии. В пьесе были и персонажи, ярко олицетворяющие темные силы прошлого. Фанатики — защитники старого быта в своей борьбе с силами нового социального строя крепко цепляются за уходящее, хотя самим ходом истории оно обречено на неминуемую гибель.

Ш. Дадиани использовал в «Тетнульде» и приемы народного театрального искусства, с единственной целью — еще больше оттенить боевые черты советской молодежи, еще сильнее разоблачить и осмеять черные силы гибнущего прошлого.

Пьеса «Тетнульд», написанная рукой опытного писателя, все же не была лишена недостатков. В ней с большой убедительностью, яркими красками были нарисованы образы представителей старого мира, а положительные герои, несущие идеи перестройки края на новых социалистических началах, оказались сухими и схематичными.

* * *

С каждым годом в драматургию приходят все новые силы, приходят со своими темами, своими художественными средствами. Назовем поэта Г. Шатберашвили, написавшего пьесу «Враг», и С. Мтварадзе, автора пьесы «Буйный».

В своем драматическом произведении Г. Шатберашвили отразил тот этап в колхозном строительстве, когда кулаки стали прибегать к новым приемам борьбы против колхоза, когда они, замаскировавшись, начали вступать в колхозы с целью вредительства, намереваясь взорвать их изнутри. С. Мтварадзе действие своей пьесы развернул на фоне жизни животноводов. Однако свежесть и новизна темы, не могли сгладить тех художественных шероховатостей, которыми пьеса страдала.

Определяющими идеями грузинской классической драматургии всегда являлись идеи патриотизма,

идеи национально-освободительной борьбы против царского самодержавия, решение больших социальных вопросов.

Эти патриотические традиции в значительно углубленном и расширенном виде унаследовала и грузинская советская драматургия. В тридцатые годы появляются пьесы, решающие эти важнейшие вопросы на более высоком идейном уровне, — мы имеем в виду их политическую заостренность, верную интернациональную направленность. Одним из таких произведений была пьеса И. Вакели «Зависть», в которой автор разоблачает замаскировавшихся врагов и раскрывает глубокий патриотизм ученого, не щадящего своих сил в труде на благо Родины. В этой пьесе автор удачно проследил в прошлом тяжелый, но честный путь грузинской интеллигенции, путь, который привел ее к Советской власти.

Патриотическим звучанием отличалась и пьеса Г. Мдивани «Родина». Вторая его пьеса — «Альказар» была поставлена на сцене театра имени Руставели в 1937 году. Автор рассказал в ней о битвах, развернувшихся на полях демократической Испании, защита которой сделалась интернациональным долгом трудящихся всего мира. В пьесе были нарисованы живые эпизоды героической борьбы испанского народа за независимость и свободу своей родины. Она была пронизана боевым темпераментом, революционным пафосом и политической страстностью, чем окупались известные художественные просчеты автора, сказавшиеся в обрисовке характеров некоторых сценических образов. О большом политическом значении пьесы «Альказар» можно судить по телеграмме, полученной театром им. Руставели из осажденного фашистами Мадрида: «В критический момент, который сейчас переживает Испания, ваша телеграмма сочувствия (имеется в виду телеграмма, посланная театром им. Руставели в Мадрид — **Ш. А.**) доставляет нам величайшую моральную помощь, о которой мы никогда не забудем. Это поможет нам удвоить наши усилия в борьбе против фашизма и добиться победы, достойной идеалов нашего народа, идеалов, которые выражаются в пьесе и волнуют зрителей в том театре, о котором упомянуто в нашей телеграмме».

О новых путях и судьбах грузинской интеллигенции рассказал в своей пьесе «Их история» В. Габескирия. Автор познакомил зрителей с интересной биографией молодых специалистов, передовых представителей молодой интеллигенции, борющихся за внедрение в промышленность новой техники.

Так, шаг за шагом завоевывал почетное место в грузинской драматургии положительный герой, беззаветный борец за построение социализма в нашей стране, рядовой труженик. В драматургию вошла тема индустриализации, тема коренной перестройки страны, тема большого труда. Именно в этом плане следует рассмотреть драматическое произведение, созданное известным писателем С. Клдиашвили — «Поколение героев». Само название показывает, о ком идет в пьесе речь, чьи образы составляют ее идейный и драматургический стержень. Автор сосредоточивает внимание зрителей на важнейших вопросах укрепления политической бдительности в борьбе с коварными замыслами врагов. Но главное усилие автора — и это необходимо отметить — было направлено на отражение тех жизненных явлений, которые характеризовали действительность; его интересовал характер человека труда, изменяющего облик заболоченной Колхидской низменности и превращающего ее в цветущий сад. Пьеса «Поколение героев» была большой удачей грузинской драматургии тех лет и, несомненно, говорила о ее художественной зрелости.

В середине тридцатых годов грузинские драматурги все чаще обращаются к революционному прошлому своего народа. И знаменательно, что их внимание, в первую очередь, привлекают события большой революционной значимости, события, в которые были вовлечены широкие народные массы. Этим и объясняется большая популярность пьес, созданных на историко-революционные темы. Среди них, в первую очередь, следует отметить пьесу «Арсен» С. Шаншиашвили — произведение

глубоко народное, повествующее не только о судьбе отдельных героев, но и о судьбе целого народа, вовлеченного в борьбу с засилием феодальной знати и царским деспотизмом. В «Арсене» с большой силой зазвучала и идея вечной, нерушимой дружбы, связывающей русский и грузинский народы. Монументальность стиля, красочность отдельных характеров и целых сцен, стройное сюжетное построение, сочный язык и, что главное, широкий социальный размах сделали пьесу одним из достижений грузинской советской драматургии.

Среди исторических пьес, созданных драматургами республики в эти годы, особое место занимает пьеса Ш. Дадиани «Из искры...» Обратившись к революционному прошлому грузинского рабочего класса, автор в художественных образах раскрыл славные страницы революционной борьбы грузинского пролетариата, показал, как росли и закалялись в борьбе с самодержавием, с меньшевиками большевистские организации в Грузии, как сплачивал молодой Сталин рабочих-искровцев и вел их на борьбу против царизма. Вся пьеса проникнута пламенным дыханием современности, непосредственностью и живым ощущением славных революционных лет. Перед зрителями прошла целая галерея борцов за дело пролетариата, за дело раскрепощения народа от гнета самодержавия.

Были в пьесе и недостатки: она казалась излишне фрагментарной, представляла, скорее всего, сумму отдельных эпизодов без тесно связывающей их единой, цельной сюжетной линии. Но несмотря на это, она, безусловно сыграла весьма значительную роль и долгое время не сходила со сцены грузинского театра.

Из всех пьес рассматриваемого периода следует выделить также комедию талантливого комедиографа П. Какабадзе «Свадьба колхозника», которая запечатлела правдивую картину жизни колхозной деревни. Следует подчеркнуть, что «Свадьба колхозника» была первой комедией на колхозную тему, а потому по-своему новаторской. Она раскрыла новые творческие горизонты, новые возможности в создании образов положительных героев в жанре комедии. В центре действия автор поставил молодую колхозницу, которая своим трудом завоевала всеобщее уважение односельчан. Комедия построена на характерном для П. Какабадзе живом диалоге, изобилует остроумными выражениями. «Свадьба колхозника» — комедия большой мысли. Она по праву заняла прочное место в репертуаре грузинского театра и по сей день не сходит со сцены.

Многообразны не только жанры, но и темы грузинской советской драматургии тех лет. Она рисует советских людей в труде, в любви, в быту, обращается как к современной жизни народа, так и к его героическому прошлому. В этом смысле нельзя не отметить занявшую особое место в грузинской советской драматургии пьесу В. Дарасели «Киквидзе», тема которой взята из истории гражданской войны.

Сценический успех пьесы В. Дарасели был обусловлен несомненными художественными достоинствами произведения, написанного с большим творческим подъемом. Пьеса воскрешает в памяти зрителей славные страницы прошлого, рисует образ героя гражданской войны, славного сына грузинского народа комдива Киквидзе.

Пьеса «Киквидзе» сыграла большую роль в деле идейного воспитания нашей молодежи на боевых традициях прошлого.

Среди молодых писателей, пришедших в эти годы в драматургию, особое место принадлежит Г. Нахуцришвили, связавшему свою творческую судьбу с драматургией для детей. Талантливый писатель создал целый ряд пьес, которые и теперь волнуют наше подрастающее поколение. К числу таких пьес следует отнести «Ладо Кецховели», в которой автор воссоздал образ бесстрашного революционера, «Нацаркекия», «Комбле», «Ачакуне», выделяющиеся своей искренностью и глубиной чувства.

Обращаясь к прошлому, драматурги сосредоточивают свое внимание на наиболее ярких страницах истории народа, на тех событиях, которые наиболее полно отражали героический дух народа, его борьбу за свободу и независимость родины.

Вот почему можно сказать, что центральной фигурой исторических пьес этих лет сделался легендарный Георгий Саакадзе, покрытый ореолом славы народного героя. С. Шаншиашвили, И. Вакели и выдающийся актер грузинской сцены У. Чхеидзе почти одновременно создали пьесы под названием «Георгий Саакадзе». Все эти пьесы объединяет единая концепция, единое назначение: показать патриотический подъем грузинского народа в самые суровые моменты его истории, самоотверженную борьбу Г. Саакадзе и всего народа за свою свободу.

Так росла, зрела и мужала грузинская драматургия, росла в борьбе за показ нового советского человека, его высоких моральных качеств, его исторических свершений, за показ славного исторического прошлого народа, революционного движения широких народных масс. Появились героические драмы, веселые комедии, сатирические пьесы, в которых был запечатлен образ человека, в радостном свободном труде строящего социалистическое общество.

Началась Великая Отечественная война. В эти суровые годы, когда нашей Родине угрожала смертельная опасность, грузинская драматургия с еще большей силой определяет свою главную цель — служение народу, воспитание народа в духе патриотизма.

В пьесах, созданных в эти годы, еще ярче засияли образы советских людей, совершающих беспримерные подвиги на поле боя. В драматических произведениях, созданных во время Великой Отечественной войны, на первый план, естественно, были выдвинуты образы героев-фронтовиков, биографии которых, по сути дела, отражали жизнь всего народа. Эти пьесы воспевали храбрость и отвагу, моральную красоту советского человека, богатство его духовного мира.

Первым на тревожные орудийные залпы откликнулся писатель С. Клдиашвили. В своей пьесе «Олений овраг», действие которой развертывается на подступах к Кавказским горам, автор создал ряд образов защитников Кавказа, показывающих примеры героического служения родному народу.

На материале Отечественной войны три пьесы — «Батальон идет на запад», «Партизаны» и «Под небом Москвы» — написал Г. Мдивани. Г. Шатберашвили создает пьесу «Гора раздумий», поэт Карло Каладзе — пьесу «Комедия одной ночи», Г. Бердзенишвили — «Под тенью ивы», поэт И. Мосашвили — «Начальник станции».

Нельзя сказать, что все названные пьесы были безупречны в художественном отношении. Нет. Некоторые из них не смогли выдержать испытания временем и скоро сошли со сцены. Но даже учитывая это обстоятельство, следует указать, что грузинская драматургия в эти годы, безусловно, сыграла положительную роль в деле мобилизации народных масс вокруг неотложных требований военного времени. Она была верной помощницей Коммунистической партии. В этом — главная заслуга грузинской советской драматургии периода Великой Отечественной войны.

Некоторые драматурги в эти годы обратились к образам героев прошлого и создали пьесы, которые воскресили в памяти советских людей героические подвиги народных героев. В первую очередь следует отметить историческую пьесу С. Шаншиашвили «Крцанисские герои», в которой автор воскресил один из самых трагических эпизодов истории Грузии. В пьесе показано значение деятельности Ираклия II, в невероятно тяжелых условиях защищавшего честь и свободу Грузии. Мудрый государственный деятель Ираклий II находит единственно возможное решение будущей судьбы Грузии, соединив ее с судьбой России. Удачны нарисованные в пьесе образы представителей русского народа, которые вместе с грузинским войском сражались против врагов Грузии.

Другой пьесой, написанной на историческую тему, была пьеса А. Самсония «Багратиони». В своей драме автор воспроизвел эпизоды Отечественной войны 1812 года, в центре действия он поставил Бородинскую битву и ее героя — Багратиони. Автор сумел показать народный характер войны, подчеркнул стойкость и патриотизм русского народа. Сдержанными, но мужественными краска-

ми нарисован в пьесе образ Кутузова, образ, который в блестящем исполнении Ш. Гамбашидзе долго жил в памяти зрителей.

В эти же годы на сцене грузинского театра появилась историческая пьеса талантливого драматурга М. Джапаридзе «Дочь Жамтабери» — пьеса, написанная живым, колоритным языком, удачно воссоздающая образы представителей грузинского народа. Построенная на динамичном диалоге и пронизанная светлым юмором, она пользовалась неизменным успехом у зрителей.

Вслед за названными историческими пьесами появляется целый ряд других талантливо написанных драматических произведений, в которых нашло свое отражение прошлое народа. Среди них — историческая драма писателя Л. Готуа «Давид-Строитель», его же пьеса «Ираклий II» и другие.

Следует указать, что в послевоенные годы некоторые драматурги начали даже пренебрегать актуальными вопросами современности, почти перестали показывать действительность во всех ее проявлениях.

Постановление Центрального Комитета партии от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» оказало большое влияние на дальнейшее развитие грузинской советской драматургии. Положение после этого исторического постановления действительно изменилось. На первый план выдвигаются проблемы создания образа строителя коммунизма во всем богатстве его душевных качеств, темы советского патриотизма, советской семьи, советской молодежи, проблема показа людей в жизненных, а не выдуманных драматургом в тиши своего кабинета конфликтах.

Трудно найти в жизни грузинского народа событие большого общественного значения, которое не нашло бы отражения в драматическом искусстве. Драматурги живо откликнулись на призыв партии отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны.

Даже простое перечисление пьес, в которых ведущее место занимают художественные образы передовых советских людей, героев творческого труда, образы, в которых авторы стремились обобщить типические черты советского человека, даст возможность представить всю ту интенсивную творческую работу, которую проделали грузинские драматурги в послевоенный период.

На сценах грузинских театров появились пьесы «Потопленные камни», «Его звезда» и «Дорога будущего» И. Мосашвили, «Уча Учардия» В. Патарая, «Люди доброй воли» Г. Мдивани, «Кузница счастья» П. Какабадзе, «Сталь» И. Вакели, «Молодая учительница» Г. Келбакиани, «Маринэ» М. Бараташвили, «Очаг Харатели» и «Николоз Бараташвили» М. Мревлишвили, «Тростник на ветру» Г. Бердзенишвили, «Майя из Цхнети» В. Канделаки, а также историческая пьеса «Имеретинские ночи» С. Шаншиашвили и др.

К сожалению, не все драматурги сумели подняться на уровень требований советского народа. Многие авторы, желая внести свою посильную лепту в дело развития национальной драматургии, останавливали свое внимание не на существенных сторонах действительности, а на незначительных, преходящих, обедняя тем самым нашу действительность, образы героев. Положительные герои получались подчас схематичными, сухими, лишенными ярких жизненных красок. В центре внимания оказывались отрицательные персонажи. Во всяком случае, некоторые из названных пьес оказались настолько серыми, худосочными, лишенными художественного мастерства, что они скоро сошли с подмостков театра.

Но некоторые из перечисленных пьес заняли прочное место в репертуаре наших театров. Неизменным и вполне заслуженным успехом пользуются пьесы «Потопленные камни» И. Мосашвили, «Очаг Харатели» и «Николоз Бараташвили» М. Мревлишвили. Особая популярность выпала на долю комедии «Маринэ» М. Бараташвили. Ее успех

был обусловлен не только актуальностью темы, выразительностью характера героини комедии, но и тем, что автор показал жизнь во всех ее противоречиях, в борьбе нового со старым.

Из драматических произведений, пользующихся особой любовью зрителей, нельзя не назвать историческую пьесу В. Канделаки «Майя из Цхнети», насыщенную подлинным народным патриотизмом.

Пагубная теория бесконфликтности отрицательно сказалась и на развитии грузинской драматургии. Появились пьесы, лакирующие жизнь, игнорирующие существующие в жизни противоречия, трудности, конфликты, приукрашивающие нашу действительность. Потеряли привлекательность положительные герои, они оказались безжизненными рупорами прописных истин, лишенными крови и плоти. В некоторых пьесах, созданных в эти годы, не чувствовалось глубокого дыхания жизни. Партия вовремя обратила внимание на отставание от жизни литературы вообще и, в частности, драматургии. В приветствии ЦК КПСС II Всесоюзному съезду писателей обращалось внимание на необходимость повышения уровня художественного мастерства — с тем, чтобы в полной мере удовлетворить все возрастающие духовные запросы советских людей.

Драматурги Грузии создали целый ряд новых пьес. Вот далеко не полный список драматических произведений, появившихся в последние годы: «Незнакомая женщина» Г. Шатберашвили, «Деловой человек» И. Вакели, «Секретарь райкома» Р. Табукашвили, «У пропасти» В. Габескирия, «Лавина» М. Мревлишвили, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе, «Голос сердца» Г. Келбакиани, «Раненый орел» Г. Бердзенишвили, «Земляки» М. Джапаридзе.

Обращает на себя внимание тематическое разнообразие перечисленных пьес. Жизнь советской семьи, моральный облик советского человека, советский патриотизм, дружба народов, любовь, дружба, — вот вопросы, которые затронуты в названных пьесах.

Правда, по художественному уровню они весьма различны. Большинство из них были пьесами проходными, не оставившими сколько-нибудь заметного следа в нашей драматургии. Это и вынуждает нас констатировать тот факт, что драматургия, несмотря на значительное количество новых пьес, является сегодня самым отстающим участком грузинской литературы.

Драматургия последних лет зачастую ограничивается мелкими вопросами быта, редко поднимает коренные проблемы современности, волнующие наше общество. Герои таких пьес оказываются духовно обедненными. Часто у них отсутствуют сильные чувства, глубокие мысли. Появляются пьесы поверхностные, примитивные, рыхлые по композиционному построению. А нашего зрителя, в первую очередь, интересуют вопросы большого общественного звучания. Он хочет видеть на сцене людей глубоких чувств и смелых мечтаний, активных строителей коммунистического общества. Советский зритель хочет видеть на сцене подлинную правду нашей жизни, пьесы, верно передающие закономерности развития нашего общества.

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

«Перед вами, дорогие читатели, маленькая книжечка моей избранной лирики», — таким вступлением «От автора» открывается сборник стихотворений И. Гришашвили (Госиздат, Москва, 1957 г.), знакомящий читателей с лучшими образцами его творчества.

В книгу вошли как стихотворения, написанные на заре творческой деятельности поэта (1906-1917 г. г.), так и произведения, рожденные социалистической новью.

В сборнике широко представлена любовная лирика, стихотворения из цикла «Мой Тбилиси», рисующие картины жизни старого города и воспевающие сегодняшний день столицы социалистической Грузии. В книгу также включены циклы «Стихи для детей», «По мотивам Тбилисского фольклора».

Разумеется, речь идет не о всей драматургии последних лет. Некоторые пьесы, несмотря даже на имеющиеся в них художественные недочеты, завоевали популярность у зрителей.

Следует остановиться на пьесе талантливого драматурга М. Мревлишвили «Лавина». В ней имеются эпизоды, полные драматизма, ярко очерчены характеры некоторых действующих лиц и, в первую очередь, отрицательного героя. Несмотря на это, пьеса в нашей прессе получила отрицательную оценку. Почему это произошло? Потому, что в пьесе отчетливо ощущается смешение времени: отрицательный герой, который задает тон всей пьесе, продукт не современности, а тридцатых годов, когда шла коллективизация деревни. Да и тогда кулак не выступал так откровенно, он маскировался и действовал исподтишка. Увлекшись показом характера хитрого врага, автор не смог противопоставить ему сильного героя. Поэтому-то и парализуется острота конфликта, положенного в основу пьесы.

При всех достижениях и успехах грузинской советской драматургии, она все же, повторяем, в большом долгу у требовательного, политически и культурно выросшего за годы Советской власти зрителя. Наши драматурги должны быть ближе к жизни народа, быть с ним в постоянном контакте, глубже вникать в сложные процессы современности и, отбирая из нее самое существенное и важное, правдиво и убедительно решить проблему положительного героя, ибо только образ героя — творца коммунистического общества может до конца передать волнующую правду нашей жизни.

ВЫШЛИ К ЛЕКАДЕ

Новеллы абхазского писателя Михаила Лакербай предельно лаконичны. Две-три страницы, а иногда всего несколько строчек скупого текста— и перед читателем раскрываются обычаи и традиции абхазского народа, его глубокие чувства и ясная мудрость.

«Есть такое абхазское слово — «аламыс»; оно много говорит сердцу абхазца... Верность родине, бескорыстная дружба, сострадание к слабому, великодушие к поверженному—все это аламыс— честь и совесть человека... О душе народа, об аламысе я собрал эти устные рассказы, услышанные в разные годы»,—говорит М. Лакербай во вступлении «От автора» к своему сборнику «Абхазские новеллы», вышедшему недавно в переводе С. Трегуба в издательстве «Советский писатель».

В Брюссель, на Всемирную выставку

Беседа первого заместителя Председателя Совета Министров и министра иностранных дел Грузинской ССР М. И. Кучава с сотрудником „Литературной Грузии“

Всемирные выставки, на которых все страны демонстрируют свои научно-технические достижения, имеют больше чем вековую историю. Первая Всемирная выставка состоялась в 1851 году в Лондоне. 17 апреля этого года выставка откроется в тридцатый раз. Она будет происходить в Бельгии, в предместье Брюсселя Хейселе, в обширном живописном парке. Народы пяти континентов покажут на ней, каких успехов они достигли в области науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, культуры.

О масштабах выставки можно судить хотя бы по таким цифрам. Население Бельгии составляет, примерно, восемь с половиной миллионов человек. А на Всемирную выставку, которая откроется в ее столице, съедется 50 миллионов посетителей—в шесть раз больше, чем жителей во всей Бельгии.

Территория выставки огромна: она занимает двести гектаров. Эта площадь сейчас интенсивно оборудуется странами-участницами. Лучшие архитекторы мира, инженеры, садоводы принимают участие в строительстве павильонов и других помещений, в декоративном оформлении. Сейчас, когда эта подготовка подходит к концу, можно с уверенностью сказать, что Всемирная брюссельская выставка будет грандиозной.

В одном из московских журналов заместитель Генерального комиссара Советской секции на Всемирной выставке в Брюсселе Я. А. Ломко привел такие данные. 23 года назад на происходившей в столице Бельгии Всемирной выставке участвовало 26 стран. Их павильоны разместились на 80 тысячах квадратных метров. В нынешней выставке участвует 50 государств и 7 крупных международных организаций (в том числе Организация Объединенных Наций). Площадь их павильонов чуть ли не вчетверо больше, чем на выставке 1935 года.

Устроители выставки решили расположить павильоны стран-участниц в соответствии с географической картой. Но эта идея претерпела некоторые изменения. По соседству с Советским Союзом, например, будут находиться не только граничащие с ним Чехословакия и Венгрия, но и США, Канада, Ватикан.

Ясно, что каждое государство стремится оборудовать отведенный ему участок как можно лучше. Павильон Франции воздвигается из стекла, его основание имеет форму кристалла. Павильон США будет «самым большим в мире круглым зданием», как описывает его американская печать.

Наш, советский павильон—это можно сказать, не боясь преувеличения,—будет одним из самых смелых и интересных по архитектурному замыслу сооружений.

Советский павильон строит бельгийская фирма Жильон под наблюдением наших специалистов. Проектировали его архитекторы Ю. Абрамов, А. Борецкий, В. Дубов, А. Полянский и инженеры Ю. Рацкевич и К. Васильева. Он привлечет внимание посетителей своим изяществом, кажущейся легкостью сооружений. Кажущейся потому, что на самом деле наш павильон очень внушителен. Его длина—150 метров, высота 22 метра. Можно представить себе, насколько это высокое здание, если обычный пятиэтажный жилой дом имеет высоту примерно, 16 метров. В павильоне всегда будет много солнца и света—они проникнут в помещение через стеклянные стены. А над главным входом будут возвышаться девятиметровый герб Советского Союза и скульптурная фигура основателя нашего великого государства Владимира Ильича Ленина.

В связи с предстоящим открытием тридцатой Всемирной выставки в Брюсселе сотрудник «Литературной Грузии» обратился к первому заместителю Председателя Совета Министров и министру иностранных дел Грузинской ССР Митрофану Ионовичу Кучава с просьбой ответить на следующие вопросы:

— Какое участие примет в работе выставки Грузия?

— Поедут ли в Брюссель представители нашей республики?

Вот что рассказал т. М. И. Кучава в беседе с нашим сотрудником.

— В советском павильоне посетители из всех стран мира познакомятся с громадными успехами, достигнутыми нашей Родиной за последние годы. Они воочию убедятся в том, к чему приводит творческое дерзание людей, свободных от эксплуатации, увидят подлинный расцвет науки и техники, культуры и искусства в нашей стране, познакомятся с жизнью народов, населяющих наше многонациональное государство. И конечно же, в числе экспонатов пятнадцати республик, представленных на Всемирной выставке, посетители увидят, чем богата Грузия, как расцвела она за годы Советской власти, как выросли ее экономика, культура, какими талантливыми мастерами она славится, какие золотые руки у ее умельцев.

Об этом расскажут многочисленные стенды, знакомящие с жизнью и бытом народов Советской страны, в этом убедят посетителей выставки экспонаты, которые Грузия направила в Брюссель.

К Всемирной выставке готовилось много предприятий нашей республики. Из них около тридцати принадлежат Совнархозу Грузии. Мы послали в Брюссель шелка лучшей выработки Тбилисской шелкоткацкой фабрики — крепдешин, креп-сатин, подкладочную материю. Шелка, направленные нами на Всемирную выставку, одноцветные, светлых тонов, на них нет узоров. Такие шелка считаются во всем мире «высшим шиком» — тут уж не прикроешь даже мельчайшего дефекта разрисованными цветочками.

Будет демонстрироваться на выставке и чаеуборочная машина. Ее сконструировали по проекту Грузинского специального конструкторского бюро по чаю мастера и инженеры Тбилисского машиностроительного завода имени 26 комиссаров. Это уникальная машина.

— Имеются ли такие машины в других странах?

— Вряд ли.

Все, чем богата наша республика, будет представлено на Брюссельской выставке.

Прежде всего, это чай. «Букет Грузии» «Экстра». Высшие сорта в жестяных чайницах и стеклянных сундучках. Первый и второй сорта в мягких и картонных упаковках. Чай зеленый байховый. Чай черный плиточный...

Это, затем — табачные изделия. Грузинский табак славится во всем мире, и на Всемирной выставке, надо полагать, он не уронит своей доброй славы. В Брюссель мы отправили продукцию Тбилисской табачной фабрики № 1 — папиросы «Грузия» и «Рекорд».

Изделия «Грузконсервтреста»: компоты, изготовленные из ткемали и очищенной груши, инжировый джем и инжировое варенье, мандариновый сок.

Минеральные воды: боржом, саирме, дзау-суар.

И, конечно, наши грузинские вина.

— Какие марки вин будут отправлены на выставку?

— «Цинандали», «Мукузани», «Телиани», «Гурджаани», «Тибаани», «Карданахи», «Анага»... Ассортимент, как видите, разнообразный. На выставку этих вин попадет ма-

ло — всего по несколько бутылок, и те будут фигурировать лишь как экспонаты. Но определить, каково наше вино на вкус, сумеют, пожалуй, многие.

— Видимо, в Брюссель отправят не только экспонаты?

— Совершенно верно. В советском павильоне будет открыт ресторан «Советская Россия». Он в состоянии вместить одновременно 150—200 человек. Здесь каждый, кто пожелает, сможет заказать себе блюдо национальной кухни различных народов СССР. Разумеется, не обойдется и без грузинских блюд. Готовить их поручат опытным специалистам.

Для ресторана «Советская Россия» уже отгружена партия грузинских марочных вин: 20 тысяч бутылок «Цинандали», 16 тысяч бутылок «Чхавери», по 10 тысяч «Хванчкары» и «Киндзмараули», по 8 тысяч — «Саперави» и «Тибаани», по 6 тысяч — «Гурджаани», «Телиани» и «Цоликаури». Отправлены и лучшие наши коньяки: по 2 тысячи бутылок «ОС» (коньяка, выдержанного свыше 10 лет), «КС» (выдержки 7 — 8 лет), коньяка пятилетней выдержки. Таким образом в ресторан «Советская Россия» послано 111 тысяч бутылок винно-коньячных изделий. Это составляет, примерно, 8.100 декалитров.

* * *

В Брюсселе, среди различных произведений изобразительного искусства, будут представлены лучшие работы грузинских живописцев, скульпторов, графиков: картина народного художника Грузии Уча Джапаридзе «Напутствие», графика художницы Д. Нодия, художника А. Бандзеладзе, скульптурный портрет, выполненный молодым скульптором К. Шилакадзе. Эти работы получили высокую оценку на Всесоюзной художественной выставке в Москве.

На выставке в Брюсселе будет исполнено несколько произведений композитора О. Тактакишвили и показаны кинокартины производства студии «Грузия-фильм» — «Заноза», «Стрекоза», «Лурджа Магданы».

Огромное панно, на котором изображена сцена из спектакля театра имени Руставели «Царь Эдип», фотоэкспозиция постановки оперы «Абесалом и Этери» и макет одного акта балета «Горда» в постановке театра оперы и балета имени З. Палиашвили познакомят посетителей выставки с грузинским театральным искусством.

На Всемирной выставке участвуют и прославленные грузинские искусники — резчики по кости и по дереву, чеканщики, золотых дел мастера.

Отличной работы канци в серебряной оправе с чернением изготовил молодой мастер М. Кутателадзе. На изящном роге искусно выгравированы национальные орнаменты. Известная чеканщица М. Магомедова отправила на выставку саламури-, на котором сделана редчайшая по рисунку чеканка на серебре. Блестящие отзывы получила миниатюра костореза Г. Александрова. Он вырезал из слоновой кости запряженного в арбу буйвола и аробщика, погоняющего его хлыстом. Филигранная, искусная работа!

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ

Многое сделал В. В. Гольцев — критик, литературовед, очеркист—в деле изучения истории грузинской литературы, исследования творчества классиков и современных писателей Грузии, в деле популяризации грузинской литературы среди русских читателей.

Выпущенная издательством «Заря Востока» книга В. Гольцева «Литературно-критические статьи (классическая и современная грузинская литература)» объединяет наиболее значительные работы литературоведа — отдельные статьи о творчестве Шота Руставели, монографические статьи о выдающихся грузинских писателях прошлого и современности, статьи об отдельных произведениях, рецензии. Некоторые работы публикуются в сборнике впервые.

Выставка в Брюсселе продлится шесть месяцев. За это время с ее экспонатами познакомятся деловые круги, ученые. Поедут туда и представители Советского Союза. В частности, из Грузии предполагается направить, примерно, 45 специалистов разных отраслей народного хозяйства — инженеров, новаторов производства, архитекторов, строителей. Они изучат все то лучшее, что накоплено человечеством в области науки и техники за последние годы.

Побывают на ней и туристы из всех стран мира, в том числе и советские туристы — сейчас принимаются меры к тому, чтобы установить прямое воздушное сообщение Москва — Брюссель.

Мы уже говорили о том, что на Всемирную брюссельскую выставку ожидается большой приток посетителей. Знакомясь с достижениями ее участников по экспонатам, они, возможно, пожелают ближе узнать страны, представленные в многочисленных павильонах. Сейчас разрабатываются различные маршруты путешествий, среди них почетное место занимают путешествия по Советскому Союзу. На карте одного из маршрутов обозначена Грузия. Мы будем рады принять иностранных туристов в нашей республике, показать им солнечный уголок великой Советской Родины, преобразованный волей партии в цветущий край. Мы будем рады познакомить их с нашей жизнью, бытом, трудом людей, с нашими научными учреждениями, предприятиями, показать им, чего достигла за годы Советской власти бывшая полуколония царской России, ставшая ныне одной из равноправных советских республик.

Между прочим, не на одной только Всемирной выставке в Брюсселе будет представлена наша республика. В этом году Грузии предстоит участвовать на 15 всемирных выставках и ярмарках. Самая ранняя из них — международная ярмарка откроется в ближайшее время в японском городе Осака. Примут участие различные предприятия и организации Грузии и в традиционной весенней ярмарке в Лейпциге, и на международных промышленных выставках в Милане и Кабуле, и в международных ярмарках в Познани, Измире, Дамаске, Вене, Салониках, Загребе, Рангуне, и на международной радиотехнической выставке, которая откроется в августе этого года в югославском городе Любляны. Лучшие достижения грузинской науки и техники, лучшие образцы нашей продукции пошлем мы туда — вина и табаки, консервы и чай, ткани и модельную обувь, полированные плиты декоративного мрамора, марганцевую руду и барит, изделия из перламутра, музыкальные инструменты и предметы национального обихода... И на всем этом будет пометка: «Сделано в Грузии».

Всемирные выставки — события знаменательные. И дело не только в том, что на них десятки стран, расположенных на различных континентах, продемонстрируют свои научные и технические достижения. Они ставят перед собой и другие не менее важные задачи. Самая большая выставка — брюссельская, будет проходить под девизом: «Человек и прогресс». Она должна послужить оздоровлению международной обстановки, расширению контактов, укреплению дружбы между народами.

Благородная цель!

Этери Гугушвили,
кандидат искусствоведения

Человек, рожденный для танца

Мы не искали заглавия к статье. Оно возникло как-то само собой и сразу легло на бумагу — быть может, и не очень оригинальное, но наиболее точно определяющее наше восприятие творческого облика выдающегося мастера советской хореографии — Вахтанга Михайловича Чабукиани.

О Чабукиани иначе и не скажешь. Можно писать пространные статьи, изобретать критические, профессиональные термины для характеристики его творчества, можно, наконец, спорить или вовсе не соглашаться с тем или иным его сценическим созданием, но лишь в одном, единственном утверждении никогда не возникает двух мнений — Чабукиани действительно рожден для танца, в танце его стихия, вся жизнь.

Биографы В. Чабукиани, родные и близкие, знавшие его с детства, часто рассказывают о его раннем влечении к танцу. Рассказывает об этом и сам Чабукиани. И каждый раз, оглядываясь в прошлое танцовщика, невольно думаешь о том, как ничего не дается в искусстве легко, как много трудностей и лишений пришлось преодолеть юноше, робко переступившему порог балетной студии. юноше, который и не подозревал, что через некоторое время ему суждено будет стать ведущим танцовщиком современности и с его именем будет связано становление, развитие и утверждение героического направления в советском балете.

У каждого истинного художника есть в искусстве своя тема, и каждый истинный художник проносит ее через все свое творчество, углубляя и совершенствуя, осмысливая всякий раз по-новому. К одним эта тема приходит с годами, рождается мучительно и трудно, у других она определяется сразу.

Вахтанг Чабукиани пришел в искусство со своей темой. И сейчас уже не является откровением мысль о том, что тема Чабукиани-танцовщика — это тема мужественного, героического подвига человека во имя жизни, во имя прекрасного.

Тридцать лет отделяют нас от того времени, когда Вахтанг Чабукиани, не известный еще театральному миру

ученик Ленинградского хореографического училища, исполнил танец с необычным названием — «Танец Огня». Мы могли бы вовсе не вспоминать об этом ученическом опыте молодого Чабукиани. Но танец в исполнении студийца не был демонстрацией голой техники. В нем была мысль, воплощенная в четкий и определенный хореографический рисунок, из которого вырастал пламенный образ человека-борца, пришедшего совершить подвиг.

С тех пор Вахтанг Чабукиани создал на сцене свыше сорока различных балетных партий, куда более совершенных по своей идейной концепции и художественной форме. Но порыв и вдохновение, горячность и горделивая осанка, родившиеся в вихревом «Танце Огня», остались в нем навсегда.

Да, именно таким — вдохновенным, мужественным, огневым — запечатлевается облик Чабукиани-танцовщика в восприятии его современников.

Герои Чабукиани — всегда волевые и сильные, всегда смелые и решительные. И если в процессе создания того или иного балетного образа Чабукиани наталкивается на прочно укоренившееся в балетной литературе представление об образе, противоречащее его индивидуальности, то он пытается побороть закоренелую традицию. Взрывая ее изнутри, Чабукиани утверждает свое видение образа, отвечающее духу современного театра.

Такое «столкновение» с традицией произошло у Чабукиани в партиях Зигфрида из «Лебединого озера» и Альбера — героя «Жизели». Задумчивый, мечтательный принц Зигфрид и трепетный, вдохновенный Альбер сопутствуют Чабукиани на протяжении всей его творческой жизни. Но, всегда — и прежде, в самом начале сценической жизни, и теперь, в пору своей творческой зрелости, — Чабукиани вносит в эти образы нечто свое, только ему присущее. Принц Зигфрид у Чабукиани всегда был мужественным и волевым. В неудовлетворенности и мечтательности принца была для Чабукиани романтическая основа образа. Но если в прежних постановках «Лебединого озера» образ Зигфрида в исполнении Чабукиани вступал в некоторое противоречие с общим мечтательно-идиллическим колоритом спектакля, то теперь, в своей собственной постановке балета Чайковского, осуществленной на сцене Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили в 1954 году, Чабукиани добился полного соответствия замысла спектакля и замысла образа принца. Особо подчеркивая мужественное начало в образе Зигфрида, Чабукиани утверждает, что герой его не столько разочарован в жизни, сколько, напротив, настойчиво ищет свое счастье, и когда в вариации из четвертого акта Зигфрид-Чабукиани взлетает в свободных и вольных прыжках, становится ясным, что Чабукиани — танцовщик и постановщик спектакля — находит блестящее художественное выражение страданиям Зигфрида — страданиям не пассивным, а говорящим о его готовности бороться за свою любовь, за счастье, за жизнь. Такая трактовка образа Зигфрида ценна нам прежде всего потому, что она отвечает в целом светлой, жизнеутверждающей идее самого Чайковского.

Великий актер советской эпохи Б. В. Щукин говорил: «Актер обязан впитать в свое сознание, в свой ум, в свое сердце все, чем живет, о чем страстно мечтает народ, среди которого он живет».

Вахтанг Чабукиани является именно таким актером. Искусство его не только мужественно, но и необычайно современно. Лучезарный, искрящийся Базиль («Дон Кихот»), пылкий, одухотворенный Вацлав («Бахчисарайский фонтан»), темпераментный, героический Жером («Пламя Парижа»), неистовый, пламенный Керим («Партизанские дни»), отважный, волевой Коломан («Раймонда») и многие другие образы Чабукиани, рожденные в первые годы его сценической биографии, — как много в них истинного жизнеутверждения, созвучного духу нашего великого времени! И пусть не все из этих образов давали Чабукиани возможность достичь степени высокой идейности (разумеется, мы не имеем в виду об-

раз Жерома), в них, тем не менее, отчетливо и последовательно формируется его профессиональная культура, виртуозная техника, огневой темперамент, дерзновенная мысль, богатейшая интуиция, строгая взыскательность к себе и к окружающим.

И вот, имея за плечами уже множество разнообразных балетных партий, Чабукиани решает испробовать свои возможности и в режиссуре. И сейчас, когда в сценической биографии Чабукиани — целая серия самостоятельно поставленных балетов (а в некоторых из них он выступает не только постановщиком-балетмейстером, но и автором спектаклей), можно с уверенностью сказать, что творчество Чабукиани - танцовщика неотделимо от творчества его как постановщика, создателя балетного спектакля, неотделимо не только формально, но и принципиально, по существу.

Среди балетов Чабукиани есть и классические, и героико-романтические, и сказочно-фантастические, и балеты на современную тему, и во всех этих постановках, разнообразных по тематике и жанру, Чабукиани утверждает все ту же тему человека-борца, героя, но не абстрактно-отвлеченного, а показанного вместе с народом. Являясь блестящим постановщиком и исполнителем сольных танцев, Чабукиани в то же время является мастером постановки массового танца.

Одним из самых выдающихся созданий Вахтанга Чабукиани явился балет «Сердце гор», ставший этапным для всего советского балета. Музыка А. Баланчивадзе, выросшая на основе разработки богатейших грузинских народных мелодий, помогла Чабукиани создать вдохновенный, мужественный спектакль, в котором именно массовый танец определял ведущую, героико-патриотическую мысль.

Образ народа, выраженный через массовый танец, блестяще раскрывается и в следующей работе Чабукиани — в балете «Лауренсия» А. Крейна (1939 г.), осуществленном, так же, как и «Сердце гор», впервые на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Выдвигая на первый план народные сцены, отвергнув начисто финал Лопе де Вега, согласно которому добродетельные король и королева великодушно милуют восставших, Чабукиани творчески перекликается с Котэ Марджанишвили, осуществившим свой знаменитый «Фуэнтэ Овехуна» двадцатью годами раньше.

Поиски решения средствами балета собирательного образа народа ни на минуту, однако, не заслоняли от постановщика музыкально-хореографической индивидуализации героев. Светлый, благородный образ воинственного Джарджи и пленительный поэтический образ девушки Маниже («Сердце гор»), пожертвовавшей собой ради любимого, образы испанских героев Лауренсии, Фрондосо и их друзей были продуманы до мельчайших подробностей и достигали большой, реалистической убедительности. И не случайно, что и поныне, спустя девятнадцать лет после первой постановки «Лауренсии», в балетной литературе часто упоминается об одной поистине великолепной находке Чабукиани, принадлежащей к лучшим сценическим созданиям балетного театра. Далекий от трафаретных балетных штампов, Чабукиани в поисках решения хореографического «диалога» Лауренсии и Фрондосо решает этот «диалог» буквально двумятремя штрихами, и, может быть, именно в силу этой лаконичности достигает желаемого результата. Фрондосо — пылкий и восторженный, объясняясь Лауренсии в любви, открывает ей свои объятия, но, гордая и неприступная, она отвергает любовь юноши. Подойдя к нему, она медленно, уверенно и спокойно складывает крестом на груди его широко распростертые руки, словно отвергая любовь юноши. И лишь впоследствии, когда Фрондосо спасает ее от позора и потом робкий, уже свершивший свой подвиг, стоит с покорно сложенными крестом на груди руками, Лауренсия подходит вновь к нему и так же медленно, уверенно и спокойно открывает сама его объятия — она поверила в его любовь!

Средствами хореографической пантомимы выразил Чабукиани большую, глубокую лирическую тему балета, получившую свой завершаю-

щий смысл в танцевальных адажио Лауренсии и Фрондосо.

Но пантомима, как таковая, никогда не увлекала Чабукиани. Точнее — она никогда не была для него самоцелью. Он понимает пантомиму, как средство вспомогательное, подсобное, которое не столько двигает сюжет балета, сколько помогает действенному танцу в развитии его содержания. Поэтому, как бы ни использовал Чабукиани средства пантомимы, балеты его прежде всего танцевальны.

Такими танцевальными были и «Сердце гор», и «Лауренсия», и балеты, осуществленные Чабукиани уже в Грузии — «Синатле» Г. Киладзе, «Горда» и «За мир» Д. Торадзе. Рожденные в тесном содружестве с композиторами, эти балеты тематически продолжают неустанные поиски их создателя новых путей в искусстве.

Сказочно-фантастический балет «Синатле» был весь пронизан идеей мужественной борьбы, и волшебный светильник, добытый героем в муках и страданиях, вырастал до степени победного символа добра, справедливости, счастья народа. В этом была реалистическая основа балета, его идейная целеустремленность.

Идея подвига, идея торжества справедливости пронизывает и героико-романтический балет «Горда», принесший В. Чабукиани и Д. Торадзе большой успех, ставший одним из любимых балетов грузинского зрителя.

Особое место в ряду постановок Чабукиани принадлежит балету «За мир». Мы далеки от мысли утверждать, что балет этот совершенен. Напротив, в нем, как ни в каком ином создании Чабукиани, много спорного и даже бесспорно неудавшегося. И, тем не менее, он заслуживает пристального внимания.

«За мир» — едва ли не самое дерзновенное произведение Чабукиани. Речь идет, разумеется, о самом факте обращения Чабукиани к современной теме в балете.

Рождение спектакля на современную тему уже само по себе отрадное явление в жизни театра. Рождение балетного спектакля на современную тему приобретает тем большее значение, что в балетном искусстве, наиболее условном из всех видов искусства, трудности, связанные с воплощением на сцене современной жизни, особенно ощутимы. Они стояли, естественно, и перед создателями балета «За мир». Ведь не секрет, что долгие годы в балетной среде бытовало предвзятое мнение, будто сфера балета — некая специфическая, а подчас отвлеченная тематика, оправдывающая условность жанра.

Советский балетный театр имеет немало убедительных примеров, опровергающих это изжитое временем и практикой мнение. Балет «За мир» — еще одно тому подтверждение. В нем снова, как и прежде, но в новом своем качестве, в новом назначении рисовался героический и грозный облик народа, пришедшего выполнить свою почетную историческую миссию в суровые годы Великой Отечественной войны.

«За мир» — смелый эксперимент в деле поисков решения современной темы в балете и в этом смысле он займет должное место в истории советской хореографии.

Поистине этапной и для самого Чабукиани и для всего советского хореографического искусства явилась встреча этого выдающегося балетмейстера с Шекспиром. Не случайно, что Шекспир пришел в творчество Чабукиани в пору сценической зрелости танцовщика, когда им были созданы балеты-спектакли, в которых он являлся не только постановщиком танцев, но и автором хореографического языка — танца, в живом действенном смысле этого слова, автором мысли, воплощенной в движениях, жестах и мимике, и потому ставшей действенной.

Совершенно понятно, что авторство постановщика становится особенно ответственным в балете на тему Шекспира. На смену гениальному шекспировскому тексту приходит текст иной — танцевальный.

В «Отелло» этот текст поистине филигранный. Он нигде не противоречит Шекспиру, но и нигде формально не иллюстрирует его. Рождаясь из глубины концепции шекспировской трагедии, он обретает яркую хореографическую выразительность, эмоциональность, трагедийную силу и современное звучание.

Успех «Отелло» на балетной сцене выходит далеко за рамки нацио-

нального искусства, успех этот принадлежит всему советскому балету, он еще раз подтверждает жизненность тезиса об органическом единстве интернационального содержания и национальной формы в советском искусстве.

Общечеловеческие идеи Шекспира нашли свое блестящее разрешение в спектакле грузинского советского театра. Создатели балета — композитор А. Мачавариани, автор спектакля В. Чабукиани и художник С. Вирсаладзе не только глубоко поняли Шекспира, но и вложили в свое создание темперамент родного народа. И как отрадно ощущать, что иногда в музыку Мачавариани вкрапливаются знакомые грузинские мелодии, что жгучие, вдохновенные танцы Чабукиани несут горячность и пыл его родной земли, что тонкая живописность красок Вирсаладзе дышит красотой национального темперамента.

Когда мы говорим о Чабукиани, как о танцовщике, мы ни на минуту не забываем о нем, как об актере. Все хореографические искания Чабукиани неотделимы от его актерских поисков. В этом единстве и неразрывности — суть дарования Чабукиани.

У Чабукиани-актера есть одно ценное качество: он умеет заразить партнера своим горячим, бурным темпераментом. И не секрет — когда танцует Чабукиани — спектакль идет в совершенно ином сценическом ритме, на подъеме, празднично.

Нам помнится один случай, который лучше всего подтверждает высказанную мысль. Однажды автору этих строк довелось присутствовать на спектакле «Дон Кихот» в Большом театре Союза ССР. Спектакль не был сопряжен с какой-либо праздничной датой. Это был обычный очередной спектакль, но в нем произошло нечто необычное, которое трудно забыть.

В тот день в «Дон Кихоте» выступал Вахтанг Чабукиани. И спектакль словно засветился новыми красками и, по единодушному признанию очевидцев, превратился в подлинный праздник танца.

Но, пожалуй, ни в одном образе, созданном Чабукиани на протяжении всей его сценической жизни, не раскрывались с такой силой его актерские возможности, как это произошло в «Отелло». И дело здесь, разумеется, не ограничивается только тем, что Чабукиани правильно понял образ Отелло. В балете «Отелло» Чабукиани создает синтетический образ поэзии, музыки и танца — реалистический по своему содержанию, национальный по способу выражения. И очень важно, что в балете создан мужской образ, который не только не носит подчиненный по отношению к основной женской партии характер, но, напротив, сам является ведущим, и это ведущее начало выражено в танце — содержательном, действенном, насыщенном шекспировской глубиной, реалистически убедительном.

Но мы не хотели бы приписывать актерский успех Чабукиани в роли Отелло только Шекспиру. Ведь в балетном театре существует другой шекспировский мужской образ — образ Ромео, не достигающий по линии действенной хореографии той масштабности, которая характеризует Отелло. Партия Ромео танцевально весьма обеднена. Не случайно один из исследователей творчества Галины Улановой — лучшей исполнительницы роли Джульетты — писал о «Ромео и Джульетте» как о балете монографическом, то есть балете одного ведущего образа. Он имел в виду танцевальное решение темы Ромео и Джульетты.

«Отелло» в этом смысле тоже является балетом монографическим, в нем тоже отдан примат одному ведущему образу. Но в том-то и сложность для постановщика (и его заслуга!), что этим одним (не единственным, но главным!) образом балета явился образ мужской — Отелло. Вахтанг Чабукиани — постановщик и создатель образа Отелло — поистине произнес новое слово в деле дальнейшего развития советской хореографии, в деле развития советской шекспирианы.

Творчество Чабукиани глубоко национально. Что бы ни создавал этот великолепный мастер танца — будь то сценический образ героя классического балета или образ героя-современника, будь то грузин или испанец, или неуемный шекспировский мавр, над чем бы ни работал Чабукиани — над новой редакцией

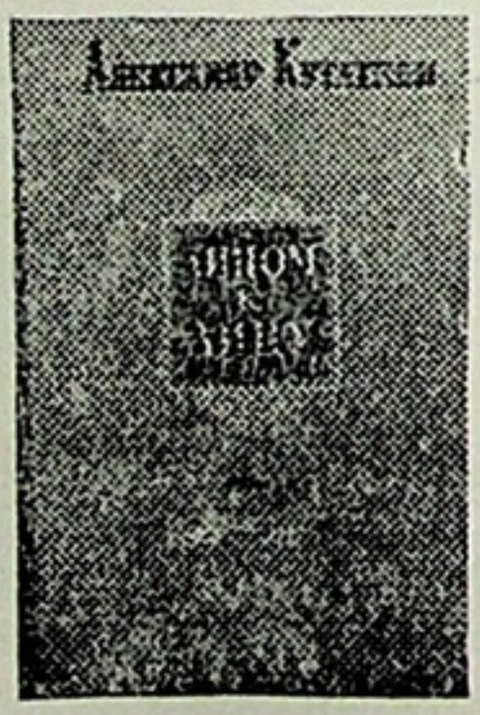
старых классических балетов или над созданием самостоятельного спектакля-балета, он никогда не порывает связи со своим народом. Вот почему национальные черты Чабукиани-художника раскрываются не только через музыку грузинских композиторов — А. Баланчивадзе, А. Мачавариани, Г. Киладзе, Д. Торадзе, А. Букия и отчасти С. Цинцадзе (В. Чабукиани осуществляет художественное руководство постановкой его балета «Сокровище голубой горы»), с которыми ему приходилось работать, но и через музыку других композиторов. Чабукиани удачно сочетает в своих постановках реалистические принципы русского классического балета с характером национального грузинского хореографического искусства и создает на основе этого сочетания грузинский советский классический балет.

Являясь блестящим танцовщиком, великолепным постановщиком балетных спектаклей, Чабукиани кроме того и педагог — воспитатель молодых актерских дарований. Заботливо и кропотливо вырастил он новое поколение грузинского балета, и сегодня наш народ гордится такими воспитанниками Чабукиани, как Вера Цигнадзе и Зураб Кикалеишвили, Ирина Алексидзе и Вахтанг Гунашвили, Евгения Геловани и Реваз Магалашвили, Лилиана Митаишвили и Тенгиз Санадзе. Каждый день выдвигает наш балет все новых и новых учеников Чабукиани.

Вахтанг Михайлович Чабукиани — первый среди балетных деятелей в нашей стране удостоившийся высокого звания Народного артиста СССР. И всем своим творчеством, всей своей многогранной деятельностью Чабукиани подтверждает, что он действительно народный артист. Народность творчества его выражается во всем — и в реалистической глубине создаваемых спектаклей и образов, и в национальном своеобразии их, и в близости его творческих созданий народу, и в современном их звучании, и в его горячем стремлении передать свой богатейший профессиональный опыт молодежи — будущему грузинского советского балета.

Рассказ о Чабукиани далеко не закончен. Впереди много больших исканий, много дерзновений и побед, которые еще не раз прославят советское хореографическое искусство.

ВЫШЛИ К ДЕКАДЕ



Роман Ал. Кутатели «Лицом к лицу» переносит читателя в незабываемое революционное прошлое Грузии.

Он повествует об эпизодах борьбы за установление Советской власти в Закавказье, начиная с первых дней Февральской революции 1917 года. Одно за другим разворачиваются события большой политической значимости — шамхорская трагедия, расстрел царскими властями созванного большевиками митинга в Александровском саду в Тифлисе, и др. Читатель видит, как в жестокой, непримиримой схватке, «лицом к лицу» сталкиваются два лагеря: отмирающий — капиталистический и новый — социалистический.

Полностью на русском языке роман «Лицом к лицу» публикуется впервые.

За последнее время в Тбилиси и в других городах республики был организован целый ряд интересных выставок произведений грузинского изобразительного искусства.

Большой интерес зрителей вызвали выставки картин Гиго Габашвили и скульптур Якова Николадзе, произведений Н. Пиросманишвили, творчества Л. Гудиашвили, работ художников Абхазии, Юго-Осетии и Аджарии, большая выставка произведений художников Грузии к 40-летию Великого Октября и др.

Ниже публикуются статья Игоря Урушадзе о выставке произведений Г. Габашвили и Я. Николадзе, статья Тициана Табидзе о творчестве Нико Пиросманишвили, написанная им в 1928 году и сохранившаяся в архиве поэта, а также статья И. Отаришвили об открывающейся в Москве в дни Декады грузинской литературы и искусства большой выставке работ художников Грузии.

На выставке Гиго Габашвили и Якова Николадзе

В Тбилиси, а затем в городе грузинских металлургов — Рустави экспонировались произведения Гиго Габашвили и Якова Николадзе. Выставка была организована Государственным музеем искусств Грузии.

Нелегко даже определить, что, собственно, является в этом факте самым важным: то ли обстоятельство, что впервые за многие годы демонстрировалось большое — хотя и далеко не полное — собрание произведений этих выдающихся грузинских художников, или же то, что подобная экспозиция оказалась как никогда современной, ответив насущным потребностям нашей художественной жизни?

Выставка о многом заставляет задуматься, она дает богатую пищу для размышлений не только о прошлом, но и о настоящем и будущем грузинского изобразительного искусства, на весь облик которого наложил неизгладимую печать своего влияния жизнеутверждающий и полнокровный талант Гиго Габашвили и Якова Николадзе.

Впитавший лучшие традиции национальной художественной культуры, опиравшийся в своем творчестве на передовые достижения русского и мирового искусства, Гиго Габашвили (1862—1936) в созданных им в дореволюционные годы произведениях сумел передать то понимание народной жизни, то тяготение, любовь и сочувствие к трудовому народу, которое несло с собой грузинское освободительное движение второй половины минувшего столетия.

Все это нашло яркое воплощение в живописных полотнах, рисующих величие и красоту природы Грузии и ее исторических памятников, типы, нравы и обычаи грузинского народа, образы его передовых представителей. Такие произведения Гиго Габашвили, как «Алавердоба», композиции на темы из жизни хевсуров, портреты грузинских общественных деятелей, писателей, артистов и др., рождали настроение уверенности в огромной силе, заложенной в народе, заставляли ощущать биение его пульса. Не случайно, что и тогда, когда художник работал над другими темами, в частности, связанными с природой и жизнью Средней Азии, он неизменно тяготел к изображению народных масс, простых людей. Все это сделало дореволюционное творчество Гиго Габашвили ценным вкладом в развитие грузинской живописи и графики, обусловило его положительную роль в воспитании общественного сознания в духе высоких демократических идеалов.

Плодотворными и значительными бы-

ли творческие искания художника и в советское время. Его произведения ознаменовали первые успехи грузинской советской живописи на пути к реализму. Они служили ярким примером психологически содержательного и жизненно правдивого искусства, стоящего на высоком профессиональном уровне. В этой связи достаточно упомянуть выполненный Гиго Габашвили в 1926 году портрет видного грузинского общественного деятеля и публициста Н. Я. Николадзе. Гиго Габашвили был одним из первых грузинских живописцев, сделавших успешную попытку отобразить облик родной природы, преобразованной созидательным трудом советских людей.

Столь же содержательна творческая биография Якова Николадзе (1876—1951), первые творческие опыты которого относятся к последнему десятилетию девятнадцатого века. Созданные им в эти и в последующие годы произведения (портреты поэтов Ш. Руставели и А. Церетели, писателей Ш. Арагви-пирели и Э. Ниношвили, артистов В. Абашидзе и К. Месхи и др.) ярко свидетельствовали не только о незаурядных художественных способностях молодого скульптора, но и об его стремлении воплотить в пластически выразительных образах лучшие черты национального характера грузинского народа. Крупным событием в художественной жизни дореволюционной Грузии было установление памятника на могиле И. Чавчавадзе, автором которого являлся Яков Николадзе.

Пора подлинной творческой зрелости Якова Николадзе как мастера реалистического портрета наступила в советское время. Внимательное изучение современности помогло скульптору по-новому подойти к решению проблемы изображения человека в искусстве, встать на путь утверждения великих принципов социалистического реализма в грузинской советской скульптуре.

Совершенно новое содержание получили теперь работы скульптора, в которых он продолжал линию исканий, наметившуюся в дореволюционные годы, пытаясь наиболее полно выразить духовные качества своего народа. Одно за другим Яков Николадзе создает все новые и новые произведения, многие из которых вошли в основной фонд советской скульптуры. Их главное достоинство — в глубине поэтического настроения, психологической остроте, богатстве пластического языка, с годами становившегося все более совершенным и выразительным. Они сочетают в себе большую силу реалистического обобщения с национальной конкретностью и колоритностью образов.

На выставке произведений Гиго Габашвили и Якова Николадзе перед зрителями раскрывается широкая картина вдохновенного, глубоко содержательного искусства, своими корнями неразрывно связанного с жизнью народа, с его передовыми устремлениями.

Взять, к примеру, жанровые композиции Гиго Габашвили. Будь это «Алазиции Гиго Габашвили. Будь это «Алавердоба», «Хевсуры в дозоре» или же «Самаркандский базар», «Бассейн Ди-ван-Беги» — все они несут на себе печать подлинной народности. Ее источник — в богатстве жизненных наблюдений Гиго Габашвили, в его умении всегда и везде быть художником, смотреть на все именно глазами художника-гражданина, ищущего правды жизни. В этом убеждают многочисленные зарисовки и этюды, служащие материалом для больших идейно-творческих замыслов.

Плодом долгих творческих раздумий, глубокого знания человеческой психологии явились такие портретные произведения художника, как «Спящий хевсур», «Грузинский князь», «Мулла» или же «Капельмейстер Де-Роза», «Певец Ф. Коридзе», «Автопортрет» и др.

Многое роднит в этом отношении с Гиго Габашвили Якова Николадзе, что полностью объясняет устройство совместной выставки их произведений.

Для иллюстрации сказанного достаточно привести несколько примеров. Вот скульптурный портрет Акакия Церетели. Его гордо закинутая вверх голова, озаренное внутренним светом лицо, обрамленное густыми волнистыми прядями волос, глаза, устремленные вдаль, таящие в себе силу неугасимого творческого вдохновения, могучие плечи и грудь, как бы врастающие в каменную громаду,— все это рождает ощущение величия и одновременно с этим большой человеческой простоты и безыскусности. И когда смотришь на него, то веришь, что это действительно автор стихотворения «Седина», обращающийся к будущим поколениям с пламенным призывом:

«Пускай эти волосы седы!
Надежду не сломит судьба!
Героев грядущей победы
Зовет боевая труба».

А вот скульптурный портрет другого поэта — Чахрухадзе. Его созданием Яков Николадзе совершил поистине творческий подвиг: он приподнял завесу над далеким прошлым вырвал у него долго скрываемую от многих поколений тайну и воссоздал своим богатым воображением благородный облик поэта.

Скульптор в портрете Чахрухадзе достиг высокого эстетического звучания. И здесь дело не только в красоте всего облика автора оды «Тамариани», исполненной человеческой теплоты и обаяния, мощи художественного таланта. Он вводит зрителя в мир сосредо-

точенного творческого вдохновения. Полное спокойствия и душевной чистоты, одухотворенное лицо поэта хранит на себе печать властной воли человека над своими мыслями и чувствами.

Созданный Яковом Николадзе образ молодого В. И. Ленина в скульптуре «Ленин — создатель «Искры» впечатляет глубиной замысла, большой содержательностью. Скульптору удалось найти простые и доходчивые, реалистически убедительные средства для пластической характеристики этого образа. Здесь нет ничего лишнего, отвлекающего от главного, основного. Все служит одной цели—показать всеобъемлющий ум В. И. Ленина, способный с гениальной прозорливостью предначертать пути решения величайших научных и социальных проблем, выразить необыкновенное человеческое обаяние В. И. Ленина, его скромность, подлинный демократизм.

Представленные в экспозиции выставки произведения помогают понять то главное, что делает столь ценным для современности творчество Гиго Габашвили и Якова Николадзе. Это их постоянное горение, отзывчивость на требования, выдвигаемые жизнью, истинная народность. Именно поэтому их творчество, нисколько не теряя своего национального своеобразного облика, воспринимается в органичной связи с общим потоком реалистических исканий мирового искусства. Это качество и придает особенное значение оставленному ими художественному наследию, которое служит одним из убедительных подтверждений безграничных возможностей реализма, создающего все необходимые предпосылки для широкого и свободного проявления творческих индивидуальностей.

Пример Гиго Габашвили и Якова Николадзе многому учит современное поколение грузинских художников. Нельзя правильно представить себе ясную картину развития грузинского изобразительного искусства — а, следовательно, и оценить ее вклад в сокровищницу советской социалистической культуры — без всестороннего изучения их многогранного творчества. Не может быть и мысли об определении его дальнейших задач и перспектив без соответствующего обобщения и творческого освоения богатейшего наследия, оставленного этими замечательными грузинскими художниками.

Государственный музей искусств Грузии сделал большое и полезное дело, организовав выставку произведений Гиго Габашвили и Якова Николадзе. Нужно только пожелать, чтобы наша общественность в дальнейшем получила возможность еще лучше познакомиться с их творчеством на выставке, экспозицию которой составят не только фонды Государственного музея искусств Грузии, но и другие коллекции. Пора широко показать также произведения других художников, с именами которых неразрывно связано утверждение реализма в грузинском изобразительном искусстве.

Игорь УРУШАДЗЕ.

Нико Пиросманишвили

Нико Пиросманишвили напоминает своей жизнью старых мастеров — безымянных творцов величайших произведений искусства. Скромные надписи редко обозначают в Грузии имена мастеров, чей творческий подвиг большей частью оставался анонимным. А среди них бывали мастера, равные по упорству Бенвенуто Челлини. Даже такие уцелевшие имена, как имя великого Опизари, — неведомые иероглифы для историка грузинского искусства. Неудивительно, что нам неизвестны авторы древних грузинских фресок, барельефов и миниатюр, если на наших глазах Нико Пиросманишвили прошел незамеченным. Всего десятилетие, как он угас в ужасной нищете, в сыром подвале, а имя его уже перешло в легенду.

Настоящий народный художник, Нико Пиросманишвили до того растворился в народе, что нашему поколению трудно уловить черты его индивидуальной жизни. Его будни так таинственны, что, пожалуй, ему придется остаться без обычной биографии.

Жизнь Нико Пиросмани — сплошной творческий вихрь. Даже опытному историку трудно разбить жизнь художника на периоды в смысле творческого развития.

Он встает, как проснувшийся гигант, со всей магической силой красок, идя оплодотворить оскудневшую тогда грузинскую живопись. Сведений для биографии Пиросмани так мало, что все материалы сводятся к рассказам его случайных знакомых. Несмотря на его нелюдимость и привычку к одиночеству, в памяти близких ему людей сохранились кое-какие черты, по которым можно, хотя бы приблизительно, выявить его человеческий облик. Обычно каждый мастер, создавший эпоху крутым

переломом, в искусстве, начальные годы работы проводит под чужим влиянием. В период ученичества будущий мастер овладевает творчеством своего учителя. Потом он по-своему может использовать опыт учителя, меняя творческие формы, обновляя приемы и сам становясь во главе новой школы.

Нико Пиросмани не прошел такой школы, да и вообще не знал никакой школы. Во время Нико Пиросмани в Грузии не было и малярных цехов, где он мог бы усвоить самое элементарное знание красок, а школ живописи и подавно не было. На севере ему побывать не удалось.

Остается допустить, что Нико Пиросмани начал рисовать самоучкой. Удивительное для нас богатство его красок и изобретательность сочетаний достались ему самостоятельной выучкой, на одном лишь собственном опыте. «Алхимия» красок, в которую мастер посвятил впоследствии Ладо Гудиашвили, открыта им самим...

Началось планомерное собирание картин Пиросмани. Однако владельцы подвалов и лавок неохотно расставались со своими сокровищами. Академическое художество встретило Пиросмани неприязнью. Технику его браковали, приемы его считали чудачеством, слишком полярным для их засиженных канонов и правил.

* * *

Достоверно, что Пиросмани уроженец Кизикии. Эта часть Кахетии замечательна многим. Здесь не было крепостного права. Кахетинцы вообще твердого характера, кизикиец завершает этот тип. Издревле зовется «буйволиной» эта страна. Природа не жалеет ни простора, ни приволья для своих дюжих сынов. Страна виноградная, обильная хлебом. Даже горы как бы смазаны маслом. Земля щедрая, урожайная. В картинах Нико Пиросмани, истого кизикийца, явственно видны его кахетинская кровь и порода. Огромные его кувшины, полные марани, бесконечные свадьбы и храмовые праздники, хлеб и вино ослепительных натюрмортов проходят в картинах, как плоды его детской памяти...

В Грузии нет художника, так правдиво и просто описавшего свои родные места. Это хорошо подметил покойный Г. Якулов: «Пиросмани свойственно чувство широкого размаха пейзажей Грузии и в его картинах выявлены нега и лиризм Кахетии, что роднит его искусство с искусством итальянских мастеров начала XV века. Здесь чувство эпоса, разворачивание целой фильмы быта на одном холсте. Пиросмани — эпически монументальный живописец. Его инстинкт разгадал ту монументальную живопись, к которой мучительно движется европейское искусство нескольких десятилетий».

Работоспособность Пиросмани была очень велика. Каталог при монографии Госиздата, охватывающий около 300 картин и фресок, — лишь незначительную часть всего его наследия, — показывает сказочную плодотворность его работы.

В привокзальном районе Тифлиса буквально всякая лавка и подвал были завалены его картинами. Главная улица района — Молоканская — Тифлисисполкомом уже названа улицей Пиросмани. Много картин было разбросано по загородным садам и пригородам Тифлиса (особенно Грма-Геле). Впоследствии духаны позакрылись, а по запрещении продажи спиртных напитков в рабочих районах и вовсе исчезли. Лишь незначительная часть картин Пиросмани уцелела. Остатки хранятся в Национальной галерее и в частных собраниях, а все остальное погибло или вывезено из Тифлиса в провинцию.

Поразительна плодотворность художника, если учесть ужасный недуг его — пьянство, плод нищеты и бродяжничества. По рассказам знавших Пиросмани, в разгар творческой работы последних лет его жизни, художник был без крова, ютясь то тут, то там, в сырых подвалах и трущобах.

Ладо Гудиашвили удалось дать замечательный образ художника. По его словам, Пиросмани был большого роста, с проседью в зачесанных назад волосах. Его бледное, изможденное лицо хранило отпечаток культурной мягкости и покоя. Бритая борода, нависшие усы делали внушительной его фигуру. Поношенный серый пиджак и жесткие грязные брюки, замазанные красками. Каморка его была под лестницей, в несколько шагов в длину и в ширину, настолько низкая, что там нельзя было выпрямиться. Постель в углу. Рядом на стене маленький ящик — его «шкаф». В другом углу разбросаны живописные и малярные принадлежности — ведро, клеенка, краски и кисти.

Пиросмани встретил гостя неприязненно. Как враг вы пришли или как друг? Больше всего его огорчает невозможность широко встретить гостя. Гудиашвили предлагал ему 200 рублей от общества грузинских художников.

В конце беседы Пиросмани загорелся от давно лелеемой мысли: «Вот что нам надо, друзья. Построим большой деревянный дом в самом центре города, чтобы для всех было близко. Там собирались бы за длинным чайным столом, пили бы чай и говорили бы об искусстве...»

Илья Зданевич записал один день работы Пиросмани: «Январь 1913 г. 27. Воскресенье. Сегодня утром поехал сначала к Месхиеву (Черкезовская, 70), у которого купил портрет мальчика. Оттуда пошел к Николаю. Николай сидел

и писал мой портрет. Стал спрашивать о купленной картине. Портрет еще только набросан. Олень уже написан (другая картина для меня). Кроме фона, еще неоконченного, исполнено великолепно. Сначала Николай отвел меня в сторону и сказал: «Когда выставка? Если бы вы дали комнату, где можно было бы работать, и полотно, — я бы вам за месяц написал бы десять, пятнадцать картин, лучших, чем те, которые у меня есть, и лучше «Шереметьевского сада». Далее он добавил: «Вот все мои виды портят. Вот, например, эта картина—нарисован заяц; кому нужно, просили: нарисуй для моего уважения... Рисую, чтобы не ссориться. Так все картины портят...»

Потом жаловался на страшную бедность, на свою скверную одежду, на невежество заказчиков и просил помочь ему. О том, что ему нужна комната, никому из духанщиков просил не говорить. «Комната должна быть светлая, а тут темно». Когда пишет, левую руку подкладывает под правую, чтобы не дрожала сильно. Русский язык учил сам: «Купил грузинскую книжку, переведенную на русский». «Здесь нельзя хорошо работать, — пить заставляют».

Был у него один автопортрет в «хорошем платье, не в таком плохом», но кому-то продал.

Вчера он сказал: «Картины бывают разные: можно писать целый месяц или даже целый год, и все будет, что писать».

Из этого отрывка делается ясна унизительная обстановка и среда, нищета, душившие работу художника. Показаны здесь и крупные запросы большого народного мастера. А само творчество Пиросмани говорит об огромной его любознательности, любви к прошлому и чутье современности. Его часто занимают исторические сюжеты—Георгий Саакадзе, Шота Руставели, Шамиль, русско-японская война. Он иллюстрирует в картинах пьесы «Родина» Эристави, «Брат и сестра» В. Гуниа и поэму «Барсова шкура». У него большое пристрастие к животным и птицам.

Пленительны его львы, жирафы, газели и олени. О его наблюдательности, связанной с поразительной силой выражения, свидетельствует эпический цикл, где Тифлис и Кахетия исчерпаны до конца: «Сбор винограда», «Гумно», «Великий пост», «Пастухи», «Храмовый праздник», «Девочка с гусями», «Петух и наседка»—невиданные в Грузии картины деревенской природы.

Еще разнообразнее представлен Тифлис. «Фуникулер», «Красавицы Орта-чал», «Шарманщик», «Дворник», «Мальчик кинто», «Молокане на пароме», «Зурна», «Осел с дровами и мальчик», «Коджорское шоссе», и так без конца.

Живописец—историк нравов оставил нам в наследство целый ряд семейных портретов из тифлисской среды. Он закрепил на своих картинах обывательский мир неповторимого старого Тифлиса. Таковы «Пасхальный стол», «Купеческий обед с граммофоном», «Обед железнодорожников», «Актриса Маргарита», «Пирушка Хапо и Амбо».

На его социальное чутье указывает картина «Миллионер бездетный и бедная с детьми».

Знавшие Пиросмани говорят о его любви к родной литературе. Он знал наизусть целые поэмы и отрывки из Ильи Чавчавадзе и Важа Пшавела, его земляков. Да и сам он изредка импровизировал. В его работе много родственного творчеству и судьбе Важа Пшавела. Для этих великих художников характерны огромная фантазия, культ героизма, ощущение крепости земли и близость к народным корням.

Попытка общества грузинских художников устроить выставку Пиросмани еще при жизни не удалась. А интерес к нему растет.

Поворотным моментом в оценке Пиросмани является коллективное письмо в редакцию летом 1918 года за подписью скульптора Николадзе, братьев Здановичей, Паоло Яшвили, А. Цуцунава и других. «Внимание к Нико Пиросмани вовсе не преувеличение, а скромная дань большому художнику, чья жизнь, к позору современников, прошла в кабаках и подвалах. Приобретение его картин правительством и частными лицами—не спекуляция, а поздняя попытка спасти и сохранить его вещи—народную гордость. Его клеенкам место в лучшем зале Национальной галереи, а жизнь его следует внимательно изучить».

К тому времени художник угас. Очевидец так описывает его последние дни: «Весной 1918 года Пиросмани вошел в подвал на Молоканской улице № 29. Лег спать на пол. Он был уже болен. Через три дня случайно я сошел вниз и в темноте увидел лежащего человека. Клетушка была завалена битым кирпичом и опилками. Не узнав его, крикнул: «Кто здесь?» «Я», — ответил Николай. Его узнали по голосу, а сам он уже никого не узнавал. Отвезли его на фаэтоне в больницу, кажется, Арамянца, где художник через полтора дня умер в ужасных мучениях. Никакого имущества он не оставил. Могила его неизвестна».

После смерти ему посчастливилось. Часть его картин спасена. Его картины попали на первую выставку грузинских художников в 1919 г. и вызвали всеобщий восторг. Все рецензии говорили только о нем. «Мнатоби», «Пламя» и московская «Красная Нива» говорили о нем. Советское правительство увенчало народного художника роскошной монографией Госиздата Грузии, вышедшей в

1926 г. с текстом на трех языках—грузинском, русском и французском, со статьями Тициана Табидзе, Геронтия Кикодзе, Кирилла Зданевича и Колау Чернявского. Монография снабжена тщательно составленным каталогом, репродукциями в красках и однотонными, выполненными в Ленинграде и Москве. Монография ознакомила с Пиросмани СССР и Европу. Появился ряд отзывов таких художников, как Пикассо и др.

В десятую годовщину Октября на выставке искусства народностей Советского Союза картины Пиросмани имели огромный успех... Картины Пиросмани приобретены Главнаукой и Третьяковской галереей.

Прав был один из энтузиастов Пиросмани — Г. Якулов, так заканчивающий свою статью о нем:

«Пикассо определяет формулу художника блестящим афоризмом: я не ищу, а нахожу. Это полностью применимо к Пиросмани, не искавшему, но нашедшему. Своей находкой он обязан близостью к народным корням. Его невозможно выкорчевать из грузинской земли. В сумерках буржуазной культуры он выстрадал народный идеал. Недаром его слава расцветает при власти родных ему трудящихся масс».

Пролетарская культура углубит понимание Пиросмани и оценит его творческий подвиг народного художника.

1928 г. Тициан ТАБИДЗЕ.

Художники Грузии к декаде в Москве

Двадцать лет, которые отделяют нас от первой Декады Грузинского искусства и литературы в Москве, в жизни нашей Родины были полны событиями большого исторического значения. Советский народ с честью выдержал испытания Великой Отечественной войны и не только залечил раны, нанесенные стране войной, но и достиг огромных успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Большой путь за эти годы прошло и грузинское изобразительное искусство—один из отрядов всего нашего многонационального искусства. Если на прошлой декадной выставке грузинские художники могли по праву гордиться своими достижениями в области историко- революционной живописи и портретно-монументальной скульптуры, то сегодня, как нам кажется, зрители не только отметят их успехи в других жанрах изобразительного искусства, но и общий подъем мастерства, в частности, преодоление таких недостатков живописи, как шаблон в композиционном построении произведений, ложную помпезность и, что самое главное, эмпиризм и фотографичность.

На нынешней выставке будут представлены важнейшие произведения основоположников грузинской советской живописи и скульптуры — Г. Габашвили, А. Мревлишвили, Я. Николадзе, М. Тоидзе, воспринявших, как известно, плодотворные традиции передового искусства прошлого и, прежде всего, русского реалистического искусства. Их произведения помогут еще раз воочию убедиться в преемственности традиций в современном грузинском искусстве, ибо их полотна, скульптуры, графические листы—это тот фундамент, на котором базируется творчество художников нового поколения, вступивших на творческую арену уже после установления Советской власти в Грузии.

Мы говорим о Т. Абакелия, Е. Ахвледиани, С. Вирсаладзе, Л. Гудиашвили, У. Джапаридзе, Д. Какабадзе, С. Какабадзе, А. Кутателадзе, С. Кобуладзе, К. Мерабишвили, Ш. Микатадзе, К. Санадзе, И. Тоидзе, В. Топуридзе.

Среди участников выставки— и представители творческой молодежи, чей творческий путь начался уже после первой декады. Это Р. Стуруа, Д. Габашвили, Е. Багдавадзе, Г. Чиринашвили, Т. Асатиани, И. Сумбаташвили, П. Лапиашвили, И. Аскурава. Произведения каждого из них несомненно заслуживают специального разбора, но, к сожалению, размеры статьи лишают нас этой возможности. Поэтому мы коснемся лишь тех произведений, которые, на наш взгляд, особенно показательны для характеристики сегодняшнего состояния грузинской живописи, скульптуры, графики, керамики—произведений, в которых особенно отчетливо слышится биение пульса нашей советской эпохи, в которых отразилась жизнь грузинского народа, особенности национальной формы грузинского изобразительного искусства. Эти работы, безусловно, заслуживают самого пристального внимания и потому, что они показывают, какой вклад внесли

грузинские художники в сокровищницу всего нашего советского искусства, являются еще одним свидетельством торжества ленинской национальной политики.

Внимание зрителей, конечно, привлечет монументальная скульптура В. Топуридзе «Победа», оригинал которой, как известно, установлен на фронтоне кутаисского театра. Эта скульптура выражает огромную духовную силу нашего народа, его беспримерный героизм, проявленный в борьбе за свободу и независимость Родины. Заинтересуют зрителей и другие работы В. Топуридзе. Среди них — эскиз памятника великому Ленину (памятник установлен на площади Ленина в Тбилиси). Из монументальных скульптур отметим также большой портрет Владимира Маяковского, выполненный в гипсе молодым скульптором Г. Кордзахия. Эта работа покоряет ясностью творческого замысла, большой экспрессией.

Успехи грузинских мастеров скульптуры общепризнаны. Особенно заметны они в жанре портрета, где плодотворно трудятся также Н. Канделаки, К. Мерабишвили, С. Какабадзе, Ш. Микатадзе, и их ученики — художники Д. Габашвили, Б. Авалишвили, Э. Какабадзе, Н. Алексидзе, Т. Асатиани и др.

Многовековую историю имеет грузинская барельефная скульптура. После длительного перерыва—он продолжался весь девятнадцатый и начало двадцатого века—подлинное возрождение ее традиций началось после установления Советской власти в Грузии. Особенно значительными были искания и успехи Тамары Абакелия, создавшей, в частности, барельефы для фасада здания Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Большим разнообразием отмечено творчество грузинских живописцев. В этом нетрудно убедиться, сравнив полотна таких разных художников, какими являются, например, Г. Габашвили и Л. Гудиашвили, У. Джапаридзе и Д. Какабадзе, К. Магалашвили и Е. Ахвледиани, Р. Стуруа и Э. Каландадзе, К. Санадзе и А. Бандзеладзе, А. Вепхвадзе и Д. Хундадзе, Г. Чиринашвили и З. Нижарадзе, Н. Чиковани и Е. Багдавадзе и др.

На Всесоюзной выставке, посвященной 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, были представлены произведения целого ряда грузинских живописцев. Показателен успех на этой выставке молодых художников — Г. Геловани, А. Бандзеладзе, Э. Каландадзе, Д. Хундадзе, Н. Янкошвили, О. Сулава, З. Нижарадзе, С. Чахоянца, К. Махарадзе, Г. Тотибадзе и др.

Ныне, на декадной выставке, К. Махарадзе, например, будет представлен большим полотном «Суворов и Багратион в Альпах», а Г. Тотибадзе—картиной «Готовясь к фестивалю». Молодые художники, и это необходимо отметить, стремятся к поискам новых путей живописного решения. Эти поиски не всегда успешны, иногда даже они становятся самоцелью, а не средством выражения глубины жизни. Но можно не сомневаться, что эта болезнь роста будет преодолена, и молодым художникам удастся создать картины большого общественного звучания.

На выставке будут представлены разные виды графики—литография, гравюра на дереве, линогравюра, офорт. Видное место отводится плакатам, карикатуре и миниатюре. Широко будут показаны книжная графика и иллюстрации.

Из книжных иллюстраций вызывают интерес, например, композиции З. Лежава к повести Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили», в которых художнику удалось точно передать картины природы Западной Грузии, создать яркие образы героев произведения. Привлекают внимание также иллюстрации А. Бандзеладзе к «Песне об Арсене», лаконичные, близкие к народному творчеству.

Среди художников, успешно работающих в области книжной иллюстрации, назовем также У. Джапаридзе («Разбойник Како» И. Чавчавадзе), С. Надарейшвили («Нацаркекия»), Н. Шаликашвили (иллюстрации к книгам для детей), Л. Григолия, И. Гурро и др.

Достойное место на выставке займут также плакат и карикатура. Упомянем лишь работы Д. Лолуа, Г. Пирцхалава, М. Талаквадзе, А. Канделаки.

Примечательны образцы рекламных плакатов, созданных специально к декаде. Они принадлежат Л. Григолия, Элгудже и Мерабу Бердзенишвили, Л. Шенгелия, И. Горделадзе, Д. Дондуа, О. Джишкариани, Н. Малазония, В. Георгобиани, С. Кашхиани, Ш. Купрашвили.

На выставке будут экспонироваться произведения грузинских художников-керамистов. Искусство керамики имеет в Грузии многовековую историю. Ее яркие самобытные традиции во всей полноте раскрылись в творчестве современных художников. Хочется надеяться, что произведения художников-керамистов не будут лишь достоянием выставок, а прочно войдут в быт народа.

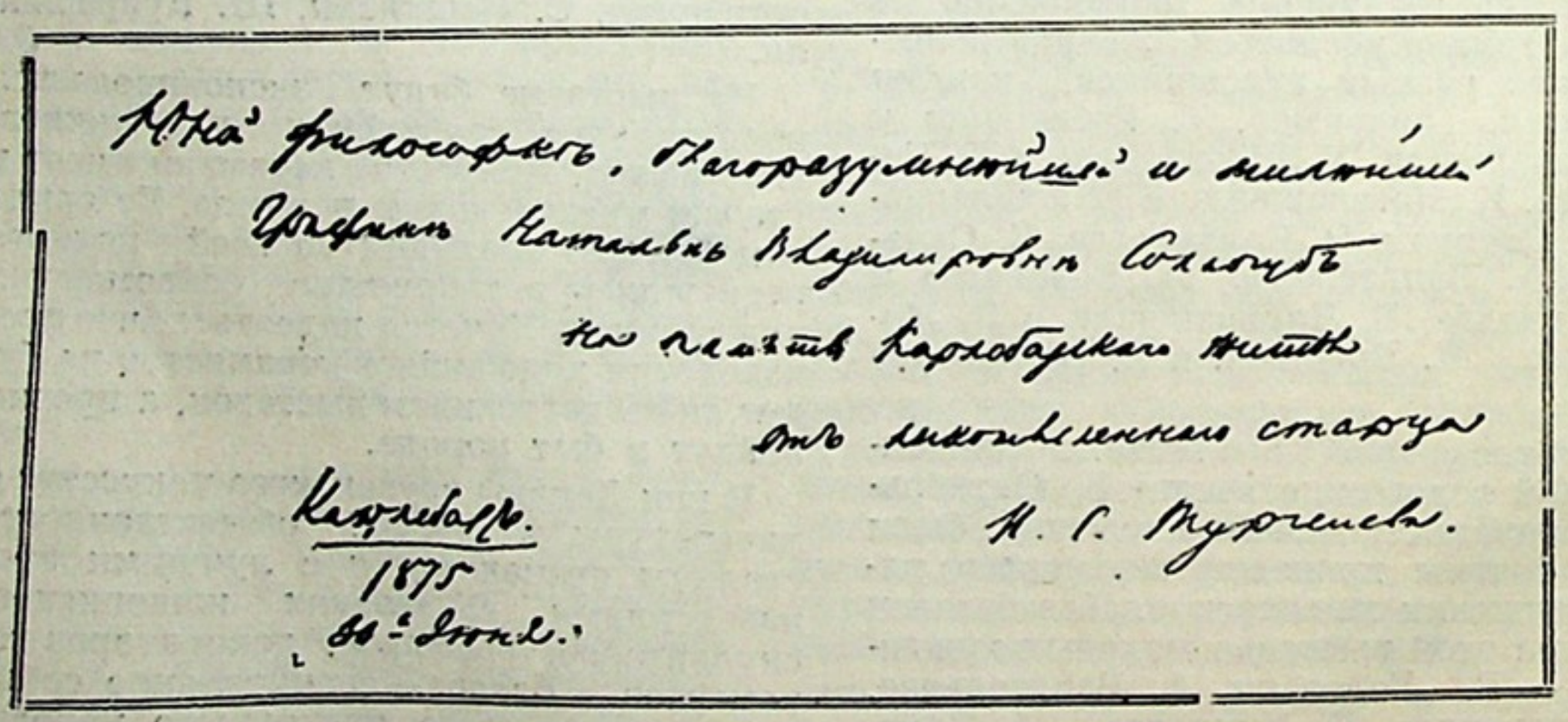
В дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве общественность столицы познакомится с лучшими произведениями грузинских живописцев, скульпторов, графиков, декораторов-керамистов. Декада—значительное событие в жизни всего грузинского народа, большой этап на пути дальнейшего развития искусства Грузии.

И. ОТАРИШВИЛИ.

Автограф И. С. Тургенева в Литературном музее Грузии

В Литературном музее Грузии хранится целый ряд неопубликованных документов, принадлежащих перу известных русских писателей. Среди них наше внимание привлек автограф записки И. С. Тургенева, адресованной Наталии Владимировне Соллогуб.

Н. В. Соллогуб — младшая дочь писателя В. А. Соллогуба (1813—1882), автора популярных в свое время произведений — «История двух калош», «Тарантас» и др. В 1850—54 гг. и в 1857—60 гг. В. Соллогуб служил в канцелярии кавказских наместников «между прочим для занятий статистическими и историческими исследованиями» (см. «Русский библиографический словарь»). В. Соллогуб, однако, не ограничивался своими обязанностями чиновника. Он поддерживал тесные связи с грузинской интеллигенцией, не прекращал литературной работы (ему принадлежит, в частности, стихотворение «Алаверды», несколько переводов, описание старинных памятников Грузии и т. д.).


Милой философке, благоразумнейшей и милейшей
Наталье Владимировне Соллогубъ
на память Карлсбадской жизни
отъ любящаго старика
И. Тургенева.
Карлсбадъ.
1875
16-го Іюня.

Лето 1875 г. В. Соллогуб вместе с семьей провел в Карлсбаде, где в это время находились также И. С. Тургенев и А. К. Толстой. Писатели часто собирались вместе, читали свои новые произведения. В один из та-

ких вечеров, когда А. К. Толстой читал свою неопубликованную сатиру «Сон Попова», дочери В. Соллогуба — старшая Екатерина, отличавшаяся веселым, жизнерадостным характером, и младшая Наталья, серьезная, задумчивая, непомерно степенная для своих 14 лет девочка — получили от И. С. Тургенева на память записки. На английском переводе поэмы Лермонтова «Демон» Тургенев написал: «Милейшему вулканчику графине Екатерине Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от горсти потухшего пепла». А Наталья получила такую шутливую записку: «Юной философке, благоразумнейшей и милейшей графине Наталии Владимировне Соллогуб на память Карлсбадского житья от легкомысленного старца. И. С. Тургенев. Карлсбад. 1875 г. 30 июня».

Н. В. Соллогуб-Чичуа почти всю свою жизнь провела в Грузии. Она жила сначала в Ахали Сенаки, затем в Гори и Тбилиси. Незадолго до смерти (1934 г.) Н. В. Соллогуб передала хранившийся у нее автограф И. С. Тургенева Литературному музею Грузии.

П. КОТЕТИШВИЛИ

Коротко об авторах

СЕЙРАНЯН Беник Мкртычевич (Род. в 1913 г.)— армянский писатель. Окончил Педагогический институт в Ереване. Живет и работает в Грузии. Первая книга «Тропа на скале» вышла в 1935 г.

Б. Сейранян является автором ряда пьес, которые идут на сценах театров Грузии и Армении.

В 1952 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник Б. Сейраняна «Новеллы» на русском языке, а в 1957 г. этот сборник был издан в переводе на грузинский язык. К Декаде грузинского искусства и литературы на русском языке в издательстве «Заря Востока» выходит сборник рассказов Б. Сейраняна «В горах весна».

ЧИКОВАНИ Григол Самсонович (Род. в 1910 г.)— грузинский писатель. В 1936 году окончил юридический факультет Тбилисского государственного университета, в 1938 г. — сценарный факультет для писателей при Институте кинематографии в Москве. Писать рассказы и очерки начал с 1932 г. Первая книга была выпущена в 1940 г. Ряд очерков писателя переведен на русский язык и языки народов стран народной демократии.

В 1958 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник рассказов Г. Чиковани «Мая».

ВАРШАНИДЗЕ Мамия Омарович (Род. в 1914 г.). —грузинский поэт. Первые стихи были напечатаны в 1933 году. В 1939 г. вышел первый сборник стихов поэта. Следующие сборники выходят в 1946, 1951 и 1956 гг. в Аджарии.

ДЗУДЦАТИ Хаджи-Мурат Александрович (Род. в 1935 г.)— осетинский поэт. В 1957 г. окончил Литературный институт им. Горького. Первые стихи его печатаются в 1948 г. В 1956 году вышел сборник стихов поэта «Первое слово».

ВАРДОШВИЛИ Харитон Иванович (Род. в 1895 г.)— грузинский поэт и переводчик. Учился в Тбилисском университете, на филологическом факультете. Первый сборник стихов был издан в 1924 г., второй — в годы Великой Отечественной войны, третий — в 1946 г. Х. Вардошвили принадлежат переводы на грузинский язык стихов Пушкина, Гейне, Шиллера, Гете, Блока, Брюсова, а также современных русских поэтов.

МАРГИАНИ Реваз Акакиевич (Род. в 1914 г.)— грузинский поэт. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Первая книга стихов издана в 1940 г., вторая—в 1945 г. После окончания войны вышла книга стихов «Да будет мир!». В 1949 г. издана книга «Песня коммунизма». Недавно в издательстве «Советский писатель» вышла на русском языке книга стихов Р. Маргиани «Восхождение».

ШЕНГЕЛИА
Алеко (Александр) Петрович

(Род. в 1914 г.) — грузинский поэт, учился на литературном факультете Тбилисского государственного университета. Начал печататься в 1938 году. Первый сборник стихов издан в 1940 г., второй — в 1946 г. В 1954 г. издательством «Советский писатель» изданы его поэмы и стихи на русском языке. В 1955 г. издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов Шенгелиа «Родники в горах». К Декаде грузинского искусства и литературы в Москве выходит новый сборник стихов А. Шенгелиа.

ЛАСУРИА
Алексей Едгеевич

(Род. в 1927 г.)— абхазский поэт и драматург. Учился в Литературном институте им. Горького в Москве. Писать стихи начал с 1944 года. В 1951 г. выходит книга стихов в переводе на грузинский язык. В переводах на русский язык стихи издавались издательством «Советский писатель». Пьесы А. Ласуриа идут на сцене абхазского театра.

АБХАИДЗЕ
Шалва Николаевич

(Род. в 1894 г.)— грузинский поэт, критик и переводчик. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Первое стихотворение опубликовал в 1919 г.

Ш. Абхаидзе работает также в области литературной критики и перевода. Ему принадлежат переводы на грузинский язык романов «Мать» М. Горького, «Чапаев» Д. Фурманова и других произведений советских писателей.

ДАВИТАШВИЛИ
Михаил Данилович

(Род. в 1914 г.)— журналист. Окончил литературный факультет Тбилисского педагогического института им. Пушкина. С 1933 г. работает в органах советской печати. М. Давиташвили автор ряда очерков о Великой Отечественной войне и жизни колхозной деревни Грузии, изданных на грузинском, русском и украинском языках.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Технический редактор К. Корнителн.

Подписано к печати 14/III-58 г.

Формат бумаги 70×108 1/16 8,5 печ. натур. л.

Заказ № 199 Тираж 4.000. УЭ00592

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова,
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

5 руб.

1700

788